

следопыт

Первое
золото
России

Легендарный
генерал

Сибирский
кадетский
корпус

150 лет со дня рождения
Д. Н. Мамина-Сибиряка

Маршруты Уральского следопыта

Сакмара – одна из популярнейших среди туристов сплавных рек Южного Урала – берет свое начало на восточном склоне хребта Урала. Она течёт с севера на юг вдоль подножия хребта и служит естественной границей между лесами и степями Зауралья. Крутые склоны правого берега покрыты сосновыми и березовыми лесами, по ним в большом количестве стекают чистые горные ручьи. Левый берег – открытая холмисто-увалистая долина, типичный степной ландшафт.

Заезд на маршрут через города Магнитогорск и Сибай, далее к началу сплава автобусом. Протяженность маршрута – 310 км, категория сложности – вторая, весной в большую воду – третья. Начало сплава – с. Бекешево (в малую воду – с. Юлдыбаево), конец – г. Кувандык. Средства сплава – байдарки и различные надувные суда.

**«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»**

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 3-30

АЭЛИТА

СТР. 31-60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 61-80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

В номере: 11"2002

Наследие

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме» (продолжение)..... 4

Тропой поиска

Л. ЗЕНОВА, В. ШЕВАЛЕВ «Первое золото России» (начало)..... 12

Ю. ГУНГЕР «Вчерашний день Еловского курорта»..... 23

Юбилей

Н. ЗАЙЦЕВ «Легендарный генерал»..... 16

В. КАРДАПОЛЬЦЕВА «Серебряными блестками по голубому бархату»..... 20

Портреты

Ю. КОНЕЦКИЙ «Карьера полковника Демидова»..... 17

Краеведческая копилка

В. ТРУСОВ «Медаль Григория Зотова»..... 26

На перекрестках судеб

И. СЕМЕНЧИК «Как капитан Лепендин Хайле Мариам кормил»..... 28

Фантастика

Р. СРЕДНИЙ «Меч с рукоятью с обеих сторон» (начало)..... 32

Барды

Л. ЗОНОВ. Песни..... 46

Современная проза Урала

Г. БУРМИСТРОВ «Пражская история»..... 48

Современная поэзия Урала

Литературное движение «Горный родник». Стихи..... 54

Дебют

П. РУБЛЕВА «Кракозябра»..... 57

Д. ЧЕТВЕРКИНА «Шаг»..... 59

Наши увлечения

Т. КРАФТ «День камней»..... 62

Эх, отличились!

А. БАЙДАКОВ «Как мы сплавились по Сакмаре»..... 66

Экспедиции

А. НЕКРАСОВ «Ял-6: от Новосибирска до Волгограда».. 69

Л. БУКРИН «Земля Николая II - Северная Земля»..... 75

Наши за рубежом

А. КАТКОВ «Не только у нас», «Лошадь на балконе»..... 77

Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Условия участия в конкурсе:

1. Прислать в адрес редакции
  - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
  - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
  - копию подписного абонемента (не менее 6 месяцев) на журнал «Уральский следопыт»;
  - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор, лучше всего — текст плюс дискета, или разборчивый почерк).

Номинации:

1. Сказка; 2. Проза; 3. Поэзия; 4. История и краеведение.

По многочисленным просьбам:

1. Срок приема рукописей на конкурс продлен до 1 февраля 2003 г.
2. Добавляется и отдельно оценивается возрастная группа авторов 18-25 лет.

Конкурс «Большие надежды» традиционно привлекает внимание наших юных талантов из различных городов и сел. За последнее время в адрес жюри были присланы стихи и рассказы из городов Урая и Междуреченска Тюменской области, из Новоорска Оренбургской области, из Усть-Катава Челябинской области, из Сургута, из Тарко-Сале (ЯНАО), из Североуральска, Новой Ляли, Екатеринбурга, Качканара и поселка Баранчинский Свердловской области. Радует творческий подход юных дарований в освещении краеведческого материала, необычность стиля некоторых прозаиков и поэтов. Время еще есть — присылайте свои работы и побеждайте.

Имена всех участников конкурса будут опубликованы после подведения итогов.

Работы, отвечающие требованиям конкурса, независимо от того, будут ли они удостоены наград или нет, передаются в библиотеку журнала «Уральский следопыт» и могут быть использованы редакцией без дополнительных соглашений.

Жюри конкурса «Большие надежды».

РЕКА ВРЕМЕНИ

Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК
«Сказание о сибирском хане, старом Кучуме»
«Первое золото России»
«Карьера полковника Демидова»
«Медаль Григория Зотова»
«Как капитан Лепендин Хайле Мариам кормил»
и другие материалы.

Томский, еще не ставший Маминым

Событием не только уральского, но и все-российского масштаба следует считать выход в свет в канун 150-летия со дня рождения писателя первого тома 20-томного Полного собрания сочинений Д. Н. Мамин-Сибиряка.

Именно первый том — уже событие. Потому что по теперешним временам трудно гарантировать завершение такого грандиозного предприятия. Потому что научная основательность первого тома является залогом того, что и последующие тома будут исполнены столь же профессионально. Наконец, потому, что уже первый том представил нам, образно говоря, неизвестный ранее фрагмент мозаичной картины, называемой «Русский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк».

Дело в том, что полного научного собрания сочинений писателя до сих пор не существовало. Выходили много- и малотомные книги избранного, сборники романов, повестей, рассказов. Приложением к журналу «Нива» в 1917 году вышло даже «полное» собрание сочинений, но не научное, а для массового читателя. И вот перед нами — один из 20 фрагментов подлинного литературного «портрета» нашего классика.

В начальный том вошли незавершенный роман «Омут», путевые заметки «Неудача» — то и другое никогда не было опубликовано и печатается по рукописям. Другие же, за немногим исключением, впервые появляются в книжном варианте, пребывая до сей поры только на журнально-газетных страницах. Словом, перед

нами — никому не известный Е. Томский (один из первых псевдонимов Д. Н. Мамин), его первые литературные дебюты. Прделана, как видим, огромная поисковая и исследовательская работа.

И то, какая встреча будет уготована первому тому в культурном мире Екатеринбурга, области и Урала, станет верным показателем того, чем этот мир живет сегодня и не разучился ли находить в литнавозе подлинное жемчужное зерно.

Издание начато по инициативе Министерства культуры Свердловской области, печатается под патронажем областного правительства и выходит под общей редакцией известного литературоведа и историка литературы, заслуженного деятеля науки РФ Гурия Щенникова. Исполнитель — издательство «Банк культурной информации».

*Юний Горбунов
Фото. Е. В. Савенко*

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Сказание о сибирском хане, старом Кучуме

Легенда

IV.

Красивое место — Наоболак. Два степных озера смотрят в небо, как два светлых глаза, опущенных зелеными ресницами степных камышей. Пестрым ковром облегла степь это любимое ханом Кучумом место, куда он летом выезжал со всеми своими женами, и где веселилось ханское сердце, покрываясь новыми цветами. Но теперь — осень; в степи шелестит высохшая трава; давно завяли степные цветы, и над веселым ханским местом черной тучей нависла печаль. Сотни кибиток разбиты кое-как, как громадные тюбетейки, упавшие с богатырских голов; горят огни, ржут лошади, а печальные женщины утром и вечером смотрят в ту сторону, где вольно катится Иртыш и откуда все ждут грозных вестей. Сбежались сюда женщины из разоренных городков Епанчи, Карачи и Атика, а лучшее место занимает ставка ханских жен и наложниц. Горе соединило всех в одно стадо, но никакое горе не заставит Лелипак-Каныш позабыть молодую красоту Сайхан-Долангэ, — она каждый день у нее на глазах, и каждый день смертельно ноет сердце старой ханши.

Тоскует и Сайхан-Долангэ: молодость и красота ей в тягость, потому что и цветы блекнут, когда на них не смотрит горячее солнце. Утешает девушку старая Кюн-Арыг, мать батыра Махметкула.

— За что ненавидит меня ханша Лелипак-Каныш? — жаловалась ей Сайхан-Долангэ. — Что я сделала ей?.. Быть женой беззубого старика я совсем не желаю, да и сердце у Кучума горячее не по годам: сегодня одна жена, а завтра десять новых. Я лучше пойду за степного батыря, которому не на что купить второй жены...

— Это говорит в тебе гордость, моя красавица. — стыдила ее старая Кюн-Арыг и тяжело вздыхала. — У всякой девушки свое счастье, а когда состаришься, тогда ничего не будет нужно...

— Но ведь я еще молода? Я хочу веселиться...

Посмотри, как плачет красавица Сузгэ, которую Кучум забыл, как и других жен. Она — гордая киргизка, и Кучум отбил ее у молодого жениха. Спроси ее брата, царевича Уразу-Магмета: он знает, как она убивалась в Сузгуне... Лелипак-Каныш утешает себя детьми, а Сузгэ остались одни ее слезы.

По вечерам Сайхан-Долангэ пела старые песни о старых степных батырях, которых любили степные красавицы, и о великих ханах Темир-Ленке, Чингисе, Искандере и Бату. Хорошо пела Сайхан-Долангэ, и около нее собирались все старухи, чтобы поплакать вместе о настоящем горе. На эти песни приходила и Лейле-Каныш, как летит птица к птице, — она оставляла гордость ханской дочери в своей кибитке. Когда на глазах не было старух, красавицы весело смеялись: их молодая радость плавала поверх горя, как масло над водой. Они обе любили батыра Махметкула и обманывали друг друга, как молодые лисицы, когда они играют на солнце.

— Зачем мы с тобой не сестры? — ласково шептала Лейле-Каныш. — Мать не любит тебя, а я не могу без тебя жить...

— И я тоже, — отвечала Сайхан-Долангэ. — Когда твой отец прогонит казаков, он отдаст тебя в награду Махметкулу за его храбрость... Старая Кюн-Арыг и теперь провожает тебя глазами, как свою молодость. У нее даже глаза слезятся от радости... Не забудь и меня позвать к себе на свадьбу.

Продолжение. Начало в № 10.

— Это будет, когда лед на Иртыше загорится огнем, — смеялась Лейле-Каныш.

Чем казалась веселее Сайхан-Долангэ днем, тем сильнее она убивалась и плакала ночью, — молодое сердце чуяло беду. Шаманка Найдык напрасно уговаривала ее — шептала над ней свои заклинания и осыпала чудесной травой.

— Твоя звезда счастливая, — уверяла Найдык. — И Кукджу тоже говорит, а он все знает, столетний Кукджу... Он теперь с Махметкулом, как тень вокруг дерева. Кукджу сказал: необыкновенное счастье ждет красавицу Сайхан, дочь Карачи, и ты можешь спать под его словами, как под крышей из камня.

Не все говорила Найдык, что знала: обманывала она и себя, и Сайхан-Долангэ. Не счастье ждало красавицу, а кровавая беда... Раз вечером, когда Найдык сидела перед кибиткой у огня, в степи показалось черное пятно. Все женщины встrepенулись, как спустившаяся на воду стая птиц, когда завидит лодку. Пятно росло и оказалось двумя лошадьми, которых вел старый Кукджу. Между лошадьми была натянута белая кошма, а на кошме лежал раненый под Чувашьей горой батырь Махметкул. Сам Кукджу вынес его бездыханное тело из жестокой сечи и спас от погони одолевших врагов, — он на берестяной остячковой лодке перевез его через Иртыш. На другом берегу столетний Кукджу хлопотал возле батыря, прикладывая целебные травы к его ранам, и читал свои заклинания, а потом перевез в той же лодке назад. Три дня и три ночи шли лошади с драгоценной ношей, а Кукджу шел впереди их и собирал новые травы. Махметкул, усыпленный питьем, лежал, как мертвый. Весь Наоболак выбежал навстречу к шаману, и женщины с воем окружили его. С криком упала на землю Кюн-Арыг, когда узнала, кто лежит в кошме.

— Он будет жив, твой Махметкул, — сказал Кукджу, отгоняя любопытных женщин. — Он искал смерти и не нашел... Сотни матерей позавидуют твоему счастью, Кюн-Арыг.

Сайхан-Долангэ уступила свою кибитку батырю, и когда Махметкул очнулся, — он узнал ковры с Карача-Куль. Заиграло в нем весело молодое сердце, и снова открылись страшные раны.

— Вези меня в Искер... — шептал батырь. — Хочу умереть на его высоких стенах, а не в женской кибитке.

— Умрешь потом, когда придет время, — строго отвечал Кукджу и опять дал Махметкулу усыпляющего питья.

Так было нужно... Женщины не смели плакать, и только Кюн-Арыг неотступно сидела в кибитке сына, как птица над выпавшим из родного гнезда птенцом.

Не успели догореть огни у кибиток, как Наоболак опять встревожился, — вся степь точно застонала под конскими копытами. Заржали лошади, почуяв верховых, и скоро долетел первый топот ханских аргамаков. Это был сам хан Кучум, бежавший из Искера, как загнанный собаками старый волк. В Искере веселились казаки, а хану Кучуму осталась его степь... Степь вспоила и вскормила хана Кучума, и едет он по ней, низко опустив свою седую голову. Не слышит он ни призывного ржания коней, ни лая сторожевых собак, точно он сам остался в Искере, а вместо него на коне едет его тень. Не слышит он и провожающих его мурз и советников; за ним все время неслась стая убитых им князей, мурз и степных батырей под предводительством убитого сибирского хана Едигера и его брата, Бик-Булата... Неслышными шагами они старались обогнать его аргамака и загородить дорогу, но Кучум точно просыпался и мчался вперед, как бешеный. Только в виду Наоболака отстала от него эта немая свита, и хан Кучум вдруг опустил в седле и изнемог. Лучше бы не видели его старые глаза этого проклятого дня, когда казаки овладели его сердцем — Искером...

— Хан Кучум, мы приехали... — говорил Чинмурза, ехавший за ним вместе с Хан-Сеидом.

Спешились мурзы и сняли шапки, ожидая, когда сойдет с седла хан, а он все сидел и смотрел кругом, точно не понимал, куда они приехали. Жен-

щины не смели плакать, задыхаясь от горя. Когда к ханскому седлу подошла Лелипак-Каньши, Кучум опомнился.

— Где Симбула? — спросил он. — Я не вижу Симбулы...

— Она в кибитке, хан.

— Лучше бы ей никогда не выходить из кибитки, чтобы не слышать о смерти брата, мурзы Булата... Много их там легло в Искере, и только недостает моей седой головы.

Кучум заперся в своей кибитке с Хан-Сеидом и всю ночь не сомкнул глаз. Он то плакал, то жаловался, то просил Хан-Сеида убить его, старого хана Кучума, не умевшего отстоять своего сердца — Искера. Хан-Сеид слушал его молча, а потом громко молился. Хан дико смотрел на него и все прислушивался к тому, что делается в стойбище — ни в одной кибитке не спали, потому что все или ухаживали за ранеными, или оплакивали убитых. Земля гудела, как живая: это все бежали со стороны Искера — кто пеший, кто конный, и все привозили новых раненых. Чин-мурза распорядился, чтобы женщины не смели громко плакать и тем наводить уныние на живых, но Кучум послал сказать:

— Пусть женщины плачут...

Дрогнула даже степь от жалобных криков горевавших женщин... Они рвали на себе волосы, царапали до крови лица и падали на землю, отнявшую у них отцов, братьев, мужей и сыновей. Убивалась и плакала ханша Симбула, которую водили под руки; плакали жены мурз и простые татарки — горе сравняло всех, как траву в степи равняет острая коса.

V.

Три женщины мучились в родах: схватилась одна за землю — от нее произошли китайцы, другая схватилась за дерево — родились русские, за конскую гриву схватилась третья — и все ездящие на коне считают ее своей матерью. От волка зачала эта третья, и волчья кровь осталась в степи. Поэтому не боится сердце джигита ни волчьих глаз, ни волчьего воя, а в буран оно веселится, как на празднике. У первой матери смиренные дети — не любят войны, у второй матери — дети бьют только чужих и чужое любят больше своего, а дети третьей матери страшны для всех — не растет трава, где они пройдут. Мир принадлежит им, ездящим на коне... Но волчья кровь не знает покоя: когда нет войны с чужими — бьются свои. Горько оплакивала эта третья мать и раненых, и убитых, и взятых в плен. Она все была дома, в своей кибитке, а кровавое горе ходило бураном по степи из конца в конец. Так было и теперь... Чужая беда радуется в Искере, а своя беда собирается в степи, — моло-

дой хан Сейдяк вышел из Бухары, молодой хан Сейдяк хочет докончить то, что оставалось еще от казаков. Поднялась опять кость Тайбуги, и крепко задумались самые храбрые мурзы старого хана Кучума.

— О, пророк, да благословит бог Сеида и да приветствует! — говорит хан Кучум Хан-Сеиду, — ты пришел ко мне из Ургенджа, тебя послал бухарский хан Абдулла-хан... Зачем Абдулла-хан выпустил из Бухары молодого Сейдяка? Вместо одного врага, у меня теперь два... Это казакам на радость, когда две кости схватятся в степи.

— Бог велик, хан Кучум, а будущее неизвестно, — отвечал Хан-Сеид. — Вот ты жалуешься, как женщина, которая умеет только пряхь шерсть... Делай то, что делал: ты стоишь впереди всех. Не бойся ни молодого Сейдяка, ни ногайской орды — у каждого своя дорога. Не все ли равно: одна или две беды...

Опять ударили большие бубны, и собрались около Кучума все большие люди — князьки, мурзы, батыри; ударили малые бубны, и сбежались к Кучуму все, кто мог ездить на коне. Двойная беда удвоила силы старого хана; он даже забыл о красивых глазах Сайхан-Доланьгэ, которая больше не пела своих песен. Боевая стрела, как молния, облетела самые далекие улусы и стойбища, вызывая всех в поле. Убьют казаки десять человек, а на их место выходят новых десять, как весенняя трава, сменяет прошлогоднюю.

Долго не уходит степная зима; новый снег засыпает весенние проталины, а тронувшаяся днем вода застывает ночью. Но уже летят птицы с теплого моря, заиграли речные верховья, и зеленым бархатом одела первая весенняя трава речные берега. Да, птицы летят к оставленным гнездам, на знакомые стойбища, и по небу вместе с ними несется веселый крик. Только хан Кучум не вернется больше на старое гнездо, на высокий берег Иртыша, где красуется Искер, и его сердце стынет, как выбившаяся из сил перелетная птица.

— Кто померяется силой с Ермаком? — спрашивает хан Кучум.

Мурзы, князьки и батыри только переглядывались, а отвечал один батырь Махметкул, только что оправившийся после тяжелых ран:

— Я убью Ермака, хан Кучум... Только бы мне выманить его из Искера в чистое поле.

— У тебя храброе сердце, Махметкул, — отвечает хан Кучум, — но Ермак старше тебя, а когда старый коршун спит сытый на высоком дереве, коршунята еще голодают...

Обидное слово только разожгло еще больше Махметкула, а на старого хана сердиться не стоило. Два светлых глаза посылали батыря туда, откуда немногие возвращаются.

— Я выйду замуж за того, кто убьет Ермака, — говорила Сайхан-Долангэ. — Убьет старый человек — он помолодеет со мной, убьет молодой — будем радоваться. Храбрейшему из храбрых моя красота будет наградой.

Махметкул уже наперед видел красавицу своей, потому что кто же храбрее его от студеного моря до теплого? Только столетний шаман Кукджу качал своей головой: девичьи слова, как зеленые листья на дереве — сегодня выросли, завтра опали, а Ермака не возьмет ни сабля, ни стрела. В железо заковано его сердце.

Как молодой лев один выходит по ночам на добычу, так отделился от остального татарского войска батырь Махметкул. Он ушел на реку Вагай с небольшим отрядом и там хотел выждать Ермака. Развеселилась и ты, маленькая речка Вагай, разлилась от весенней воды и вышла из берегов, а каждая твоя капля тянулась к большому Иртышу, как маленькое горе к большому. Мутна вода в Вагае, хитрые мысли в голове старого атамана Ермака, который засел в Искере, как травленный зверь. В темную ночь это было, как накрыли казаки на Вагае татарскую славу. Горько застонала старая Кюн-Арыг, когда узнала о всем случившемся на Вагае. По стойбищам, улусам, зимовьям и аулам стрелой разнеслась печальная весть, но женщины не будут петь славу Махметкула... Лучше было Махметкулу умереть у бабасанских юрт или под Искером, а не попадать живому в руки казаков. Утонула слава батыря Махметкула в далекой Москве.

— Для чего я мучилась, когда родила Махметкула? — повторяла неутешная Кюн-Арыг, обезумевшая от горя. — Для чего я плакала целые дни и ночи, когда он волком ходил на Камень? Зачем я лечила его глубокие раны, от которых ему лучше было бы умереть у меня на руках?

Вместе с неутешной матерью плакали все другие женщины, — всем им было жаль Махметкула, как свою кровь.

— Я его считала своим сыном, — говорила Лелипак-Каньш, ухаживавшая за Кюн-Арыг, как сестра. — Твое горе — мое горе, Кюн-Арыг. Вон и Лейле-Каньш убивается, как не плакала о родных братьях, и Сайхан-Долангэ... Мы, старухи, теряем только сыновей, а наши девушки теряют все.

Кюн-Арыг не понимала ласковых слов Лелипак-Каньш. Она походила на старое большое дерево, разбитое грозой: еще остались ветви с зелеными листьями, но нет в нем больше жизни. Она даже не плакала, как другие женщины, а только стояла. Мужчином было стыдно слушать эти стоны, особенно когда Кюн-Арыг начинала упрекать.

— Один был храбрый из батыров — и вот он в позорном плену! — кричала старуха, бегая по стой-

бищу с распущенными волосами. — Кто же защитит его? Кто выручит из неволи?.. О, будьте вы все прокляты, те трусы, которые продали моего сына... Я сама пойду к атаману Ермаку и скажу: «Это я, мать Махметкула, пришла к тебе... В степи нет храбрых, а только робкие женщины. Отдай мне сына, отдай Махметкула... Если бы я была богата, я заплатила бы тебе золотом; если бы я была молода — своей красотой; а теперь я старуха и могу только плакать».

Обидно было слушать эти горькие слова всем, но никто не решился унять обезумевшую от горя Кюн-Арыг. Хмурится старый хан Кучум: слова старухи впивались в его сердце, как стрелы; хмурятся старые мурзы и батыри, и думает за всех один Карача, у которого в голове мысли бегали, как лисицы в норе, когда их подкуривают дымом. Старый Карача знал, что Ермак не будет держать Махметкула в Искере, а отправит поскорее в Москву, — слишком дорогую добычу не держат дома. Так оно и вышло: Махметкула увели в московскую неволю по той дороге, по которой он еще недавно ходил весенней грозой за Камень. Затихла степь, затих Искер. Обе стороны собирались с силами, чтобы продолжать войну. Ермак ждал атамана Кольцо, посланного в Москву с повинной к Белому царю. Только осенью вернулся Кольцо и привез милос-

тивное царское слово казакам, а Ермаку — шубу с царского плеча да тяжелую кольчугу. Веселятся Ермак в Искере, веселятся с ним все казаки, а беда уже пришла к самому Искеру, пришла с покорным словом и ласково смотрит прямо в глаза. Говорит Ермаку посол мурзы Карачи:

— Было царство сибирское и владел им хан Кучум, а теперь владеет Белый царь... Не стало силы в степи, изнемогли татары, а наши враги-ногаи разоряют наши степные аулы. Возьми нас, Ермак, под свою защиту и пришли казаков, чтобы побии ногаев. Мы честно бились, а ногаи-разбойники, которые грабят убитых или беззащитных женщин.

Не обманул бы мурза Карача хитрым словом, но ослепила Ермака покорность. Поверил он беде Карачи и послал ему на выручку своего лучшего атамана Кольцо с казаками; сам послал, чтобы больше не видеть его. Как весной оплакивал хан Кучум своего лучшего батыря Махметкула, так осенью Ермак заплакал по лучшему своему атамане, попавшем в хитрую западню. Нет жалости в сердце Карачи, и зарезал он Кольцо и всех посланных с ним казаков, а голову атамана послал неутешной Кюен-Арыг.

VI.

Черной тучей облегла беда со всех сторон сибирского хана Кучума: он потерял ханство, столицу Искер, двух сыновей, и последний свет из глаз выкатился у хана Кучума.

— Глаза не будут больше тебя обманывать и не будут искать новых красавиц, — корит его ханша Делипак-Каньш. — Услышал Бог мои старые слезы...

Ничего не мог ответить жене старый хан, да и что мог сказать человек, которого водили под руки? Но чем больше была беда, тем сильнее становился старый хан Кучум: и слепой он нагонял страх на казаков и ногаев с Сейдяком. Оставались у него еще мурзы и советники, которые исполняли ханские слова. Своими слепыми глазами он видел тайные замыслы своих лучших советников и молчал. Первый захотел изменить ему мурза Карача, убивший двух казацких атаманов. Счастье отуманило голову старого мурзы, и он замыслил один взять Искер. Набрал он бродивших по степи татар из разоренных улусов, пригласил киргизов и ногаев, и с этой силой обложил Искер. Мало казаков в Искере, а помощь далеко, — этим и хотел воспользоваться хитрый мурза. Главный стан у Карачи был под Сауксаном, и весной он запер Ермака в Искере, как медведя в каменной берлоге. Мало казаков, и нельзя им выйти из города, а Карача захватил все дороги и хвастается: «Голодом заморю московских батыров... Сами придут с повинной ко мне в Сауксан».

Месяц стоит мурза Карача под Искером, стоит

второй, и третий стоит, а все держатся казаки. Посылает Кучум сказать мурзе Караче, чтобы не тратил напрасно времени и поберег татарскую силу, но далеко зашел старый Карача, чтобы идти ему с повинной к хану Кучуму. Тесно им двоим в степи... Нет пощады у хана Кучума, нет пощады и у мурзы Карачи. Пусть пока хан Кучум воюет с ногаями, а мурза Карача успеет в это время отнять у казаков Искер. Хан Кучум стар и слеп; сын Едигера, хан Сейдяк, еще молод, а мурза Карача сам будет сибирским ханом. Так думал мурза Карача, сидя в Сауксане, а Ермак отсиживался в Искере. Хитрее Ермак хитрого татарского мурзы и ждет только темной летней ночи... Два атамана остались у Ермака: Мещеряк да Брязга, как два глаза. Когда наступила темная ночь, тихо вышли казаки из Искера, прокрались в татарский стан и начали жестоко сечу. Это был атаман Мещеряк, а сам Ермак оставался в Искере. Сонные татары не узнавали друг друга и бросились бежать. Напрасно сам Карача с двумя своими сыновьями бросился вперед на казаков — татары бежали, как зайцы. Бежал и сам мурза Карача, оставив сыновей убитыми под Искером.

Как бешеный, несется в степи мурза Карача, и все ему кажется, что за ним погоня. Слезет с коня, припадет ухом к земле, а под землей — глухой стон и конский топот... Опять летит Карача, опять прислушивается: тот же топот и тот же стон, и с каждым разом все ближе и ближе. Нет спасения старому Караче, если вовремя не доберется он до ногаев. Молодой хан Сейдяк примет его с радостью, а старый хан Кучум зарежет, как старую собаку. Нет конца-края степи, и загнал Карача уже двух лошадей, — осталась последняя, третья, и, если она не вынесет, — пропало все. Мурза Карача чувствует, что и голова как будто уже не его и готова сама отделиться от туловища. Был день или стояла ночь — мурза не различал. Два дня и две ночи несется он в степи. Третья лошадь стала задыхаться — это пришел конец хитрому Караче. Но все-таки едет он все вперед и видит: точно из-под земли вырос перед ним всадник. Ближе — всадник больше и машет ему копьем. Это сторожевой Кучума, поставленный ловить его. Пригнулся Карача к седлу, вытянул пику и понесся вперед, на всадника: все равно умирать... Но что это значит: всадник бросил свое копьё на землю и спокойно ждет его. Приостановил своего скакуна мурза Карача и узнал самого Хан-Сеида. Да, это был он, святой старик со своей белой бородой.

— Куда ты бежишь, Карача? — говорит Хан-Сеид — Остановись... Ты налетишь на Кучума, и недобровать твоей голове.

Опустились руки у Карачи: он ехал к ногаям, а попал на Кучума. Обманули его свои собственные глаза, обманула неоглядная степь... Слезает Карача

с коня, бросает свою пику на землю и говорит:

— Некуда мне больше бежать, Хан-Сеид... Веди меня к Кучуму, пусть он снимет с меня голову: не нужна она мне.

— У хана Кучума такое же безжалостное сердце, как и у тебя, — говорит Хан-Сеид. — Ты — кремень, он — сталь, а когда ударит сталь о кремень, то полетят искры...

Не слушает ничего мурза Карача, а пал на землю и говорит:

— Дети мои, дети... где мои сыновья? Хан-Сеид, два сына были у меня, а теперь я один... Один я, Хан-Сеид, и пусть хан Кучум лучше зарежет меня, как барана.

— Так было нужно, мурза Карача, кость Тайбути, — отвечал с печалью Хан-Сеид. — Но ты забыл о дочери, забыл о красавице Сайхан-Доланьгэ...

Засмеялся мурза Карача... Что он будет делать с красавицей дочерью, когда у него ничего нет?.. Первый встречный возьмет его дочь, красавицу Сайхан-Доланьгэ, уведет пленницей в Бухару и продаст Абдулле-хану в невольницы, — вот что значит дочь... Слепой Кучум уж не думает о красавицах, а батыр Махметкул в московской неволе, — для чего ему Сайхан-Доланьгэ?.. Травы в поле — вот что такое дочь; вешний лед на реке — вот что такое дочь. Было у него два сына, а теперь он один, как старый пенёк в лесу! Лежит мурза Карача на земле, лежит и громко стонет, как слабая

женщина, как ребенок, потерявший мать.

— Ты забыл, что твоя Сайхан-Доланьгэ в руках Кучума, — говорил Хан-Сеид. — Она теперь его пленница...

— Моя дочь? Ты говоришь о Кучуме, который для нее забыл свою старую бороду?.. Что же, пусть берет ее силой. Я ему давно это говорил. Но хан добивается того, чего нельзя сделать против желания: Сайхан никогда не полюбит его. Да и смешно думать об этом дряхлому и слепому старику...

— Ты ничего не понимаешь, мурза!

— Убей меня, Хан-Сеид: — Мне некуда идти... Не все ли равно, кто меня зарежет: хан Кучум или ногай.

Ночью провел Хан-Сеид упавшего духом Карачу в стан Кучума и спрятал в кибитке Сайхан-Доланьгэ.

— Пока сиди здесь, а там увидим... — сказал Хан-Сеид.

С удивлением смотрел кругом мурза Карача: и сам он еще жив, и сидит в кибитке своей дочери Сайхан-Доланьгэ...

Впрочем, у него только и оставалось на свете, что светлые глаза этой красавицы, а все остальное точно развеяно по ветру.

VII.

Старая ханша Лелипак-Каныш попрекает слепого хана Кучума:

— Что ты все лежишь, Кучум, и нейдешь про-

ведать любимого своего мурзу и советника Карачу: он всегда обманывал тебя, как твои несмытые глаза.. Карача выискивал тебе новых наложниц, он тебе доставил и красавицу Симбулу, и другую красавицу, Сузгэ, и готовил тебе третью, свою родную дочь. Иди, утешь своего верного слугу, который хотел вместо тебя стать ханом в Искере.. Иди, утешь Сайхан-Долангэ, которая все еще не может оплакать уведенного в плен Махметкула. Все тебя покинут, хан Кучум, и останусь около тебя одна я, как застарелая болезнь, как вторая твоя слепота.. Что же ты молчишь, хан Кучум?

— Ты говоришь правду, Лелипак-Каныш, — отвечал хан Кучум, качая головой. — Твой язык, как степная колючая трава, колет мои слепые глаза. Мне было бы легче, если бы ты говорила неправду.

— Бог тебя покарал за мои слезы, хан Кучум.. Да разве я одна плакала от твоей железной руки? Сколько матерей осиротил ты, сколько молодых женщин осталось вдовами; и старики, и дети проклинают твое имя, которое носилось по степи, как ядовитая зараза.. Я тебя проклинаю, хан Кучум; проклинаю за свою материнскую кровь, за Арслан-султана, которого ты послал в московскую неволю, за двух других сыновей, убитых под Искером!

Молчит хан Кучум, трясется его седая голова, а слепые глаза не видят старой ханши, которая в неистовстве поносит мужа всякими худыми словами. И земля, и небо закрыты для старого хана Кучума, а осталось одно черное горе..

Старики не слышали, как в кибитку вошел Хан-Сеид и был свидетелем ссоры. Он выслушал все, опустил свои святые глаза, а потом взял слепого хана Кучума за руку и вывел из кибитки. Старая ханша сидела на земле и, припав седой головой к коленям, горько плакала. В кибитку опять вошел Хан-Сеид и сказал:

— Лелипак-Каныш, дочь Шигай-хана, я все слышал. Слышал и то, чего не сказал твой язык, и скажу тебе то, что чувствует твое материнское сердце.

Но, прежде чем говорить, Хан-Сеид опять замолчал, чтобы старая ханша вперед выплакала свое горе. Пока она плакала и жаловалась, святой старик молился, поднимая руки кверху. Много женщин плакало по татарским улусам, стойбищам и аулам, и всем им было тяжело.

— Я слушаю, Хан-Сеид, — говорила Лелипак-Каныш, не вытирая катившихся по сморщенному лицу слез.

— Слушай, дочь Шигай-хана.. Не я тебе говорю, а говорит пророк. Томится в неволе твой сын Арслан-султан, а другая неволя уж готова Абдул-Хаиру. Так нужно, Лелипак-Каныш! Ты стоишь впереди всех, и твое горе бежит впереди всех. Два сына у тебя убито под Искером, будет твой после-

дний сын, красавец Алей, ханом в Искере, но ты будешь оплакивать его голову. Старый хан Кучум будет счастлив, что не увидит своими слепыми глазами последнего горя.. Три сына убитых, два в неволе, а ты стара, Лелипак-Каныш, и твое сердце затворилось давно. Ты, дочь Шигай-хана, как великая река Обь, покрытая льдом. Вот что я скажу тебе, ханша, потому что так нужно.. Гордилась ты своими пятью сыновьями, а останется одно твое старое горе, и твое сердце заплачет кровавыми слезами. Да, заплачет мать, а ханша будет радоваться: великая радость — умереть за родину.. Твоя кровь пролилась за святое дело. Вот что я тебе говорю, дочь Шигай-хана, и укрепится твое сердце до конца: оно крепче Искера. Твоя весна улетела и твои глаза не увидят новых сыновей, а хан Кучум останется без племени. Кто будет продолжать его волчью кость? Когда Кучум умрет, кто выйдет в поле против врага? Слушай, дочь Шигай-хана: ты смеялась над красавицей Сайхан-Долангэ, а теперь пойдешь к ней и попросишь заменить ее красотой твою старость. Разгорится сердце хана Кучума и продолжится его волчья кость.. Оставь свою гордость, Лелипак-Каныш: ты стоишь впереди всех, и твое горе бежит впереди всех.

Пала на землю ханша Лелипак-Каныш, как порубленное дерево, и долго лежала она, как мертвая, а святой старик опять молился, поднимая руки кверху. Наступила ночь, когда она очнулась и сказала:

— Хан-Сеид, ты здесь? Веди меня к Сайхан-Долангэ.. Я хочу ее видеть.

Собрала последние силы старая ханша и пошла за Хан-Сеидом. Встречавшиеся давали им дорогу, а у кибитки Сайхан-Долангэ встретил их старый шаман Кукджу и шаманка Найдык. Побледнела красавица Сайхан-Долангэ, когда к ней в кибитку вошла старая ханша Лелипак-Каныш и посмотрела на нее заплаканными глазами.

— Здравствуй, Сайхан-Долангэ, — сказала старая ханша. — Видишь, я пришла к тебе. Пусть мужчины уйдут, я хочу говорить с тобой.

Еще сильнее побледнела Сайхан-Долангэ, когда они остались в кибитке вдвоем. Долго молчала Лелипак-Каныш и все смотрела на Сайхан-Долангэ.

— Что ты так смотришь на меня, ханша? — спросила смущенная Сайхан-Долангэ. — Я боюсь тебя.

— Любуюсь твоей красотой, Сайхан-Долангэ; любуюсь твоей молодостью и точно вижу себя, когда я была молода и красива. Себя я вижу в тебе, красавица! Раньше я ненавидела тебя, когда хан Кучум ездил веселиться на Карача-Куль; раньше я желала тебе всякого зла и радовалась, когда твое сердце заплакало о батыре Махметкуле. Да, все это было, а теперь гордая, старая ханша пришла

сама к красавице Сайхан-Доланьгэ. Тебя ненавидела жена хана Кучума, а старая бездетная ханша пришла со слезами просить — заменить ее старость.

Поблуднела Сайхан-Доланьгэ, как сорванный цветок, а Лелипак-Каныш все говорила, говорила то, что ей сказал святой Хан-Сеид.

— Лучше мне умереть... — шептала Сайхан-Доланьгэ, закрывая свои бархатные глаза. — Я никогда не любила старого хана Кучума, а слепого старика ненавижу! Это падаль, которую не будут есть даже собаки... Я ненавижу и тебя, Лелипак-Каныш! Ты, как холодная змея, заползла в мою кибитку... Не достанется никому моя красота, так скажи Хану-Сеиду! Не хочу я даже видеть слепого старика и лучше умру девушкой.

Степная ночь раскинулась синим, расшитым золотом шатром над стойбищем хана Кучума. Громко рыдает в своей кибитке Сайхан-Доланьгэ, а у входа в кибитку стоят Хан-Сеид и шаман Кукджу. Старики долго шепчутся и ждут, когда выйдет Найдик и скажет, что можно видеть Сайхан-Доланьгэ. Плывет по небу молодой месяц, где-то далеко кричит ночная птица, а Сайхан-Доланьгэ все плачет... Вышла Найдик и поманила рукой Кукджу, — две тени вошли в кибитку. Столетний Кукджу наклонился над красавицей Сайхан-Доланьгэ и шепчет ей:

— Смотри на меня, красавица, пристально смотри, и увидишь великое чудо.

Страшно стало Сайхан-Доланьгэ, но она не может оторвать своих бархатных глаз от лица Кукджу. Ах, какое старое-старое это лицо, покрытое такими глубокими морщинами, точно земля, расстрескавшаяся в засуху. Заросло оно все волосами, как желтым мохом, и только светятся одни глаза. Смотрит Сайхан-Доланьгэ, и смотрит на нее Кукджу, а синие губ шамана беззвучно шевелятся — он шепчет свои заклинания. Чувствует Сайхан-Доланьгэ, что ей легче и что горе неслышно отлетело от нее. Все шепчет Кукджу и еще пристальнее смотрит на красавицу, а Сайхан-Доланьгэ видит себя уже матерью. Два ребенка-сына смотрят на нее глазами хана Кучума. И страшно, и хорошо делается Сайхан-Доланьгэ, и чувствует она, что любит старого хана, любит в своих детях, в которых проснулась кость старого хана Ибака.

— Мне хорошо, — шепчет Сайхан-Доланьгэ и не может очнуться от чудного сна.

А старый шаман Кукджу все шепчет и протягивает свои костлявые, узловатые руки над головой Сайхан-Доланьгэ, точно столетнее дерево простирает свои ветви над молодой зеленой травкой.

— Ты полюбишь старого хана Кучума, как не полюбила бы никогда десять лучших батырей, — шепчет Кукджу, — Смотри, что будет дальше...

Степь. Трава точно вприснута драгоценными камнями. Вольная степная птица серебром разливается в воздухе. По степи медленно движется разбившееся кучками татарское войско, а там, вдали, пылают русские села, и столбы дыма показывают кровавый след уходящего войска. Много русских пленников ведут татарские батыри; от богатой добычи не могут идти кони, а впереди всех едет старик с бубном и громко поет славу старого хана Кучума и его молодых сыновей-Кучумовичей. Бьет в бубен старик и поет про молодую ханшу Сайхан-Доланьгэ, красота которой цветет в ее сыновьях и о которой поют в святой Бухаре, как о лучшей степной звезде, осветившей очи старого хана Кучума. Проснулась кость хана Ибака, как зерно, брошенное осенью в сырую землю...

Видит свой сон Сайхан-Доланьгэ, сладко дышит ее молодая грудь, и не может она проснуться, а Хан-Сеид вводит в палатку слепого хана Кучума, который руками ищет потерянную глазами красоту.

— Я тебя люблю, Кучум... — шепчет Сайхан-Доланьгэ, просыпаясь.

(Окончание следует.)

Рисунки Николая Черемных.

Любовь ЗЕНКОВА, Владимир ШЕВАЛЕВ, г. Каменск-Уральский

Первое золото России

12-летний Леонтий Пигалев — первооткрыватель российского золота!

История эта началась несколько лет тому назад. Свердловское телевидение показывало авторскую программу Инны Гладковой «Екатеринбургские тайны». На волнах городского пруда покачивалась лодка и импозантный мужчина с окладистой бородой — профессор Горной академии Владимир Викторович Филатов — неторопливо рассказывал об уральском коренном и россыпном золоте, о золотоносной речке Мельковке, впадавшей в пруд. В этом тайны не было. О Ерофее Маркове слышал едва ли не каждый уралец. Но вот прозвучало новое имя — Леонтий Пигалев. И совершенно невероятный рассказ об открытии коренного золота раньше Маркова и в другом месте. Та же река Исеть, но ниже Екатеринбурга на десятки километров; и место хорошо знакомое — деревня Шилова. Передача поразила новым фактом горной истории Урала, но и только. Никакого действия она тогда не вызвала. Нам известно Маминское золоторудное месторождение, не раз собирали там образцы для Геологического музея им. А. Е. Ферсмана и Краеведческого музея в городе Каменске-Уральском. О шиловском золоте публикаций не попадалось. Осталась эта передача в глубинах памяти до поры до времени.

А при очередных изысканиях в архивных документах и литературе глаза стали невольно искать упоминания о Шилово-Исетском руднике...

Вот в «Горном журнале» за 1862 год попала небольшая статья капитана Корпуса горных инженеров Окладных — раз. Полстранички в четвертом томе собрания сочинений А. П. Карпинского — два. Потом вернулись к давно прочитанной книге «Русское золото» В. Данилевского, замечательного историка отечественной науки и техники. Профессор довольно подробно изложил историю открытия самородного золота в Шилово-Исетском руднике на основе документов ГАСО. Затем — статья Н. Чупи-

Ручная добыча золота.

на, историка и краеведа XIX века: «Рудники округа екатеринбургских горных заводов» в «Горном журнале». С миру по нитке...

И вот, наконец, в руках тоненькая книжица — современный «Горный журнал», издаваемый группой геологов-энтузиастов. Номер первый за 1998 год. Вот то, что нужно: статья «К истории открытия золота на Урале». Автор — Николай Семенович Корепанов, научный сотрудник Института истории и археологии УрОАН РФ. Он хорошо нам знаком по многочисленным публикациям об истории горного дела на Урале, о городе Екатеринбурге и др. Длительное время Н. С. Корепанов работал в Государственном архиве Свердловской области. «Раскапывая» пласты архивных документов, он дает новую жизнь интереснейшим фактам и событиям уральской истории или, как выражаются специалисты, «вводит их в научный оборот». Кратко, но строго документировано, излагает автор историю открытия коренного самородного золота в Шилово-Исетском руднике и то немалое, что сохранило нам имя первооткрывателя Леонтия Лаврентьевича

поработали лесники: лес захлаплен упавшими деревьями и сучьями. Но повсюду — следы горных работ. Правда, определить их время можно только приблизительно. В шурфе выросла сосна лет на 120... Стволов двух шахт мы не нашли и решили, что их засыпали по окончании работ на руднике.

Сомнений никаких не осталось. Мы нашли месторождение бывшего Шилово-Исетского рудника, в горных породах которого в мае 1744 года Леонтий Пигалев открыл самородное золото. Осталось выбрать место для установки памятного знака. И место нашлось: на опушке леса, обращенной к реке, ровная возвышенная площадка в полгектара. С нее открывается великолепный вид на долину реки Исети; да и сам знак из белого мрамора будет виден издалека.

С чувством исполненного долга доложили мы о сделанной работе. Но червь сомнения не давал покоя: почему у авторов указаны разные берега? Хорошо бы разыскать план рудника. Любовь Васильевна Зенкова, старший научный сотрудник городского Краеведческого музея, вспомнила, что в Государственном архиве Древних Актов в Москве встретила в описи упоминания о планах Шилово-Исетского рудника.

Снова идем к Виктору Федоровичу Четыркину. Результат переговоров — командировка Л.В. Зенковой в Москву в РГАДА. Стоит ли говорить, каким нетерпеливым было ожидание.

И вот у нас в руках копии древних документов. Расстилаем на столе план, за ним другой. В красивых картушах даны описания разработок. Есть на планах ручей, лог, горные выработки. Вроде все узнаваемо, правильно. Но вот взгляд упирается в изображение реки Исети. Но что это — стрелка показывает течение реки не в ту сторону. Стоп! Внимательно рассматриваем план. И теперь видим, что рудник находился на левом берегу реки, а не на правом. Выходит, прав был профессор В. Данилевский. Вспоминаем: действительно на левом берегу Исети в деревне Шиловой есть лог; находили мы в нем когда-то кристаллические сланцы и медную зелень в устьевой части. Как же он сразу не вспомнился? Ну, что же, ошибку надо исправлять.

Кроме планов, Л. В. Зенкова привезла копии рапортов Берг-коллегии Правительствующему Сенату. Делопроизводство в XVIII веке было поставлено образцово. Управитель рудника еженедельно рапортовал о горных работах в Канцелярию Глав-

Баракы на золотодобывающем руднике.

ного правления сибирских (Урал тогда считался частью Сибири) и казанских заводов. Канцелярия докладывала в Берг-коллегию, а коллегия — в Сенат и Кабинет Ее Императорского Величества. С каждого документа снималась копия и оставлялась на месте. Какие сокровища отечественной истории таятся на листах старой бумаги, исписанной скорописью (не всегда понятной и грамотной), можно судить по двум примерам. В ГАСО фонд документов Конторы Каменского завода, родоначальника уральской металлургии, насчитывает 1672 многостраничных дела. Фонд Главного правления — более 31 тысячи дел. Фондов десятки. А в фондах РГАДА так и вовсе фантастическое количество документов, по большей части еще не задетых рукой исследователя.

Теперь дело за новой рекогносцировкой на местности. Вторая наша экспедиция была уже на левый берег Исети. С екатеринбургского тракта повернули на юг, на деревню Шилову, пять километров живописных пейзажей — и деревня перед нами. Подъезжаем к Шиловскому Дому отдыха, и нашим взорам открывается заветный лог. Ложе ручья сверкает на солнце — это кристаллические сланцы, так называемый «выметной» камень из шурфов. Еще пара десятков метров — и мы обнаруживаем две глыбы кварца килограммов по сто, явно из рудника. Пробираемся сквозь зеленую чащу. Крапива, зонтичные, чертополох — все выше головы, ноги скользят по камням.

Лог крутой, с высокими — до десяти метров — бортами. Первый шурф — неглубокая круглая яма двух метров в диаметре. Сверяемся с планом рудника — этот шурф обозначен. Поднимаемся на левый борт — еще один шурф.

Дальше лог зарос могучими соснами, а борта его стали еще выше. Встречаем новые шурфы и отвалы, сильно задернованные. По плану это место шахты № 1.

Идем дальше и, наконец, — еще одна крупная выработка, здесь была шахта № 2, самая продуктивная. Нагромождение глыб (до двух тонн каждая) образует вход в штольню, уходящую в борт лога. Сразу за ним провал глубиной до десяти метров по скальной стенке и шириной метров шесть. Возможно, здесь и был ствол, позднее обвалившийся. Порода крепчайшая, кварцевая, звенит от удара молотком. Вокруг большие отвалы. На отвалах и в шурфах выросли полутароветовые сосны.

Разбираем отвалы. Много кварца из жил. Кварц снежно-белый, сливной; еще больше кристаллических сланцев. Образцы — один к одному, описанные в XVIII веке: «Рудные признаки добротны: в белом кварце прожилки черные и зеленые изредка с купферкисом; тако ж и вокруг жёлтая вохра...» Интересная особенность — кварцевые жилы в сланцах располагаются не между плоскостями сланцеватости, а поперек них — по тектоническим трещинам, возникшим при горообразовании.

Выше лога в лесу обнаруживаем еще несколько больших выемок с отвалами, их нет на плане рудника 1747 года, вероятно, это более поздние работы.

Сфотографировав все объекты и уложив образцы, нехотя покидаем историческое место. Как жаль, что оно совсем не знакомо любителям камня.

Но, надеемся, что с установкой памятного знака первооткрывателю российского золота оно станет широко известным.

Теперь у нас есть неопровержимые доказательства того, что Шилово-Исетский медный рудник найден. Восстановим его историю.

Парадоксальный факт! До середины XVIII столетия огромная и богатая полезными ископаемыми Россия, не знала собственного золота. Тем более это удивительно для Урала — богатейшей золотой провинции. Полтора столетия уральцы ходили по золоту и не ведали о нем. Химический элемент №

Промывка золота

Кустарная добыча золота. Подача воды к станку ручными насосами.

79 менделеевской таблицы — золото — в природе встречается в самородном виде в кварцевых жилах, а в распыленном виде — в сульфидах, особенно в пирите (до 700 граммов на тонну сырья). При разрушении кварцевых жил золото попадает в речные наносы и образует россыпи мелких зерен и крупных самородков. Коренное золото в жилах было открыто в середине XVIII века, а россыпи, по которым буквально ходили — только через 70 лет.

(Окончание следует.)

Николай ЗАЙЦЕВ, г. Никель

Легендарный генерал

В Эрмитаже, в галерее, посвященной героям войны 1812 года, есть портрет генерала Василия Костенецкого. Современники, друзья генерала считали, что он родился под счастливой звездой...

Высокого роста, широкоплечий, с добрым лицом, генерал-лейтенант Василий Григорьевич Костенецкий (1768-1831) — герой Отечественной войны 1812 года — был любимцем солдат.

Силен он был необыкновенно: жонглировал пушечными ядрами, легко разгибал подковы и одними пальцами мог согнуть серебряный рубль.

Василий Григорьевич получил образование в Артиллерийском корпусе и в 1786 году был направлен во 2-й канонерский полк. Через два года — он уже в действующей армии, где принял участие в осадах и штурмах Очакова, Хаджибея и Бендер.

Молодой офицер проявлял удаль в рукопашном бою, к которому, кстати сказать, позднее имел большую охоту. В стычке под Очаковым русский отряд остановился на берегу речки, с другого берега которой неприятель вел прицельный огонь. И тогда Костенецкий вместе с несколькими смельчаками на запряженной повозке форсировал речушку и, размахивая саблей, ринулся в атаку. Лишь замешательство изумленных такой дерзостью турок спасло наших героев. Когда же неприятель пришел в себя, подоспела подмога, и турки были отброшены.

В 1799 году Костенецкий получил конную роту лейб-гвардии артиллерийского батальона и с нею в 1805 году принял участие в Аустерлицком сражении.

В самый канун Отечественной войны 1812 года он был назначен начальником артиллерии 6-го корпуса. Особенно отличился в боях под Смоленском и Бородином. В последнем сражении произошло фантастическое событие, о котором вспоминали историки: во время отражения атаки польских улан на батарею русский богатырь, взяв в руки банник, употреблявшийся для чистки орудийных стволов, стал крушить всадников этим страшным в его могучих руках оружием. Атака была отбита.

За Бородинское сражение Костенецкий получил орден Святого Георгия.

После бегства французов из Москвы русская армия стала преследовать неприятеля. Отважный и

суровый на бранном поле, генерал Костенецкий был милостив к побежденным. Однажды к нему привели продрогшего французского офицера из музыкальной команды. Костенецкий распорядился выдать ему тулуп и усадить к костру: «Когда согреется, пусть покажет свое искусство». Спустя полчаса повеселевший пленный взял инструмент и красивым голосом исполнил арию. Генерал пришел в восторг. Прослезившись, он обнял француза и объявил, что оставляет его при себе.

Позднее, когда кампания завершилась, и пленные получили возможность вернуться домой, этот французский музыкант заявил, что остается в России. Василий Григорьевич охотно приютил его.

Было похоже, что Костенецкий действительно родился под счастливой звездой. Участвуя во многих сражениях и стычках, никогда не кланяясь пулям и ядрам, он не получил ни одной царапины.

Казалось, и время не в состоянии одолеть его могучий организм. Уйдя по возрасту в отставку, Василий Григорьевич зажил барином в своем имении. Слыл он, по разумению соседей, человеком хлебосольным и немного чудаковатым. Они видели генерала увлеченно беседующим с известными русскими литераторами и учеными, а в другой раз — меряющимся силами с дворовыми парнями. Причем если Василий Григорьевич бился на кулачках, то непременно с несколькими бойцами и обвязав свои кулаки полотенцами — иначе мог ненароком и изувечить.

А ушел из жизни генерал-лейтенант от холеры. Ничего не боявшийся, он смело отправился в соседнюю губернию, охваченную эпидемией. Поддерживал страдающих утешительным словом, давал деньги на питание и лекарства, строго проверял карантинные посты. Здесь он и заразился холерой, которая сгубил его в несколько дней.

Юрий КОНЕЦКИЙ, г. Екатеринбург

Карьера полковника Демидова

В послужном списке ветерана Великой Отечественной войны полковника в отставке Владимира Михайловича Демидова содержится и такая уникальная запись: «Три года работы начальником отдела информации Советской военной комендатуры г. Берлина».

...Володя Демидов в детстве перечитал всего Майн-Рида и Купера, Луи Жакомо и Кипплинга, русских классиков, а когда стал рабочим, не жалел денег на книги. Он и стихи пробовал писать, но у его старшего брата Левы они получались лучше...

В отличие от богомольного отца, юный пионер в бога не верил, но и сокрушителем храмов не стал — научился ценить их как произведения искусства.

На судостроительном заводе, где пришлось ему работать токарем после ФЗО, не раз встречал комсомолец Демидов легендарного Сергея Мироновича Кирова. Бывало, во время спуска на воду очередного судна секретарь обкома разбивал о нос корабля бутылку шампанского.

Все знали: впереди — война...

В армию его призвали со второго курса университета — мечтал стать историком... В страшный — (хотя он тогда так не думал) 1937 год его, стрелка-радиста, приняли в партию. И невдомек было ему тогда увязать свое продвижение по службе (стал редактором бригадной газеты) с арестом предыдущего редактора. Арестовали тогда же, как троцкиста, и комиссара его бригады; а летчиков-корейцев объявили японскими шпионами...

Вскоре объявили «врагом народа» и его брата — безобидного книгочея Леву. Арест воспринял как ошибку и Сталину верить не перестал. А тут и его самого ждали перемены...

Володю Демидова, к тому времени уже секретаря райкома комсомола, направили учиться в Москву — в Высшую партийную школу: «Кадры решают все»... Когда он окончил ее весной сорок первого, то уже свободно разговаривал на немецком, и диплом защитил «на отлично».

...Под Наро-Фоминском частями его дивизии, сходу вступившими в бой, затыкали брешь в линии фронта — враг прямоком рвался на Москву. Ценой больших жертв зацепились за реку Нару. Погиб

На фото: первый ряд (слева направо): Вильгельм Пик, Лотта Ульбрихт, генерал-майор А. Г. Котиков; второй ряд: В.С. Галл, П. Флорин, В.М. Демидов.

Фото из архива В. М. Демидова

командир, ранило и политрука Демидова, когда он из раскаленного ПППШ поливал свинцом атакующих фашистов...

Враг на этом участке фронта был остановлен.

Война сполна испытывала Владимира «на излом»: в блокадном Ленинграде остались жена и сын. Жена вскоре умерла от истощения. А у него были тяжелые контузии и ранения, атаки и отступления, окопы, потери друзей, глубокий сибирский тыл, госпитали, и снова — передовая...

Под Сталинградом в его дивизии, состоящей из

Митинг у Бранденбургских ворот в Берлине. Май 1945 г.

13 тысяч человек, за десять дней боев — жесточайших! — в живых осталось всего четыре с половиной... Своих мертвых хоронили в братских могилах, а трупы немцев — уже после капитуляции армии Паулюса — сжигали на кострах, облив бензином, и закапывали в проделанные динамитом воронки. Много в русской земле таких безымянных могил...

И все-таки победа приближалась. В руинах Сталинградского тракторного в лютый мороз — кашу из котла вырубать приходилось топором! — принимали капитуляцию гренадерской дивизии. Стоял смрад от горевших складов с боеприпасами. Голодный блеск зажигался в глазах гитлеровских вояк при виде куска хлеба. Меняли на него свои фотоаппараты, часы, портсигары...

Пленный командир немецкой дивизии с почти пушкинской фамилией фон-Ленский, выстроив на снегу остатки своих офицеров, поблагодарил их за верную службу, пролил слезу и, сев в «виллис», под охраной особиста отправился в лагерь для военнопленных, обгоняя унылые колонны солдат, бредущих с посиневшими и распухшими от холода лицами, в рваной и грязной одежде.

А ночью немцы сбросили на парашютах тюки с продуктами — еще не знали о сдаче в плен дивизии, — и Владимир Михайлович даже теперь с удовольствием вспоминает, как он с друзьями-однополчанами поднял «за победу» кружку с шампанским, упавшим к ним с неба...

По чистой случайности стал капитан Демидов вести вещание на окопы противника по звуковой установке — убило в полку инструктора по этой

работе. Крутил трофейные пластинки, обращался поименно к солдатам на чистом немецком языке — фамилии узнавал при допросах «языков». На первых порах немцы в плен сдаваться не торопились — стреляли по выносным рупорам, по своим же вальсам...

Со временем стал заниматься спецпропагандой в масштабе армии: появились типография, автомобиль, «МГУ» — мощная говорящая установка... Приходилось ему и засылать пленных обратно за линию фронта, чтобы удостоверились «фрицы», что не расстреливает Советская Армия взятых в плен. Сам, бывало, провожал до нейтральной полосы...

Однажды пленные не только вернулись, но и привели с собой 23 человека — за это ему вручили еще один боевой орден. А как-то раз собрал он письма военнопленных, написанные родственникам в Германию, и отправил их с «почтальоном» — выпущенным из плена подполковником. Обратно «почтальон», понятно, не вернулся, но письма до адресатов дошли и свое дело сделали.

Во время Берлинской операции, после вещания по «МГУ», немцы выкинули белый флаг, а уточнив предварительно, что им будет оставлена форма и холодное оружие, половиной батальона сдались в плен...

(«Гуманная работа?» — как бы спрашивает меня Владимир Михайлович, блеснув из-под очков помолодевшими от воспоминаний глазами. Он подвижен, бодр, строен, по утрам делает зарядку, а по четвергам хлещется березовым веником в городской парилке — по русскому обычаю... До недавнего времени возглавлял областную организацию ветеранов войны.)

...Побывав в бункере Гитлера, он долго не мог избавиться от ощущения чего-то мерзкого, от чего требуется очиститься. Очищение от фашизма требовалось Германии, и он ей искренне помогал в этом.

Комендант Советского сектора Берлина сорокалетний политработник генерал-майор А. Г. Котиков пригласил его в свою команду. Берлин был поделен на четыре сектора — по числу стран-победительниц, но в Комитете по местным делам при Союзной Комендатуре их представители заседали совместно. Один месяц председательствовал расчет-

ливо-циничный американский полковник Глязер, второй — сдержанный педант англичанин майор Хейс, третий — веселый щеголь французский капитан Зигельмайер, четвертый месяц — он, улыбающийся русский майор Владимир Демидов.

«Я тогда чувствовал себя представителем Великой Державы, — вспоминает Владимир Михайлович, — и на союзников смотрел как равный на равных, американцам тогда и в голову не приходило учить нас жить...»

Проблем в тотально разрушенном громадном городе было невпроворот: не допустить голода, инфекционных болезней, дать пристанище лишенным крова людям, пробудить в них волю к жизни и труду, вселить веру в лучшее будущее.

Помимо заседаний в Комитете, бывал Владимир Михайлович постоянно и на рабочих собраниях и митингах, знал настроения немцев и лично перезнакомился почти со всеми лидерами политических партий и массово-демократических движений.

Владея исчерпывающей информацией и обладая завидной эрудицией, майор Демидов готовил материалы и для Вильгельма Пика, и для Отто Гротевольа, не случайно став почетным гостем на объединительном съезде двух марксистских партий.

Западные союзники распространили в июне 1948 года на западные секторы Берлина свою денежную реформу, проведенную в Западной Германии. Это был умышленный шаг, рассчитанный на экономический и политический раскол города. Владимир Михайлович вспоминает: «Наше руководство закрыло на замок все границы Западного Берлина в расчете на то, что его голодные жители обратятся к нам за гуманитарной помощью и отвергнут навязанные им оккупационные марки. Но мы просчитались».

В пору осенних туманов американцы блестяще организовали «воздушный мост» Западная Германия — Западный Берлин. Тысячи самолето-вылетов каждую ночь делали их бомбардировщики, «летающие крепости», перевоза по воздуху продовольствие и горючее. Ночью уснуть не было никакой возможности — рев моторов был ужасающим».

Последний раз он был в Берлине на праздновании сорокалетия создания ГДР. Было все торжественно, море цветов, парад, веселые лица, — ничто не предвещало скорого финала...

Проходил как-то Владимир Михайлович мимо «Пассажа», где спекулянтов да лавочников развелось тьма, прочел табличку на ящике: «Куплю ордена»... Злость взяла и сердце защемило...

Неужели и память продается?

Советские истребители в атаке.

Жители Берлина получают хлеб, доставленный со склада Советской военной комендатуры. 1945 г.

Валентина КАРДАПОЛЬЦЕВА

«Серебряными блестками по голубому бархату»

(природа в рассказах Д.Н. Мамина-Сибиряка)

Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка чрезвычайно многогранно. Им созданы романы, повести, очерки, ему принадлежат и драматургические произведения. Однако именно рассказы как никакие другие жанры позволяют представить все стороны жизни уральской земли: особенности труда и быта; жизнь и судьбу женщины; сложность и многообразие семейных отношений; положение на Урале маленьких тружеников. Его рассказы помогают глубже понять удивительную и неповторимую уральскую природу. Она хранит неисчерпанные запасы, которыми можно воспользоваться лишь при бережном и умелом отношении к ней.

Картины природы воссозданы с удивительной любовью и теплотой. В рассказах «Бойцы», «Гроза», «На шихане», «Родительская кровь» и многих других перед нашим внутренним взором возникают лесные чащобы, подобные тем что на шишкинских полотнах; залитые солнцем поляны, как в пейзажах Куинджи; то словно бы левитановские места; то разбитые дороги с усталыми путниками — сразу вспоминаются васильевские пейзажи. Все у Мамина выписано зримо, осязаемо. Картины природы меняются от страницы к странице, подобно «Временам года» П. И. Чайковского.

Рассматривая под «лингвистическим микроскопом» язык писателя, можно судить о богатстве красок, которые понадобились автору, чтобы воспроизвести родные и близкие ему с детства места. Достаточно перечитать очерк «Бойцы» — и во всей полноте представляются уральские просторы, их тес-

Камни и деревья слиты друг с другом...

нейшая связь с человеком, его судьбой. В фотографически точных описаниях звучат и глубокие философские размышления.

Описания неукротимой стихии подчеркивают силу, хладнокровие и выдержку человека, отнюдь не на равных борющегося с «бешеным разгулом могучей стихийной силы»:

«Река неслась, как бешеный зверь. В излучинах и закруглениях водяная струя с шипением и сосущим свистом свивалась в один сплошной пенящийся клуб, который с ревом лез на камни и, отброшенный ими, развивался дальше широкой клокопавшей и бурлящей лентой» («Бойцы»).

Труд приисковых рабочих, сплавщиков неизменно тяжел: «Эти лохмотья, изможденные лица, пасмурные взгляды и усталые движения совсем не гармонировали с ликующим солнечным светом

и весенним теплом, которое гнало с гор веселые, говорливые ручьи» («Бойцы»).

Но, наполняясь «чарующими» запахами и звуками природы, каждый испытывает состояние обновления, полноты жизни; хоть на какое-то время уходит в небытие все мелкое, суетное, приходящее: «Весенняя белая ночь стояла над горами, над лесом, над рекой. Такие ночи бывают только на Урале. Кто не пережил такой ночи, тому трудно понять ее чарующую прелесть. Я люблю такие ночи, когда легко и вольно дышится здоровому человеку. Чувствуешь, как оживаешь вместе с природой и как в душе накапливается что-то такое хорошее, бодрое, счастливое» («Бойцы»).

Используя приемы метафоризации, писатель воспринимает природу как живой организм и даже придает ей некий социальный статус: «Это был апофеоз стихийной работы труженика, для которого тесно было в этих горах и который точил и рвал целые скалы, неудержимо прокладывая широкий и вольный путь к южному морю» («Гроза»).

В природе, как и в жизни человека, могут складываться отношения взаимопомощи, поддержки. Лексика со значением содействия ВСКОРМИТЬ, ВСПОИТЬ, ПОМОЧЬ, ЛЕЧИТЬ и т. д. говорит о доброте и щедрости матушки-земли, являя собой воплощение матери-кормилицы и сближая тем самым авторское повествование с фольклором: «Матушка-Сибирь вспоила, вскормила его (зауральского мужика) и на ноги поставила» («В худых душах»). «Растения здесь помогают атмосферическим деятелям и разъедают камни своими корешками» («На шихане»).

Воспринимая природу как часть социального бытия, он не мог не отметить ее «художественные способности»: «Мхи бывают большею частью великолепных серых цветов или зеленоватые с черными пятнами, красными крапинками и целыми узорами, точно вычерченными какой-то очень искусной рукой» («На шихане»). «Небо было чистое, ясное, точно расшитое серебряными

блестками по голубому бархату» («Гроза»). «Кругом обступили ее неприветливые и высокие горы, заставляя выдвигать такие колена и кривулины, точно ползла змея» («Пир горой»).

Оттеняя нерукотворную художественную работу природы, процессы, которые совершаются ее «искусными мастерами», писатель метафоризирует глагольную лексику ВЫЧЕРТИТЬ, РАСШИТЬ, ТВОРИТЬ, СОЗДАТЬ, ВЫСЕЧЬ, подчеркивая тем самым ее роль как активно действующего субъекта.

На фоне «неожиданных эффектов» природы человек чувствует себя естественней, вольготней, как это происходит со многими героями рассказов Мамина-Сибиряка. Даже такой циничный и развращенный заводчик, как Додонов, герой рассказа «Доброе старое время», на природе преображается: «Живым человеком Додонов чувствовал себя только на охоте, когда шел с рогатиной на медведя».

В слиянии с природой «душой овладевает какое-то хорошее и доброе чувство, точно начинаешь жить снова» («Лес»). В рассказе «Гроза» писатель продолжает эту мысль: «Природа помогает стряхнуть с себя все злобы и тревожения, которые одолевают в обыкновенное время... есть зеленые горы, есть лес, есть пара рябчиков в ягдташе, есть медовый ключик в лесу — и довольно. Вот это счастье, насколько счастье возможно».

Мамин-Сибиряк стремится передать не только

Камень в воздухе и камень в реке.

человеческое чувство природы, но ввести самого человека в пейзаж. Ощущаешь неполноту природы, какое-то сиротство, заброшенность, если среди леса полей, лугов не видно жилья, струйки дыма, свидетельствующих о присутствии человека: «Но как ни хороша природа сама по себе, как ни легко дышится на этом зеленом просторе, под этим голубым бездонным небом — глаз невольно ищет человеческого существования среди этой зеленой пустыни, и в сердце вспыхивает радость живого человека, когда там, далеко внизу, со дна глубокого лога, взвевается кверху струйка синего дыма, Все равно кто пустил этот дым, дорога именно эта синяя струйка, потому что около огня греется наш брат — человек, и зеленая суровая пустыня больше не пугает нас своим торжественным безмолвием» («Золотуха»).

«Человеческий аспект» в описании природы особенно ощутим в рассказе «Бойцы»: «Деревья лепи-

лись, как солдаты, бравшие штурмом неприступную крепость... В другом месте на выступе скалы укрепились десятка полтора елей; они точно остановились здесь отдохнуть и с гордостью смотрят на товарищей, которые поднимаются к ним снизу. Вот раненое деревце, подхваченное руками товарищей; вот лежат несколько убитых; вот отступающий неприятель...»

Слова из очерка «Бойцы» можно воспринимать как некое заключение в размышлениях над описаниями природы в рассказах Д. Н. Мамина-Сибиряка: «Мы можем пожалеть только об одном, что в среде русских художников не нашлось ни одного, кто в красках передал бы все, что творится на Чусовой каждую весну».

В работах фотохудожника Евгения Савенко представлены те уголки Урала, что согреты живым присутствием Мамина-Сибиряка. (См. также 4-ю стр. обложки.)

Природа и люди связаны, как берега одной реки..

Фотографии Е. Савенко

Юрий ГУНГЕР, г. Волчанск

Вчерашний день Еловского курорта

18 марта 1844 года газета «Пермские губернские ведомости» в статье «Турьинские минеральные воды» сообщила: «В округе Богословских горных казенных заводов Пермской губернии, в 25 верстах от селения Турьинских медных рудников, открыт в 1841 году источник целительных минеральных вод». Далее в статье сообщалось, что «вновь открытые воды оказались серно-щелочными и доказали свою целительность в течение 1842 и 1843 годов, а что всего важнее, в излечении болезней местных и господствующих в окрестном крае».

Своим устройством курорт на Еловском минеральном источнике обязан Матвею Ивановичу Протасову (1801-1846), который в 1839-45 годах был горным начальником Богословских заводов.

Первое лечебное испытание «с подробным описанием свойства и силы вод» Протасов организовал в 1842 году, о чем сообщил в Медицинский совет Министерства внутренних дел. Совет признал «оние воды полезными в болезнях золотушных, цинготных и сифилитических и вполне заслуживающими особенного внимания со стороны Правительства». В том же году на источнике было построено «больничное заведение» на 50 коек «со всеми необходимыми на первый раз принадлежностями», а именно: ванны, водопровод, нагревательные котлы, дом для приезжих, дом для врачей, помещение для фельдшера и аптекаря, хозяйственные постройки.

Лечение началось с июля 1843 года. Первыми пациентами были горные офицеры с семьями и «заводские люди». Хотя лечение было краткосрочным, больные «получили совершенное исцеление» или «весьма значительное облегчение сообразно застарелости болезней».

В 1843-44 годах на источнике были построены уже две большие больницы, две купальни с 19 ваннами «со всеми нужными обзаведениями» и «уч-

Минерально-питьевой источник.

реждается селение». М.И. Протасов же начал постройку «прочной и совершенно удобной» дороги к источнику.

Курорт стал популярным. В первые 15 лет там побывали тысячи больных.

Еловские воды применяли при полуострых и хронических ревматизмах, ломотах, опухлях костей и суставов, золотухе, сифилисе, долго не заживающих язвах, завалах печени и селезенки, геморрое, расстройствах менструации и их последствиях, нервных заболеваниях.

Удар по столь благополучной деятельности курорта нанесла... отмена крепостного права.

Большая часть мастеровых Богословского горного округа состояла из набранных по рекрутским наборам, переселенных из других округов за различные проступки и переведенных с других заводов неблагонадежных и подозрительных (юридичес-

Администрация Новой Еловки (здание перенесено из Еловки).

ки это не являлось наказанием). Этот контингент при первой же возможности поспешил вернуться в родные места. Дома продавали за бесценок (5–10 рублей) на дрова, стремясь быстрее получить деньги на дорогу.

В 1870 году все постройки на целебном источнике были проданы некому «господину Шадрину» (купцы Шадрины жили и торговали в Верхотурье, Надеждинске, Турьинских Рудниках, Богословске и Тюмени). Шадрин по совету врача Рунина расчистил источник, сделал необходимый ремонт, построил новое здание на 8 семей и в 1872 году возобновил деятельность курорта. В этом году курс лечения прошли 20 человек, пятнадцать из которых выздоровели и четверо получили облегчение, в том числе 7 больных ревматизмом, 1 — ревматическим параличом, 2 — ломотным худосочием, 9 — золотушным худосочием и 1 — расстройством регул с невралгией. Рунин дал такое заключение: «Десятки лет и тысячи случаев излечения доказали целебность этого минерального источника». По неясным причинам Шадрин тоже свернул свою деятельность на источнике.

В июле 1885 года в сопровождении главноуправляющего округа А.А. Ауэрбаха, управляющего Богословского медеплавильного завода П.Н. Фигнера, бельгийского инженера Коссу, доктора Э.Ф. Морица и повара Мариуса Еловку посетил владелец Богословского горного округа, сенатор, член Государственного Совета и государственный секретарь Александр Александрович Половцов. В своем дневнике государственный секретарь записал: «Из Филькина (ныне в черте г. Серова. — Ю.Г.) едем на Еловку чрез превосходные сосновые леса.

На Еловке есть минеральный ключ, сохраняющий зимою и летом температуру 4; за время казенного управления (Богословским округом. — Ю.Г.) устроено купальное заведение, конечно, весьма плохое. Мой спутник, доктор Мориц, признает воду содержащую серу, но в слабой мере. Позавтракав в Еловке, садимся верхом и едем на шурф, где разведывается хромовая руда (ныне карьер, разрабатываемый ОАО «Уфалейникель». — Ю.Г.). Дорога идет крайне живописно, в высоком сосновом бору».

В следующем, 1886, году далековато от Еловки (в 7 верстах) пролегла узкоколейная Богословско-Сосьвинская железная доро-

га. Источник же стал забываться. Участник экспедиции 1899 года по Уралу Д.И. Менделеева — химик С.П. Вуколов, обследовавший Богословский горный округ, писал о речке Еловке, на берегу которой «в старину находился целебный сернистый источник».

В 1908 году в деревне Еловке была деревянная часовня во имя св. мученика Власия, а в 16 домах проживало 110 человек. По свидетельству И.Я. Кривошекова: «жители селения средства для существования извлекают от подзаводских работ на заводах Богословского округа и частию земледелия и сенокосения». На целебный источник навещивались «редкие больные за свой страх, не имея для себя никаких медицинских указаний», квартирующие у местных жителей.

Долгое время существовал один-единственный анализ вод Еловского источника, кочевавший из издания в издание. Впервые он был опубликован в труде Х. Мозеля «Материалы для географии и статистики Пермской губернии» (1864), потом в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» Н. К. Чупина; Е. С. Федоров и В. В. Никитин в монографии «Богословский горный округ» тоже повторили его. Вот он:

H ² S	1,32 %
CO ²	0,31 %
Остаток при выпаривании	0,1105 %
Смолистых органических веществ в остатке	1 %
Неорганических веществ в остатке:	
MgCl ²	39,5 %
NaCl	11,1 %
Na ₂ SO ⁴	10,1 %
CaSO ⁴	25,9 %
CaCO ³	6,3 %

FeCO_3 0,8 %

SiO_2 6,2 %

Федоров и Никитин указывают на природу происхождения хлористых и серноокислых солей источника: «Очевидно они выщелачиваются из морских осадков, удержавших часть солей морской воды. Действительно, Еловский источник вытекает из трещинных морских отложений». Отметив некоторое своеобразие минерального состава источника, маститые геологи на основании единственного анализа не стали делать «никаких решительных заключений».

Но курорту довелось родиться и в третий раз. Главный геолог Богословского горного округа Е.Д. Стратанович в 1915 году на запрос Общего тарифного съезда Российских железных дорог составил «Справку о Богословском горном округе с окрестностями в интересах туризма и бальнеографии», в которой писал:

«В 15 верстах от Надеждинска по лесной дороге находится целебный источник — Еловка. Это небольшой неофициальный курорт, где каждым летом находят себе облегчение по несколько сот больных ревматизмом.

Источник — сернистый. Сильно пахнущая сероводородом вода распределяется по нескольким ваннам, содержимым тут одним из жителей Еловского селения. Обыватели этого селения дают в своих квартирах приют приезжающим. Образ жизни — деревенский. Медицинского режима нет».

Приведя анализ минеральной воды (все тот же, и пока единственный), Стратанович недоумевал: «После того, как с 1905 года прошла Богословская железная дорога (Гороблагодатская — Надеждинск) через Верхотурский край, странным представляется, что земская медицина не обращает внимания на Еловский минеральный ключ. Издавна он привлекает к себе больных, — даже в те времена, когда за отсутствием жд. путь приходилось совершать на лошадях, а теперь число приезжих по жд. все возрастает».

К сожалению, имя еловского предпринимателя Стратанович не сообщил. Но совершенно неожиданно оно обнаружи-

лось в «Адрес-календаре Пермской губернии» на 1916 год, в котором была размещена реклама Еловских минеральных вод. Лев Мемнович Екимов предлагал «прекрасно обставленные ванны» за плату от 15 до 30 рублей в месяц и сообщал клиентам, что «на источник прокладывается Богословским горным округом железнодорожный путь», очевидно, имея в виду, проходящую в 3 км от Еловки ветку Надеждинск — Сама, действительно строящуюся в эти годы. Здесь же был приведен анализ минеральной воды доктора Рунина (как видим, большого аполгета курорта на Еловском источнике).

Еловский старожил Николай Егорович Контяев (1930 г.р.) рассказал, что Л.М. Екимов продолжал держать «заведение» и при советской власти. Пока не раскулачили. Но лечебное учреждение не погибло. Оно существовало под разными наименованиями: «Дом отдыха», санаторий «Елово» и дом отдыха «Елово».

В 1930–50-е годы железнодорожная ветка Серов — Покровск-Уральский неоднократно подвергалась перетрассировке и приблизилась к Еловке до 2,5 километров. Ближайшая к Еловскому источнику станция получила название Источник. Больные приезжали и по Ивдельской ветке (разъезд «12 километр»).

Из трудовой книжки жительницы Еловки Александры Николаевны Пелевиной (1932 г.р.), работавшей в доме отдыха «Елово» с 1949 года, следует, что он был закрыт в январе 1959 года, в сентябре этого же года был открыт Еловский дом инвалидов. Дом инвалидов ликвидировали в августе 1967 года.

Еловка. Улица Еловская.

Фотографии В. Суворина

Медаль Григория Зотова

Двести лет назад на Урале не было машиностроительной отрасли, и все изобретения новых машин и технологий относились к достижениям уральской металлургии.

В связи с нависшей над страной военной опасностью Государственный Совет возложил на частные заводы Пермской, Вятской и Оренбургской губерний отливку артиллерийских снарядов. В 1811 году берг-инспектор Пермского горного правления П. Е. Томилов разослал по уральским заводам соответствующее предписание.

Но к большим заказам заводы готовы не были. Большое количество ядер браковалось. На многих снарядах оставались, например, следы обгоревшей опочной земли.

Никто сейчас точно не скажет, кто первым подметил, что при погрузке ядра бились друг о друга, и опочная обгоревшая земля частично отпадала от изделий. Эта «технология» и легла в основу полировальной машины.

Рабочие Верх-Исетского завода во главе с управляющим Григорием Зотовым первыми изготовили полировальную машину, которая была пущена в действие 1 марта 1811 года. Ее конструкция очень проста. Отливалась бочка с отверстием. В нее закладывались ядра или картечь, отверстие закрывалось, и при помощи водяного колеса бочка вращалась. Ядра бились друг о друга, и происходило полирование. Результаты работы оказались хорошими, и о новшестве сообщили в столицу.

В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) хранится дело, касающееся этого изобретения. Вот выписка из журнала комитета министров от 19 июля 1811 года: «Слушана записка военного министра следующего содержания. Управляющий чугунолитейными заводами помещика Яковлева, Зотов изобрел такую машину, посредством коей артиллерийские снаряды получают полировку и гладкую окружность с наибольшей удобностью. Артиллерийская экспедиция приняла с особым одобрением образцы... снарядов, и спрашивает изобретателю приличного награждения. Военный министр находит одобрение сие тем более заслуживающим всякого уважения, что изобретение сие

есть совершенно новое и весьма полезное, ибо досель чугунные снаряды употреблялись у нас без полировки» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 169).

Из Горного правления по заводам была разослана инструкция с описанием технологии полировки ядер. Полировальные машины на каждом из заводов выполнялись своими умельцами. В архивном деле собраны планы таких машин, устроенных на уральских заводах.

Оценку качеству ядер дал подполковник от артиллерии Бикбулатов в донесении Пермскому горному правлению от 23 марта 1812 года с Уткинской пристани. Осматривая снаряды, отлитые на «партикулярных» заводах и поставленные на Уткинскую пристань, подполковник делает вывод, что ядра и картечи, имея совершенно гладкую поверхность, менее подвержены ржавчине. Лучше прочих — как по чистоте отливки, так и по качеству полировки ядер и картечей — он признал продукцию верх-исетских заводов, «где сия машина восприняла свое начало, подала пример другим, будучи доведена до совершенства». Если бы Зотов, продолжает далее подполковник, «не ввел бы сей изобретенной им машины в употребление, то артиллерия и по сие время не имела бы таковых снарядов».

27 мая 1812 года Горное правление разослало указ «О введении во всеобщее по горным заводам употребление изобретенной при Верх-Исетском корнета Яковлева заводе полировальной машины для артиллерийских снарядов и о донесении о том Горному правлению, где оные устроены, с какою пользою заводам и сколько в сутки отполировывается разных в заводской конторе».

О награждении Григория Федотовича Зотова говорится в докладной записке в Горное правление 1-му департаменту от 9 марта 1914 года. Государь император «всемилоостивейше пожаловать ему соизволил золотую медаль для ношения на шее на красной ленте».

И до сих пор изобретение Григория Зотова исправно работает в мире. В горнодобывающей промышленности этот принцип положен в основу шаровых мельниц.

Фотография Сибирско-Уральской ВЫСТАВКИ

Этому остановленному мгновению ни много, ни мало 115 или 116 лет. Автор снимка известный екатеринбургский фотограф Николай Акинфиевич Терехов (его дом на Большой Вознесенской улице — ныне Розы Люксембург — находился напротив дома другого фотохудожника — В.Л.Метенкова. Они, похоже, и соперничали в популярности).

Н. А. Терехов запечатлел внешний вид Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, которая проходила в Екатеринбурге в 1886-87 годах, собрав участников почти со всех губерний России, а также представителей европейских государств и Северо-Американских Соединенных Штатов.

Под экспонаты Выставки город предоставил здания ремонтных мастерских Пермской железной дороги, в числе коих были и здания бывшего монетного двора, закрытого в 1876 году (на фотографии — в центре), а также некоторые постройки Екатеринбургской гранитной фабрики.

Слева мы видим здание будущего музея УОЛЕ, в котором разместились научные отделы Выставки; в названных уже строениях бывшего монетного двора нашли приют многочисленные экспонаты кустарных промыслов. В непритязательной построй-

ке, что видна на переднем плане, расположилась администрация Выставки. Словом, все, что мы видим на фотографии Н. Терехова в первом приближении, уже кануло в Лету и рассыпалось прахом. Сохранились только ворота, что вели посетителя на территорию Выставки. Они и сегодня приглашают горожан в Исторический сквер города.

Больше повезло памятникам архитектуры, что на втором (дальнем) плане фотоизображения. Это и Дом Союзов — в ту пору здание окружного суда; это и нынешняя резиденция губернатора — в прошлом дом купца первой гильдии Ивана Саввича Тарасова. А дальше видна усадьба Расторгуева-Харитонова, Вознесенский храм...

Фотографию, уже изрядно траченную временем, прислал в дар редакции наш автор, краевед из села Ильинского Пермской области Вадим Афанасьевич Береснев. Пользуясь случаем, адресуем ему нашу искреннюю признательность.

Дар краеведа открывает в журнале новую рубрику — «Музей одной фотографии». Приглашаем в наш «музей» всех, кто имеет, чем удивить читателя. Благодарим также екатеринбургского краеведа-энциклопедиста Ю. Н. Сытникова за помощь в атрибуции фотографии.

Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка.

Игорь СЕМЕНЧИК, г. Екатеринбург

Как капитан Лепендин Хайле Мариама кормил

К дверям нашей госпитальной палаты он подъехал на коляске. Но неожиданно резво поднялся. Чуть повыше среднего роста, брюнет; по сравнению с тремя обитателями палаты, инвалидами Отечественной войны, он выглядел моложе.

— Толя. 47 лет. Офицер запаса. Сейчас — водитель в частной фирме. Вот, из реанимации прикатил, — пошутил он.

— Из-за «речки»? — спросил я, зная, что всем, кто прошел Афганистан, понятен подобный вопрос.

— Нет, чуток подальше, — поднял перчатку Анатолий. — Из-за моря. А точнее, из Африки. Страна там такая есть, Эфиопией называется.

...В Вольское военное училище тыла Анатолий Лепендин пошел по своеобразному «знакомству». Там учился брат его закадычного друга. Было это в 71-м. Три года учебы, лейтенантские погоны и первая командная должность: начальник продовольственной части стрелкового полка одной из дивизий Московского военного округа.

Похоже, что начпрод, как говорится, «показался» высокому начальству: по звонку из столицы было приказано оформить именно на него документы для служебной командировки в Эфиопию.

Пройдя через «сито» 10-го управления Генштаба, вьюжным декабрьским днем 1977 года капитан Лепендин и его команда: три солдата-повара и два прапорщика — один на должность начальника столовой, другой — начальника продовольственного склада, — одетые в одинаковые демисезонные пальто и такие же кепи, быстро, чуть ли не бегом (на улице было под 30 градусов мороза) исчезли в брюхе транспортного самолета.

Когда Анатолий, большой книгочей, узнал, что ему предстоит почти «хождение за три моря», он первым делом познакомился с историей этой страны. И вот что узнал пытливым капитан.

Династию эфиопских царей основал Мелик I, сын царя Соломона и царицы Савской; а один из сыновей прославленного Васко да Гамы Кристофер да Гама, в середине XVI века командовал пор-

Г.-М. Угайе (Эфиопия). «Пахота».

тугальским отрядом — помогал христианской Эфиопии отражать атаки соседних мусульманских государств.

В 1896 году в битве при Адуа эфиопская армия разбила итальянский экспедиционный корпус и впервые в истории развеяла надежду европейской державы основать в Африке новую колонию. И только Муссолини в 30-е годы XX века удалось оккупировать эту страну.

Узнал Анатолий, что британские солдаты освободили Эфиопию в 1941 году; что с именами русских офицеров Л. К. Артамонова и прежде всего А. А. Булатовича связаны исследования в конце XIX века малоизученных областей страны, и что тогда же в столице Эфиопии (тогда Абиссинии) Аддис-Абебе открылось первое русское посольство в странах тропической Африки, и в России собирали пожертвования для отправки в Эфиопию медицинского отряда. С тех пор одна из улиц эфиопской столицы носит название «Русская».

Прочитал капитан и о том, что император Хайле Селассие I, около 58 лет занимавший трон страны, был низложен 2 сентября 1974 года и стал последним монархом страны, избравшей, как было заявлено, социалистическую ориентацию.

И верно: до 1974 года Эфиопия числилась в ста-

Надгробная фигура
народа консо
из Южной Эфиопии.

не наших недругов. Но когда там произошел переворот, новый режим, провозгласив крутую социалистическую направленность, обратился к СССР за помощью, она ему была оказана.

А Сомали, которую мы до этого поддерживали и даже снабжали оружием, перешла в разряд империалистических государств.

В 1977 году началась эфиопско-сомалийская война, и выяснилось, что обе страны вооружены советским оружием.

Правда, во все эти политические тонкости капитан Лепендин не

вникал, придерживаясь принципа: меньше знаешь — лучше спишь.

... Под мерный шум самолета в голову почему-то лезли мысли, связанные с детством. То исчезали, то вновь появлялись знакомые строчки стихотворения, где Таня и Ваня «Вдоль Африки гуляют, фили-финики срывают». А горилла привела из-за Нила крокодила, и тот проглотил злодея Бармалея!

— Тыфу, наваждение какое-то, — даже заматал головой капитан, стремясь отогнать детские мысли. И только когда самолет приземлился на бетонку аэродрома в Аддис-Абебе, Анатолий вздохнул с облегчением.

Начинался новый виток его службы — теперь в аппарате главного военного советника, где на Анатолия возлагались непростые обязанности бесперебойного продовольственного обеспечения советников и советских военных специалистов. Тех и других, вместе взятых, насчитывалось в Эфиопии около 1 000 человек.

Вот и метался капитан по всей стране, редко бывая на своем постоянном месте жительства — вилле в Аддис-Абебе, где он непосредственно контактировал с майором Дайнагу, начальником продовольственной базы Министерства обороны Эфиопии.

Когда я спросил Анатолия Павловича, не доводилось ли ему встречаться с «сильными мира эфиопского», он улыбнулся и сказал:

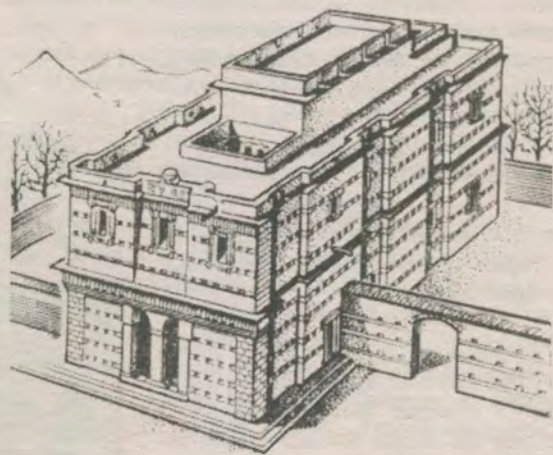
— За обеденным столом. Однажды в одно из подразделений эфиопской армии, где под нашим присмотром проводились показательные стрельбы

ПТУРСами, полюбоваться на такое зрелище приехал президент Хайле Мариам со свитой человек в тридцать. «Толя, его и свиту надо накормить!» — обеспокоенно сказал советник Жарков. «Не волнуйтесь, товарищ полковник, все будет в ажуре,» — ответил я. Накормили всех, как у нас на Руси говорят, «от пуза». Настреляли фазанов, а на гарнир — консервы. Всем понравилось, и президенту — тоже. Правда, был небольшой казус: не нашлось глубоких тарелок, и пришлось подавать еду в мелких. Но это обстоятельство не повлияло на аппетит, и я удостоился президентского рукопожатия. Друзья еще подшучивали: «Ну, Толян, теперь эту руку не мой как можно дольше,» — улыбается Анатолий Николаевич.

В годы Отечественной войны на фронте ходило много разных баек. Одна из них, в подражание поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», именовалась «Кому живется весело, вольготно на войне». В ней встретившиеся на КПП бойцы обменялись мнениями: «Один сказал — начфину, другой сказал — начхиму. Сержант изрек — начпроду...»

Голова из Аксума (Эфиопия).
Терракота, IV-V вв. н. э.

Церковь в монастыре Дэбрэ-Дамо (Эфиопия).
VI-VIII вв. н. э.

На мой рассказ об этом Анатолий Николаевич усмехнулся и рассказал мне вот какую историю.

УАЗик, урча включенным двигателем, готовясь в любой момент рвануть в 170-километровый вояж из города Харэр до границы с Сомали, выражал явное нетерпение. Спокойно вели себя на задних сидениях два эфиопских офицера, а вот сидевший за рулем капитан Зонов, как и его машина, проявлял явное нетерпение, то и дело поглядывая на часы и барабая пальцами по «баранке».

— И где его ангелы носят, — ворчал он, имея в виду главного пассажира, капитана Лепендина.

— Толян, давай быстрее, — крикнул Зонов, когда Лепендин вышел из-за угла здания, в котором помещался штаб командования.

Но когда Анатолий подошел к машине и уже поднял ногу, чтобы забраться в нее, его остановил звонкий голос подбежавшего посыльного:

— Товарищ капитан, вас генерал вызывает, — и, подойдя поближе, видимо, решив похвастаться осведомленностью, посыльный произнес: — Из Москвы прибыл самолет с грузом. В Аддис-Абебу. Велено вам лично и срочно принять груз.

— Что делать, — разводя руками, обратился Анатолий к Зонову. — Потрепи чуток. Сейчас другого назначат вместо меня.

Другим оказался один эфиопский офицер, появившийся буквально через несколько минут и занявший в УАЗике место, предназначавшееся Анатолию.

...Через несколько часов в миссию пришло известие, заставившее забиться сердце Анатолия. Машина подорвалась на фугасе, два эфиопа, включая того, что занял место Анатолия, погибли. Зонову раздробило ноги, но он остался жив.

— Случай спас меня от верной гибели, хотя я был не боевой комбат, а «тыловая крыса», начпрод, — не теряя чувства юмора, закруглился Лепендин.

В Африке он провел год, потом до 85-го слушал на Родине, а, когда уходил в запас, выяснилось, что в его личном деле о той эфиопской командировке — ни строчки. Только после долгих проволочек, через военкомат и архив Министерства обороны подтвердили этот факт. А еще

лет десять спустя приравнивали Анатолия, по его словам, к афганцам.

— Вот поэтому я и очутился в Свердловском областном психоневрологическом госпитале для ветеранов войн, — поставил точку в рассказе о своей одиссее екатеринбуржец Анатолий Николаевич Лепендин.

Глиняное украшение с крыши жилого дома в Южной Эфиопии

Плетеные изделия эфиопских мастеров: крышка и два сосуда для воды.

«Львица» Петроглиф. Гобыдра, близ Аксума (Эфиопия). I в. до н.э.

АЭЛИТА

Первая книга «добрян»

В конце ноября вышло в свет литературное приложение к журналу «Уральский следопыт», которое названо «Добряне» (выпуск первый). Эта книга стала итогом работы поэтов и писателей Клуба им. Бориса Марьева при Союзе писателей (рук. — В. Осипов), Мастерской творческих личностей «Ремесло» при журнале «Уральский следопыт» (рук. — П. Родимов), Творческой мастерской «Горный родник» при Горной академии (рук. — Ю. Конечский), Клуба «Лебядкин» при журнале «Урал» (рук. — Ю. Казарин) из г. Екатеринбурга, а также «добрян» из гг. Верхнего Тагила и К-Уральского, из Москвы и Ханты-Мансийского автономного округа.

Автором вступительной статьи является Вадим Осипов, поэт, член Союза писателей России. Он отмечает, что под переплетом первого «добрянского» сборника представлены «стихи и проза двадцати восьми авторов, от начинающих до маститых и признанных. Их творчество — словно мощный поток чувств и мыслей, создающий ощущение полноты жизни, счастья и несчастья, любви и одиночества, надежды и отчаяния». Среди авторов такие известные поэты, как Алексей Решетов и Юрий Конечский, Вадим Осипов и Любовь Ладейщикова. Именно они задают сборнику ту высокую планку качества, под которую с тем или иным успехом стараются подтянуться менее известные авторы, в том числе и еще совсем молодые. Конечно, не все опубликованные в «Добрянах» писатели работают на одинаковом уровне мастер-

Руслан СРЕДНИЙ
«Меч с рукоятью с обеих сторон»
Лев ЗОНОВ
Бардовские песни
Георгий БУРМИСТРОВ
«Пражская история»
Литературное движение
«Горный родник»: подборка стихов.
Полина РУБЛЕВА
«Кракозябра»
Диана ЧЕТВЕРКИНА
«Шаг»

ства. Тем не менее, полностью беспомощных прозаиков и поэтов в эту книгу не брали. Из молодых литераторов надо особо отметить Анну Кирьянову, Алексея Мельникова, Татьяну Суворову, Надежду Смирнову, Ольгу Шашкину.

Все авторы сборника очень не похожи друг на друга. Каждая из них представляет свою грань понимания огромного, бесконечного явления Добра. И все вместе они складываются в интересную мозаику тяги Человека к Свету. Это литературное течение «Уральский следопыт» поддерживает на протяжении года, ежемесячно публикуя произведения «добрян» на своих страницах.

Книга предназначена для общеобразовательных школ и может быть использована на уроках литературы как региональный компонент.

Во втором выпуске, который уже начал готовиться к изданию, читатели смогут прочитать произведения Владимира Блинова, Арсена Титова, Юрия Казарина, Евгения Касимова, Бориса Телкова и других авторов-«добрян».

*Петр Родимов,
редактор отдела
художественной литературы*

Руслан СРЕДНИЙ

Руслан Средний (Руслан Анатольевич Толстобровов) родился в 1974 г. в г. Нижняя Тура. Из трех братьев он — средний. В 1997 году закончил Нижнетагильский государственный педагогический институт (художественно-графический факультет).

Работал в детской школе искусств г. В. Тагила. Стал основателем и режиссером-постановщиком театральной студии «Живопись», где поставил ряд спектаклей, заинтересовавших публику.

Сейчас живет в Москве, работает художником на студии «Солнечный дом». Готовит к изданию книгу «Философские сказки». Воспитывает сына Ярополка и дочь Владиславу.

На фото: Руслан и его сын.

Меч с рукоятью с обеих сторон

*«Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст его выходил острый с обеих сторон меч...»
(Откровение Иоанна Богослова)*

*«...Из уст его выходил меч, рукоятью с обеих сторон»
(Лесное предание гл. 69. текст 17)*

ПРОЛОГ

Чкевишский лес простирался по всей площади небольшого острова от берега до берега. В древние времена он назывался Кевишским потому, что только в его траве обитали крохотные белые кузнечики Кевики. У этих насекомых вообще не было рта, а питались они запахом цветов. Приставка «Ч», означающая «страдающий», появилась позднее, когда обитатели всех лесов узнали о Кевишском Лесе. О том и рассказ.

Остров, на котором родился и вырос Чкевишский лес, окружало мелкое сладкое море — правда, сладким оно было только в глубоких местах, где били сладкие ключи, а в основном же оно было пресным. Было много того, чем славился Кевишский остров в мирные времена: Морской Дуб, золотая Секвойя, сандаловая Яблоня, белоствольная Сосна, цветущая Лиана делали неповторимыми его леса. На полях произ-

растал великолепный сахарный Тюльпан, медоносный Ландыш и голубой Клевер. Этим разнообразием счастливо жили многочисленные животные: пятихвостый Олень, журавлиная Антилопа, поющие Единороги, а также медлительные ручные животные Коны. Ростом они были схожи с современным слоном, с голубыми и белыми пятнами на спине. Местные жители доили Конов, как люди доят коров, только молоко у Конов более легкое, розового цвета и помимо сливок, масла, творога и сыра из него можно было делать особый розовый хлеб. В летнее время одна самка Кона обеспечивала молоком целую деревню. Поэтому деревня считалась очень большой, если в ней содержалось два Кона, и только в королевской роще при дворе Кевишского правителя находилось три Кона.

ЛЕТОПИСЬ I

*«... Сначала он побеждал то, что ему угрожало. Потом он начал побеждать все, что попадало под руку...»
(Из дневника лекаря)*

Ровно в полночь царица Кевишского леса почувствовала долгожданное схватки. Через полчаса она родила сына, а еще через час родила ему брата. Пожилой лекарь Лев со слезами вымыл от крови руки, и ему подали сухое полотенце. В эту ночь у Кевишского леса появилось два наследника. Мальчики-близ-

нецы были очень разные. Один младенец имел гладкую розоватую кожу, другого густая белая шерсть покрывала с лап до мордочки. Младший встал на лапы уже на второй день, и назвали его Барс. Старший же, гладкокожий, уснув сразу после родов, все еще не просыпался, поэтому оставался без имени, так как по лесному обычаю ребенку дарили имя только после того, как он сделает свой первый шаг.

Белый Барс рос, а его брат беспробудно спал. Царский двор уже не на шутку начинало тревожить его здоровье. Так как царица умерла во время родов, то по старшинству гладкокожий становился законным правителем Кевишского леса, и вот уже месяц его ждала корона, его ждали медные бубны, гимны и почести. Его ждали золотой корень и гранитный шар. Так прошел год. Прошел целый год, как королевские советники с тревогой осматривали его спящее тело. Они все еще не знали, какого цвета у него глаза, и до сих пор не слышали его голоса, но уже кланялись, заходя в его королевскую спальню, и говорили при нем только шепотом.

В тот же день рождения наследников в королевстве произошло совсем неприметное событие, но о нем необходимо упомянуть, потому как с него, собственно, и начинается все остальное. Пожилой лекарь Лев неожиданно бросил свои лекарские дела. Многие видели в тот день, как он садился в лодку один, второпях, без запаса пищи, и отчаливал от королевской пристани. Девять дней о нем не было вестей. Он не вернулся домой, не появился ни в одной из деревень Кевишского острова. И только спустя девять дней стража королевских спален глубокой ночью зарубила до смерти у дверей детской комнаты, в которой сладко сопели новорожденные наследники, нагло прокравшегося грабителя. Он был закутан в серо-голубую ткань. В лапах разбойник сжимал нож, которым, впрочем, не поспешил воспользоваться, когда стража набросилась на него. Видимо, орудие это грабитель приберегал для иного дела. Так или иначе, на утро в убитом признали пожилого лекаря.

После, когда учитель словесности Барсук проводил перечет вещей, принадлежавших старому Льву, его внимание привлек медицинский журнал в белой обложке, исписанный рукой лекаря. Последняя запись в том дневнике гласила:

«Схватки начались ровно в полночь. Царица чувствовала себя превосходно. Все шло как обычно. Ребенок не очень крупный. Я помог ему продвинуться к свету, но он оттолкнул мои руки, уперся ногами в правый бок царицы, а спиной в левый, напрягся, выпрямил ноги и разорвал царицу пополам. Она даже не вскрикнула, а просто перестала стонать. Я остолбенел и не знал, что делать. Выбравшись таким образом на воздух, ребенок тут же уснул. Кожа его была гладкой и смугло-красноватой. Я переложил тело ца-

рицы на шелк. И только спустя час заметил ее шевеление. Кинулся к ней и обнаружил, что в утробе остался незамеченным еще один ребенок. Он барахтался и поскуливал. Тело его покрывала мягкая белая шерсть.»

Спустя год Белый Барс окреп и уже уверенно стоял на четырех лапах. Королевский учитель Барсук уже начал преподавать ему кевишские наречия, тогда как его старший брат без имени и без пробуждения спал.

И вот однажды служанка, как обычно, вошла в спальню спящего молодого правителя, чтобы его тело омыть водою и положить на лоб лепесток шиповника. Но этим утром младенца в постели не было. Одежда лежала сброшенной на пол. Окно открыто настежь. Служанка уронила кувшин с водой и закричала. На ее крик сбежалась вся царская прислуга. Через минуту все королевские советники были поставлены в известность. Двор охватила настоящая паника, забегала охрана, закаркали сторожевые коршуны. Весть о том, что украли наследника, облетела в минуту весь остров. Мелькнула тень, и в окно влетел молодой, смоляной черноты ворон,

— Я его нашел! — успел только бросить он советникам, как все кинулись за ним. Ворон полетел через сад, и через сад по клумбам за ним бежали главный советник Ягуар, советники Волк и Филин; за ними — камердинеры Антилопы и неповоротливый учитель словесности Барсук. И еще с десятка два прислуги. За садом начинался бурьян, где не было дороги, а чуть далее была большая, но неглубокая впадина от высохшего озера. Вся она очень густо заросла высокой ядовитой травой. Траву эту в народе прозвали кровосокой. При прикосновении она оставляла болезненные волдыри на коже. Ко всему этому, если раздавить хотя бы самый маленький листочек кровосоки, то жгучего его запаха хватит, чтобы у вас заболели глаза и потекли слезы. Не надо объяснять теперь, почему все дороги огибали этот бурьян и это заросшее озеро. Но сейчас Ворон летел именно туда. За ним по кустарнику, по лопухам и лебеде бежал весь королевский двор. Они достигли края впадины и в изумлении остановились. Зрелище, которое им открылось, лишило их речи, и даже главный советник в растерянности не мог произнести ни слова.

Всю обширную площадь старого озера, от берега до берега, покрывал ковер мелко изрубленной жгучей травы. Хватило мгновения, чтобы горький запах заставил всех отшатнуться, зажмуриться. Отравленный воздух вцепился в глаза, как взбесившаяся кошка. Кто-то ползком, закрывая лицо, попятился назад, но Ягуар, пересиливая жжение, сумел разглядеть на середине впадины стоящего на задних лапах младенца. В руке он сжимал палку. Взгляд его был устремлен на прибежавшую толпу. Его нежная детская кожа от хвоста до кончика носа была покрыта ужасными волды-

рями, а по щеке текла крохотная соленая слезинка. Он смахнул ее кулаком и направился к подданным. Ягуар, не помня себя, упал ниц и только услышал, как Ворон взволнованным голосом прошептал ему на ухо: «Руша!..» Месяц спустя собирательница корней рассказывала, как она, заготавливая чертополох, заметила младенца в бурьяне у самого спуска во впадину, всего голого, с гладкой розовой кожей. Он шел неуверенно, шатаясь. Она устремилась к нему, но в это время он скатился вниз, и только был слышен ужасный шелест ядовитой травы. Когда же испугавшаяся за жизнь ребенка собирательница корней заглянула вниз, то увидела, как мальчик, видимо, подобрав где-то тут же сухую палку, окруженный со всех сторон колючими стеблями кровосоки, рубит ее с такой злостью, с какой шакал не набрасывается на свою добычу. Трава в некоторых местах была выше его на голову, но младенец с немалой ловкостью за короткое время вырубил вокруг себя площадку. Теперь ему можно было бы без вреда выбраться из ямы, но он почему-то все яростней наносил удары, все решительней продвигаясь в самую гущу зарослей. Стебли хлестали его по рукам, царапали ноги, оставляя на коже младенца кровавые волдыри; но, как ни странно, все эти ожоги только преумножали его ярость. Руша сек ядовитые стебли и с жадностью наблюдал, как они, шипя, оседали и ложились ему под ноги. Он словно открыл некий закон, словно открыл источник, способный утолить его извечную жажду.

— Жгучий запах поднялся со дна ямы, и я не могла больше смотреть, как новорожденный ребенок, рыча и скалясь, косит колючую ядовитую кровосоку, — закончила свой рассказ собирательница.

Говорят, с тех пор на дне озера — голый песок, и не растет ничего, даже репейник, и тот засыхает.

На следующий день состоялась коронация, где молодому правителю, с общего согласия, было подарено имя «Руша», что дословно, в переводе с лесного,

означает: «Вырывающий с корнем». (Со временем это существительное вышло из употребления, оставив глагольную форму «рушить», которая, не утратив первоначального смысла, перешла в старославянский язык.)

ЛЕТОПИСЬ II

В детстве любимым занятием маленького Руши было сбрасывать со скал камни и рубить деревья. За этими занятиями он проводил больше половины своего времени. Лучшие королевские кузнецы ковали для него золотые топорича, богато украшенные гравировкой и инкрустацией. Каждое новое дерево Руша рубил новым топором, а использованные складывал в комнаты, предназначенные для гостей. Когда ему исполнилось пять лет, использованными топорами заполнились три гостиные и вся северная часть подвалов королевского дворца.

В детстве Руша запретил петь любые грустные и колыбельные песни и приказал сжечь все флейты, скрипки и юты, а оставить невредимыми только барабаны и медные трубы. Запреты эти строго исполнялись все 150 лет его бессменного правления, и даже после смерти еще очень продолжительное время лесные народные праздники проходили под бой барабанов и звуки горнов.

В юности Руша занялся созданием Кевишских военных сил. За год им была укомплектована многочисленная сухопутная армия, за полгода построен морской флот. Осталось освоить лишь небо. И вот здесь предприимчивый правитель столкнулся с серьезной задачей. Летающая фауна Кевишского леса состояла, в основном, из жаворонков, стрижей, воробьев и синиц. Самым выдающимся родом в ней была фамилия царских полосатых попугаев. Эти птицы обладали наибольшим размахом крыльев и имели от природы большой, увесистый клюв и цепкие лапы. Но, как и все вельможи, от той же природы наделены были особой неуклюжестью, медлительностью и ленью.

Королевским приказом в короткий срок были созданы воздушные дивизии, но на военных учениях они оказались не на высоте. Руша был недоволен. Не успокоившись, он приказал научить летать животных больших размеров, чем птицы. Станным образом выбор пал на Конов: видимо, потому, что у новорожденных телят Конов на спине находились особые наросты, которые, правда, после месяца жизни отпадали, как отпадают у лося рога. И, тем не менее, на совете мудрецов все, как один, поддержали идею научить летать именно Конов.

Королевским приказом во дворец были согнаны многочисленные стада этих медлительных травоядных животных. Весь род слоноподобных Конов, до единого, был сейчас насильно согнан во дворец. Царские доярки не справлялись с таким количеством

молока, и оно проливалось из вымени прямо на землю, собиралось в ручьи и текло по улицам столицы, даря возможность бродячим котам беспрепятственно лакать с мостовой отменное розовое молоко. Говорят, за три дня половина городских котов подохла от объедания.

Самые искусные мастера огненной магии взялись за осуществление грандиозного плана: превратить мирных, безобидных Конов в летающее грозное оружие. Заранее военачальники окрестили их Драконами, что означает: «Летающие Конь». Но с первых же дней эксперимента напичканные заклятиями тайных наук Конь стали умирать. Спустя неделю их уже осталось половина от прежнего количества. Такие неожиданные результаты повергли знахарей в полное замешательство, но последние не оставляли своих попыток осуществить задуманное — и благодаря этому Конь десятками и сотнями умирали в муках и страданиях.

Наконец, Славный правитель был поставлен в известность. В ярости Руша лично казнил трех магов и сам взялся за эту работу. Через полгода тяжелейших усилий почти все подопытные Конь погибли. Совершенно случайно выжил только один из них и, к великому всеобщему изумлению, он умел не только летать и изрыгать пламя, но к тому же знал пчелиную арифметику, законы питона Ферхеса и с легкостью читал и писал на четырех Кевишских наречиях.

ЛЕТОЛИСЬ III

Однажды царь гречишного острова приказал разослать гонцов в девяти направлениях с указом повиноваться его воле. В тот же день девять веселых кораблей отчалили от острова.

В те времена живой лес покрывал землю равномерно, как скатерть покрывает стол. Весь он делился на девять лесных царств. Гречишный остров не относился к лесу, так как был отделен от него водой сладкого моря, поэтому девять лесных царей узнали о его существовании от гонцов, которые в надменной позе, с гордыней в голосе зачитали им указ о признании Гречишного правителя царем всех девяти лесов. Четыре гонца вернулись со свитками от четырех правителей с согласием повиноваться воле Гречишного царя, а остальные пять привезли отказ. На следующий день царь снарядил пять армий и приказал вырубить под корень все эти пять лесов и оставить разве что для смеху по одному только дереву. Так, говорит древнее предание, появились степи и четыре стороны леса, которые покорились. С тех пор их стали называть Южным, Западным, Северным и Восточным лесом. А разделять их стали пять степей, или пустынь. В центре каждой росло дерево: в сухой степи этим деревом был Саксаул, в холмистой — кривоствольный Можжевельник, в непроходимой болотис-

той — чахлый Дуб, в каменистой — Сосна. В середине цветочной степи, окруженная тюльпанами, ландышами и маками, осталась нетронутой молодая Магнолия.

После покорения четырех лесов царь выстроил в каждом из них по дворцу. В Южном это был красный дворец, в Западном — голубой, в Северном — белый, и в середине Восточного — желтый дворец. Между дворцами правитель проложил широкую дорогу, по которой из Северного дворца по каменистой степи везли в Восточный драгоценные камни. Из Восточного по сухой степи везли воду целебных источников в засушливый Южный дворец. Из Южного по холмистой степи везли халву и мед в неурожайный Западный дворец. Из которого, в свою очередь, по болотистой степи та же дорога вела в Северный, и шли по ней караваны, набитые одеждой из парчи и льна. Одна лишь цветочная степь была недосягаема для путника. Дорога не касалась ее.

Странные завораживающие легенды рассказывали в связи с этой степью. Говорят даже, что царь однажды пытался проложить через нее дорогу, но каждое утро дорога зарастала цветами, словно ее и не было. Но скорей всего это пустые выдумки: так как цветочная степь пролегла посередине земель замков, то и строить дорогу через нее не было особой надобности. А то, что цветок, сорванный с той самой магнолии, что росла посередине этой степи, приносит якобы безграничную силу и мудрость — так вы не верьте, никто этого не пробовал. Потому как никто и никогда в тех краях не обладал безграничной силой и мудростью.

ЛЕТОПИСЬ IV

После, когда учитель словесности Барсук проводил пересчет вещей, принадлежавших некогда великому Руше, в его библиотеке внимание учителя привлек большой старый том. Название на корешке совершенно стерлось, лишь только поблескивала позолота. Учитель с любопытством открыл его, но оказалось, что все до единой страницы в книге отсутствуют. Еще становилось совершенно очевидно по обрывкам, оставшимся в переплете, что рвали листы эти неряшливо и, вполне может быть, и ярости или в отчаянии.

На самом же деле, как говорят старейшие летописи, покойный Руша уважительно относился к книгам и позволить себе нечто подобное не мог. Даже тот факт, что переплет, оставшись без страниц, несмотря на это все же сохранился, говорит о том, что он был дорог покойнику. Ведь все свои дни, начиная с детства, проводил он за письменным столом, засиживаясь за ним неприлично долго, пропуская обед и нередко ужин. Ложился он поздней ночью, перед сном не забывая усладить свой тонкий слух чудесной мело-

дикой старинного юти, который он сделал сам. И знавал многие произведения лесных классиков, хотя более всего его трогали колыбельные. Вставал он рано, далеко засветло; и только с утра, по обычаю, принимал важные государственные решения. По всем этим причинам и сложил о себе в округе славу образованного, справедливого правителя, мудреца и писателя.

— Во всяком случае, так говорят государственные летописи, — любил добавлять в этом месте старина Лось и тут же, как ребенок, мог хохотать вместе со слушателями.

— Чего смешного? Так говорят летописи.

В народе же о Руше рассказывают такую вот историю.

Однажды, рано утром, когда еще не взошло солнце, Рушей овладело вдохновение. Он почувствовал, что если прямо сейчас, немедленно выступит походом одновременно против всех девяти лесных царств, то его ждет победа! Не успело еще солнце наполовину показаться из-за горизонта, а уже все армии отчаянного правителя строгими рядами выступили из столицы. Во Главе степных дивизий шагал собственно Руша. Только кевишские армии, погрузившись на многочисленный флот, приступили к форсированию Сладкого моря, как неожиданно Рушу посетил предчувствие, что в это самое время его супруга, оставшаяся в столице, ему изменяет. Тогда он велел остановить движение и послал обратно в столицу своего самого быстрого гонца — Ягуара.

— Прокрадешься в покои царицы, обнаружишь ее занятие и вернешься ко мне с отчетом, — прошипел Кевишский правитель Ягуару в лицо.

Военный флот, по ватерлинию нагруженный войсками, встал на якорь посередине Сладкого моря. Ягуар на легкой весельной лодке отчалил к острову. Наступило время ожидания.

Когда Ягуар, миновав Каменную пустошь, крепостную стену столицы, площадь, дверь черного входа, повороты, лестницу наверх, стражу и с бега переходя на передвижение ползком, приоткрыл дверь покоев, царица стояла посередине залы на коленях и молилась.

Ягуар вернулся к Руше и рассказал об увиденном. Говорят, именно с того времени Руша возненавидел Бога. В тот день, говорят, Кевишские войска вероломно, не сообщив о войне, ворвались в лесные царства и, говорят, что Руша несся впереди своих армий, с такой яростью набрасываясь на пытавшихся оказать сопротивление лесных жителей, с какой огонь в пожаре не пожирает сухие деревья. Руша крушил все впереди себя — целые отряды и подразделения, так что идущим по его следам войскам уже нечего было делать. Говорят, один его взгляд тогда убивал врага наповал. Глаза его пульсировали, как два окровавленных сердца, а глотка издавала такие крики, от ко-

торых бросало в ужас даже глухого. В тот день, говорят, он победил. Мудрый Ворон, рассказывая эту историю, всегда добавлял, что, не будь этого случая с изменой супруги, доблестный Руша не нашел бы в себе столько ярости, и, быть может, не одержал бы такую молниеносную победу.

На самом же деле все было иначе. И Ворон был не настолько предан повелителю Кевиша, чтобы рассказывать о его подвигах в таком возвышенном тоне. Да и у правителя Кевишского острова, как говорят летописи, никогда не было супруги, и царств никаких никогда он не завоевывал.

ЛЕТОПИСЬ V

*«То, к чему ты бежишь
сегодня, окажется
настолько же
прекрасным, как и то,
от чего ты убегал
все это время».*
(Надпись при входе в галерею)

Рассказывают о детстве Руши и такую еще историю. Однажды молодой правитель, проезжая на колеснице по лесу, заметил на поляне у дороги порхающую над белыми цветами желтую бабочку. Малолетний Руша приказал остановиться. Он очень долго наблюдал, как бабочка, насытившись нектаром одного цветка, порхает к другому. Малолетний Руша принялся ловить ее, но бабочка ловко уворачивалась от его рук и, как ни в чем не бывало, садилась на цветки. Тогда Руша сорвал один цветок и, держа его над головой, замер в ожидании того, что бабочка подлетит к нему. Так он просидел до вечера. Как придворные ни уговаривали его, Руша просидел всю ночь с цветком на голове, и следующий день тоже, но ни одна бабочка не села на его цветок. Тогда он приказал вырвать все белые цветы, что рос-

ли в округе, чтобы на всем острове не осталось бы ни одного белого цветка, чтоб остался только тот, что был в его руках.

Может, это и правда, но только в детские годы Руша более предпочитал рубить деревья, а не сидеть с цветком на голове. Особенно в детстве он не любил сидеть на месте, так что трудно серьезному человеку поверить этим рассказам. Впредь же, серьезный читатель, постараемся придерживаться лишь достовер-

ных и правдивых историй.

Ночью покой Кевинского правителя сотряс крик — это Руше приснился сон. Он долго сидел на краю кровати, приходя в себя, взяв голову в руки и отслеживая краем глаза движение обрывков сна, что еще кружили под потолком, напоминая ключья сажи.

Только он потянулся к жезлу гонга, намереваясь разбудить прислугу, как дверь тихонько распахнулась, и на пороге показалась атлетическая фигура Дракона. Присев на корточки, он протиснулся в трехметровый проем дверей и, уже оказавшись в зале, выпрямился. Высота потолков во дворце не позволяла Дракону ходить в полный рост. Вот и сейчас он уткнулся затылком в позолоту свода, обогнул люстру и опустился на пол возле королевского ложа. Последний, тлеющий кусочек сна прилип к его щеке; но, когда Руша рассеянно взглянул на вошедшего, этот кусочек на щеке уже растаял.

— Что это было? — напряженно спросил Руша, откладывая жезл в сторону. — Это было, или этого не было?

Дракон достал из кармана яблоко и с удовольствием откусил половину.

— Ваша светлость, должно быть, видит это впервые? — не прожевавшись, ответил он.

— Перестань при мне жевать!! — неожиданно закричал Руша. Но Дракон, казалось, даже не слышал его. Он так же задумчиво жевал яблоко и с причмокиванием продолжал:

— Это просто сон. Сны снятся с детства любому жителю твоего острова. Каждую ночь кто-нибудь обязательно видит сон. Ты испугался? — Дракон выплюнул в лапу яблочных косточки и с невинным видом устался на Рушу.

— Я испугался? — во всю глотку заорал Руша так, что даже задрожали хрусталики на люстре. — Боятся будут они! Все! Будут бояться...

Дракон бесцеремонно перебил его своим тяжелым басом:

— Я не узнаю Вашу светлость, Кевинского правителя. Что-то произошло? Ты скажешь мне? Или я пошел спать?

Руша опустил руки, шагнул к окну. Взгляд его стал мягче, он повернулся к Дракону и, отметив, с какой непосредственностью тот доедает второе яблоко, улыбнулся.

В этом месте мы позволим себе прерваться и вернуться на два дня назад, когда еще спокойно спал Кевинский правитель, когда еще сны не тревожили его. В тот день Государь повелел собраться всем старейшинам острова во дворце. Из угощений подали только оливки и сладкий чилим.

ЛЕТОПИСЬ VI

... сладкий чилим. Когда все уселись, правитель поднял руку. Наступила тишина.

— Для чего мы рождаемся с сильными руками? — начал Руша.

Все молчали — видимо, ожидая, что правитель сам и ответит на этот вопрос. По правую сторону от трона, как обычно, сидел Дракон. По левую — старый седой Бабуин, единственная обезьяна в Совете мудрецов.

— Для чего мы рождаемся с сильными руками?! — повторил Руша, еще выше поднимая свою правую руку. Правая рука у Кевинского правителя была чуть больше левой, а сегодня эта разница казалась еще более заметной, и мудрецы совсем потеряли смелость говорить.

— Для чего?! Вам ответить? — с этими словами Руша, не глядя направо и налево, схватил за горло тех, кто сидел рядом с ним. Соответственно, Дракона — большой правой, и седого Бабуина — послабее, левой. Все это произошло так внезапно, что все вздрогнули, а учитель словесности, почтенный Барсук, сидевший в самом дальнем углу, наполовину проглотил чилим, который он еще по приходу положил в рот, но после того, как Руша начал говорить, не решился разжевать. Теперь колючий неразжеванный орех застрял у него в горле. Барсук боялся даже закашлять. Он весь посинел и в ужасе выпучил на правителя глаза; а тот, не взглянув даже на тех, кого душил, цинично продолжал спрашивать, все сильнее и сильнее, как в тисках, сжимая драконью и обезьянью шеи:

— Зачем мы рождаемся с сильными руками? Неужели для того, чтобы поднять в поле лопату и за обедом ложку?

Руше было неинтересно посмотреть, как корчится в его хватке старый Бабуин. Он только слышал левым ухом, как тихо он хрипит, и чувствовал правой рукой, как цепко обхватили его кисть лапы Дракона. В правом ухе хрипа не было слышно, и Руша едва заметно улыбнулся:

— Мы сильны для того, чтобы двигать горы! Чтобы поднимать скалы! Мы сильны, чтобы подчинять и властвовать! — Руша все больше горячился, и все неистовей сжимались его стальные пальцы. Вокруг Бабуиновой шеи они сомкнулись, как кольцо. На шее же Дракона длины их чуть-чуть не хватало, но это компенсировалось тем, что правая рука Кевинского правителя была куда сильнее левой. Но вот Руша замолчал, почувствовав, что правая рука, против его воли, разжимается. Это Дракон, извиваясь и покраснев от напряжения, отталкиваясь лапой от колонны, а плечом упираясь в дубовую спинку трона, на исходе сил рванул обеими лапами пальцы правителя, и они, слабея, едва заметно разомкнулись, позволив Дракону вдохнуть. Этот вздох поверг всех в такой страх, что могучий Тигр, считающийся самым сдержанным из присутствующих, вдруг весь задрожал, резко вскочил и, обливаясь горячим потом, видимо, пытаясь что-

то сказать, заскрипел зубами, откусил себе язык, разжевал и проглотил его. Затем он словно сдулся, сел. По подбородку хитрой Росомахи потекла черная струйка крови, она прикусила губу. Барсуку же мучительный вдох Дракона принес облегчение — чудесным образом он проглотил злополучный орех.

В левой руке правителя конвульсии седого Бабуина совсем стихли. Глаза его закатились. Сразу, как Руша схватил старика за горло, стало ясно, что долго тот не продержится. Раза два Бабуин нерешительно пытался разжать железные пальцы, а потом только вздрагивал и беззвучно открывал рот. Он ослаб еще раньше, чем Руша договорил последнюю фразу, и недвижно повис в руке правителя, как старый кусок материи. В судороге шевелились только пальцы, словно бы Бабуин играл на невидимом музыкальном инструменте.

Руша в невозмутимом жесте разжал руки, и все облегченно задышали. Дракон чуть не упал с помоста, но удержался. Лицо его было бледным, как у мертвеца, но глаза светились такой жизнью! И даже, может быть, радостной яростью, которую обычно дарит полководцу только победа. Все смотрели сейчас на Дракона. Никто не обратил внимания, как шлепнулось на пол невесомое тело мудрого Бабуина. Руша еще много говорил в тот день о том, что остров слишком мал для него, что мир лежит перед ним, как пирог, что остается лишь порезать пирог на куски и с аппетитом начать трапезу. Руша много чего говорил в тот день, но все смотрели тогда на Дракона.

Вечером к Кевишскому правителю явился с докладом черный Ворон. Его роль при дворе мало кому была понятна. Он все время отсутствовал, проведя половину жизни на чужбине, в странствиях. Облетел он все девять лесных царств, знаком был со многими мудрыми и знатными людьми мира.

Руша слушал его внимательно, с особым почтением и серьезностью. В первый час доклада Ворон вкратце осветил события лесной истории последних пятисот тысяч лет: невероятные трагедии, взлеты и падения правителей. Череда лиц — великих и мудрых, глупых, наивных и строгих, счастливых и несчастных — пронеслась перед глазами Руши. Как листопад, зашуршали их идеи, планы, их попытки изменить мир — и, как осенние листья, падали они во мрак. Какими бы великими ни казались их дела при жизни, после смерти они вдруг тускнели, на трон поднимался очередной правитель, все менял на свой лад, сменялось поколение лесных жителей — и вот уже никто из них не может припомнить того правителя, дела которого казались вечными.

Руша по-настоящему был тронут многими великими личностями, он радовался их победам; но когда Ворон доходил до конца, до итога их жизни, тот всегда был одинаков — все рушилось, и Руша отчаянно переживал крах до тех пор, пока новый правитель не

завоевывал его сердце; но и с новым случался тот же финал. На протяжении только пятисот тысяч лет Ворон поведал сто тысяч расцветов — и сто тысяч крахов, сто тысяч разочарований.

К исходу девятого часа черный Ворон отдельно коснулся истории первого правителя Кевишского острова, отдельно подчеркнув, что это была единственная личность из ста тысяч последующих правителей Кевиша, деяния которой по сей день являются единственной силой острова. Он, собственно, и создал этот остров. По одному источнику, его звали Ахма, по другим — Аджас, но все сходились в одном. Ахма родился в маленьком острокопечном каноэ посередине Сладкого моря. Над морем во время его появления собралась огромная туча черного снега. Снег этот был живым. Он чувствовал боль, он умел надеяться и ждать. Каждая снежинка этой тучи мечтала построить свой мир. Миллионы могучих и ничтожных, жестоких и покорных миров собрались сейчас над морем, и все они надеялись на Ахму. Ахма разволновался так, что дыхание его сделалось тяжелым. Из рта с ветром полетели сухие листья. Тут же поток черных снежинок, желавших быть такими же легкими и парящими, подхватил сухие листья. И Ахма понял, что создал птиц. Птицы кружились над морем в надежде отыскать место, где можно было бы построить свой мир. Ахма забеспокоился и нечаянно уронил в воду весло. Весло заскользило по воде, и тут же еще одна стая снежинок, желавших так же скользить по воде, подхватила весло и, разорвав его на мелкие щепки, засустила в море в надежде построить свой мир. Ахма опустил руку в море и понял, что создал рыб. Но дна у моря не оказалось. Тогда он очень глубоко задумался. Его мысли повисли над головой, как камни, а когда он очнулся, они упали в море, и образовался остров. Ахма шагнул на остров, вырвал пучок своих волос и бросил их на камни. Еще одна часть черной тучи бросилась на камни, привлеченная возможностью недвижимо стоять и любоваться собой. Так из длинных волос появились цветущие деревья, из коротких — душистая трава. Три кудрявых волоса упали в море и стали водорослями. Ахма так понравилась творение, что он заслушался птиц и залюбовался цветами. В волнении он стал нюхать цветы и нечаянно уколол об шип палец. Капелька крови упала в траву, и половина из оставшихся снежинок бросилась на нее в надежде построить счастливый свой мир. Ахма вздрогнул и понял, что создал зверей. Он приложил к ранке листочек и собрался было сесть в свое каноэ, как заметил, что небольшое черное облако еще осталось висеть над островом. Снежинкам этим не хотелось строить свой мир так, как построили его уже другие. Ахма задумался. Он думал так долго, что почувствовал голод. Тогда Ахма достал из моря за хвост одного кита и дунул ему в глаза. Кит немедленно превратился в молоконосного Кона, оглядел себя,

и ему понравилось быть Коном. Ахма лег на траву и принялся сосать молоко прямо из вымени счастливо-го животного. Он сосал молоко и думал, и так Ахме понравилось молоко Кона, что он в тот день переел и долго не мог уснуть. Лежал на ложе из душистых трав, смотрел на звезды, и казалось ему, что он такой счастливый, что это он создал свой мир, и мир этот приносит радость. Но вот он заметил в ночном небе все то же тоскующее маленькое черное облако. Ахма не знал, что нужно сделать, он беспокоился и очень волновался. Ночь была сырая, и Ахма чихнул. Из брызг его чиха создались белые полупрозрачные кузнечики Кевики, которые затянули такую протяжную песню, что Ахма быстро успокоился и уснул. Проспал он спокойно всю ночь, а утром, увидев остров в рассветных лучах, пожалел этот мир: ему стало жалко оставлять его без защиты. Ахма взошел на высокий остроконечный утес и так разволновался, что пролил слезы. Одна слеза упала на землю и стала круглым соленым озером посередине острова, а вторую слезу Ахма утер тем листочком, который он вчера прикладывал к ранке. На листике еще остались следы его крови. И тут же маленькое черное облако слетело на землю и, подхватив этот листик, стало народом, который обступил Ахму со всех сторон. Народ стоял на остроконечном утесе, смотрел, как Ахма садится в свой каноэ, и плакал. Тогда, растрогавшись, Ахма просил небо и море показать народу того, кто стоит за их миром. Он говорил: «Освяти», — и называл его Отцом. Он говорил: «Покажи», — и называл ее Матерью. Он говорил: «Скажи», и называл его Братом. И тогда море, и небо поменяли свой вид, и народ узрел Великого Хранителя, который держал на груди своей все мировые земли. В его волосах запутались звезды, его дыхание стало ветром, а на вытянутую ладонь Хранителя лег маленький Кевишский остров. Вдымающаяся при дыхании грудь Хранителя создавала приливы и отливы. На груди Его в области сердца была дверь. И сказал Ахма вытирающим слезы жителям: «Дверь эта для тех, кто плачет, кто устал строить и хочет домой. Для них это последнее пристанище. Для тех же, кто желает сражаться, за дверью этой последний соперник». Ахма уплыл, а уплывая, повелел всем правителям земным в больших делах искать совет у Хранителя. Для того первому из них (стал им синий Буйвол Анагха) приходиться на совет к Хранителю каждый день за час до рассвета на остроконечный утес, на вершине которого провел первую беспокойную ночь мудрый Ахма. Сказал — и умчался через млечный путь на своем каноэ. Синий Буйвол Анагха правил три тысячи лет, и каждый день, за час до рассвета, поднимался он на утес, принося с собой дары для Хранителя. Как правило, это был душистый маслянистый орех и лепестки цветов. Все три тысячи лет мир не знал обид. Его трон был непоколебим. И

дело здесь лишь в покровительстве Хранителя.

Черный Ворон еще долго рассказывал о невообразимой силе Анагхи, о явном и сокрытом покровительстве ему. О бесчисленных возможностях, открывающихся перед тем, кто заручится покровительством Хранителя.

«Хранитель тогда... поэтому Хранитель... и так будет Хранитель... — кружилось в голове Кевишского правителя. — Покровитель в то время... и все ж покровитель... покровитель на этом...» — стучало его сердце, растворяя гордость в сладкой истоме долгожданного могущества. Но внешне Руша был спокоен, как камень. Никто из присутствующих не смог бы сказать, как он находит доклад черного Ворона. Когда Ворон закончил, Руша усмехнулся и приказал отрубить ему голову.

ЛЕТОПИСЬ VII

Лишь только село солнце, как Рушей овладело беспокойство. Он злился, ругался, но ничего не мог с собой поделат. В полночь терпение кончилось и, распорядившись не будить Дракона, Руша отбыл из замка на легкой походной колеснице, взяв с собой двух рослых воинов-Сервалов. Когда они, миновав степь, достигли листовенного леса, Руша приказал Сервалам сойти с колесницы и ждать. А двигаться за ним, только если они услышат его крик. Время едва переступило за полночь, как Руша при свете звезд разглядел за стволами деревьев покачивающуюся гладь соленого озера. Он без особых неудобств взвалил на плечи по тугому мешку и двинулся напролом через кустарник к остроконечному утесу, возвышающемуся над водой. Цепляясь зубами за стелби плюща и отталкиваясь локтями от выступов, он вскарабкался на него и с шумом свалил с плеч ношу. С улыбкой ощущав мешок с орехами, погладив его как живого, Руша ловким движением вспорол ему бок, и в ночи над озером рассыпалась тихая дробь, словно маленькие барабанички забарабанили в крохотные барабаны, — это запыргали по камням орехи. Руша потерял руки и очень точно, словно бы он видел в темноте, нащупал бок второго мешка. Зашуршали, подобно ветру, душистые лепестки цветов. Ночь наполнилась нежным ароматом дня. До рассвета было еще далеко, и Руша это понимал. Но в то же время ему казалось, что все свершится скоро. Его охватывало волнение, когда он пытался представить, как должно быть, выглядит Хранитель. Насколько велик, могуч он должен быть, чтобы держать на руке весь его остров и море, и все далекие земли, и солнце, и луну, и тучи, и звезды. Воображение отрывало Рушу от земли, и он летел над ней, как беркут. Сердце бешено стучало. Он перелистывал лица Хранителя в своей памяти. Одно лицо сменяло другое, и Руша задыхался в этой пляске. Чувство радости вдруг сменялось гневом, и тогда ему хотелось

зажать этот мир в кулак и давить! Давить так, чтоб вытекли все соки из этих камней, из деревьев и трав. За всю ночь он так и не присел, он так и стоял, по щиколотку засыпанный орехом и невесомыми лепестками цветов.

Почувствовав, что рассвет уже близко, Руша судорожно, словно опомнившись, взялся придумывать то, что же он скажет Хранителю. Он в беспокойстве откашивался от одной фразы, заменял ее другой, начинал говорить вслух, изредка ругался; изредка, напротив, им овладевал смех. В клубках нависших облаков ему мерещились брови Хранителя, проблески звезд казались миллионами глаз Хранителя. Чудилось, что теплый ветер — это его дыхание, что утес этот, может быть, песчинка, застрявшая в морщинке на ладони великана-Хранителя, старого и мудрого; а может, время ему тоже подвластно, как и мудрость? Руша не на шутку начинал тревожиться — сможет ли он объяснить Хранителю свое предложение, свое виденье мира. Сможет ли он заручиться покровительством Его? Рушу охватывал жар, и он уже потоком твердил обещания, давал клятвы. Зарекался о дарах, которыми он сможет умастить свою просьбу. Он в эти минуты серьезно готов был отдать все, что у него есть, для того, чтобы потом получить еще больше. Любой обет, любое отречение, любое испытание Руша был бы счастлив наложить на себя, зная, что это сделает его несокрушимым! Только бы позвать Хранителя руку, только бы Он согласился стать его покровителем. И тогда победа будет с ним — с Великим Кевишским правителем.

Рассвет наступил стремительно. Как показалось потом Руше, не прошло и минуты, а облака потеплели и стали розоватыми, словно бы их нагревали в печи, вспыхнули желтым пламенем, накалились до бела. А небо, точно сделав шаг, отступило из черного в голубое. Звезды облетели, как пыльца с опыленного цветка. И Руша понял, что утро уже прошло, что начался обыкновенный день. По небу плыли обыкновенные облака, в лесу послышалось обыкновенное щебетание птиц, и обыкновенное солнце стояло сейчас в зените, по обыкновению даря земле обыкновенное тепло. И только тогда Руша почувствовал себя обманутым, почувствовал, как глупо он выглядит сейчас здесь, засыпанный дурацкими орехами и лепестками: как клоун, как шут, как чучело, которое сейчас подожгут и будут, смеясь, бросать в этот огонь старые вещи и хлам. Кевишский правитель пытался сейчас на горе все взвесить, как вспотевший от бега опоздавший пассажир пытается, глядя на часы, понять, почему же он все-таки опоздал. Руша пришел сегодня в театр, на, как ему казалось, грандиозное представление. Перед ним торжественно открылся занавес, обнажая пустую, чисто вымытую сцену; и вот он ждет минуту, вглядывается в пустые кулисы. Ждет две

минуты. А кто-то за кулисами, кажется, стоит; стоит и смеется, может быть, над ним. Или даже этот кто-то нагло смотрит на его смущенный вид через дырочку в занавесе, смотрит и улыбается. Руша растерялся, он не знал, как нужно действовать в подобных положениях. Он так ослаб и, сгибаясь под тяжестью этого розыгрыша, опустил голову. И в этой позе у ног своих он увидел трех стрижей, которые с аппетитом клевали цветочные лепестки. С минуту он смотрел на птиц в полном отупении. А стрижи уже ловко расщепляли орехи и с какой-то игривой веселостью выклевали маслянистые ядрышки. Они пересвистывались, кувыркались, как дети в куче игрушек, совершенно не желая замечать сурового Рушу, не придавая его фигуре абсолютно никакого значения. Лицо Кевишского правителя стало темнеть от злости. Вскоре оно почернело, как уголь.

Все дворцовые жители знали эту ужасную перемену в лице Руши. И вспоминали о ней всегда со страхом и трепетом. Мало кому удавалось остаться в живых после созерцания этого потемнения.

От злости у Руши потемнели даже зубы и белки глаз. Он медленно поднял руки и с неизмеримой яростью обрушил кулаки на трех беспечных стрижей, на груды орехов, на кучу лепестков. Птицы без особого труда увернулись от удара и, как ни в чем не бывало, защебетали в небе, а Руша продолжал крушить утес. В бешенстве он рычал и вырывал из утеса камни, рычал и бросал их в озеро. Вырвав очередную глыбу, он спиной почувствовал чье-то присутствие. Медленно, не оборачиваясь, Кевишский правитель поднял глыбу над головой и, ловко извернувшись, обрушил камень на пытавшихся незаметно подкрасться к нему сзади. В последнее же мгновение Руша успел узнать в двух пятнистых существах запыхавшихся и испуганных Сервалов, которых он оставил вчера вечером при входе в лес. В следующее мгновение камень накрыл их обоих, раздавив могучих хищников, как котят. Словно ветки кустарника, захрустели их кости. На орехи брызнула кровь, и Руша, наконец, успокоился. Ему стало просто смешно. Он смеялся долго, может быть, час, а, может, и больше; но во дворец он вернулся под вечер, как всегда бодрый и подтянутый, и весь оставшийся вечер шутил с прислугой.

ЛЕТОПИСЬ VIII

Дракон жевал уже третье яблоко и, казалось, что у него в кармане пижамы запрятан еще не менее чем фруктовый сад. Руша все продолжал смотреть в окно на закутанный в черную шаль ночи свой драгоценный Кевишский остров. В тишине слышно было, как стрекочут в саду крохотные кузнечики Кевики, и как шелестит ветвями деревьев дыхание Хранителя.

— Я тебе расскажу, что я видел... но это всего лишь злая шутка, воображение, поэтому не имеет значения.

— Руша сел на пол рядом с Драконом. — Вчера я был на озерном утесе и сделал все, как было написано в той книге. Теперь я сожалею только о том, что автор ее мне неизвестен. Из меня вышел прекрасный глупец.

Руша осекся, сжал кулаки так, что захрустели суставы, и продолжал:

— Но сегодня ночью я видел их во сне. Тех стрижей, что клевали мои дары на утесе. Один из них во сне сидел на спинке моего трона и сказал, что Хранитель соглашается помочь мне. Но лишь тем, что будет извещать Кевишского правителя о его поражениях заранее, чтобы тот имел время отказаться от заведомо проигрышного дела. С этими словами он чихнул на мой трон, и он превратился в облако цветочных лепестков. Второй стриж влетел в окно с цветком Магнолии в клюве, положил его мне на грудь и сказал: «Этот цветок станет знаменем того, что ты будешь повержен. В том же случае, когда тебя ждет успех, ты услышишь старинную лесную колыбельную». «Но я ненавижу колыбельные!» — закричал я. Но в окно уже влетел третий стриж с маленьким стеблем тысячелистника в лапках. Он стал играть и петь то, что пела мне мать, когда носила меня под сердцем. Я спросил: «А почему Хранитель не скажет мне этого сам?» На что стрижи мне в один голос ответили: «Нас послал не Хранитель, а твой Последний соперник». Тогда я соскочил с постели и хотел схватить их. Мне захотелось растерзать этих наглых, дерзких птишек. И только я протянул к ним руки, как увидел, что меняюсь. Вдруг я стал сдуваться, стал легким, как пух, а руки мои... — Руша сжал кулаки, ...А руки мои стали цветными прозрачными крыльями бабочки... я метался, я стал беспомощной глупой бабочкой...

— Тогда вы и закричали? — перебил его Дракон.

— Я закричал не от страха! Я закричал от глупости такого положения. Потому что так быть не может, это просто игра воображения, это пустая выдумка! Глупая шутка!..

— Съешьте лучше яблочко, — неожиданно предложил Дракон, — а я пошел спать, — сказал он уже на пороге, — и не надо так горячиться, Высокочитимый правитель... все у вас получится.

Сказал — и исчез в коридоре.

ЛЕТОПИСЬ IX

На следующий день Кевишский остров приступил к подготовке войны с лесными царствами. Война, по велению Руши, должна была начаться с Тюленьего мыса. В этой операции кевишским воинам необходимо будет ночью окружить мыс с трех сторон и высадиться на берег так, чтобы убить как можно больше тюленей, нежное мясо которых должно послужить удовольствием для прибывающих вскоре после этого

основных атакующих сил Кевишской армии хищников. Поэтому Руша отдал очень короткий приказ: «Каждая тушка на счету». Считать тюленьи тела был приставлен самый образованный солдат — бывший учитель словесности сержант Барсук.

Вечером, еще раз производя пересчет кевишских сил, количества провианта, времени транспортировки сухопутных частей, Руша почувствовал неприятный сладковатый запах, исходящий, как ему показалось, из пламени камина. Подойдя к пламени, Руша принюхался — но оказалось, что запах исходит из совсем противоположной стороны комнаты. Руша с раздражением оглядел тяжелые шторы, обнюхал ковры — и всякий раз казалось, что запах распространяется от чего-то другого. Он вышел в коридор дворца, спустился по парадной лестнице в церемониальный зал, и всюду его преследовал этот неприятно приторный запах, какой обычно источают чересчур нежные цветы. Руша, теряя сдержанность, выбежал в сад, осмотрел темно-зеленые кусты можжевельника, прошел по еловой алее и вновь вошел во дворец через восточные ворота. Но запах так и продолжал сопровождать его, как будто бы он сам издавал его. Руша нервно обнюхал свои руки и тут заметил, что в правой петлице мундира у него распускается бутон магнолии. Он был заколот на серебряную брошь, а стебель аккуратно упрятан под расшитый золотом воротник мундира. По всему было видно, что бутон распустился прямо на мундире, как раз с того момента, когда Руша почувствовал его запах.

Бутон был вырван, прислуга, занимающаяся бельем и одеждой Кевишского правителя, строго наказана. Всю ночь Руша простоял у окна. Весь следующий день он никого не принимал к себе. Все ходил от стены к стене, заложив руки за спину. Даже Дракона не пропустили к Руше, а вечером гонцы разнесли по командующим Кевишскими войсками указ Высокочитимого правителя: «В следующую ночь высадиться на Тюленьем мысе!»

Эта «тюленья» война впоследствии стала самой позорной страницей в истории Кевишской военной компании.

Ночь. Возбужденные хищные лица, освещенные полной луной: штурмовая армия грузится на корабли. Руша провожает их взглядом, крепко сцепив на груди руки. Утром на Тюлений мыс отправится уже вся военная эскадра, а пока только эти, самые лютые, самые умелые воины; среди них, правда, неповоротливый сержант Барсук.

Нет, он не вышел к ним, не пожелал победы, ничего такого не сказал им, чтоб...

Штурмовая армия отправлялась не на войну — на ужин. Руша не мог себе представить даже в кошмарном сне, с какой вестью к нему завтра вернется Ягуар.

Хищники с таким нетерпением ждали этой ночи, когда они, наконец, могут убить целый мыс безобидных сочных тюленей. Многие просто дрались за то, чтобы числиться в штурмовой армии. За два дня до высадки на Тюлений у всех штурмовиков буквально пропал аппетит на скудное местное зверье. Желудок уже урчал по заморскому тюленьему салу.

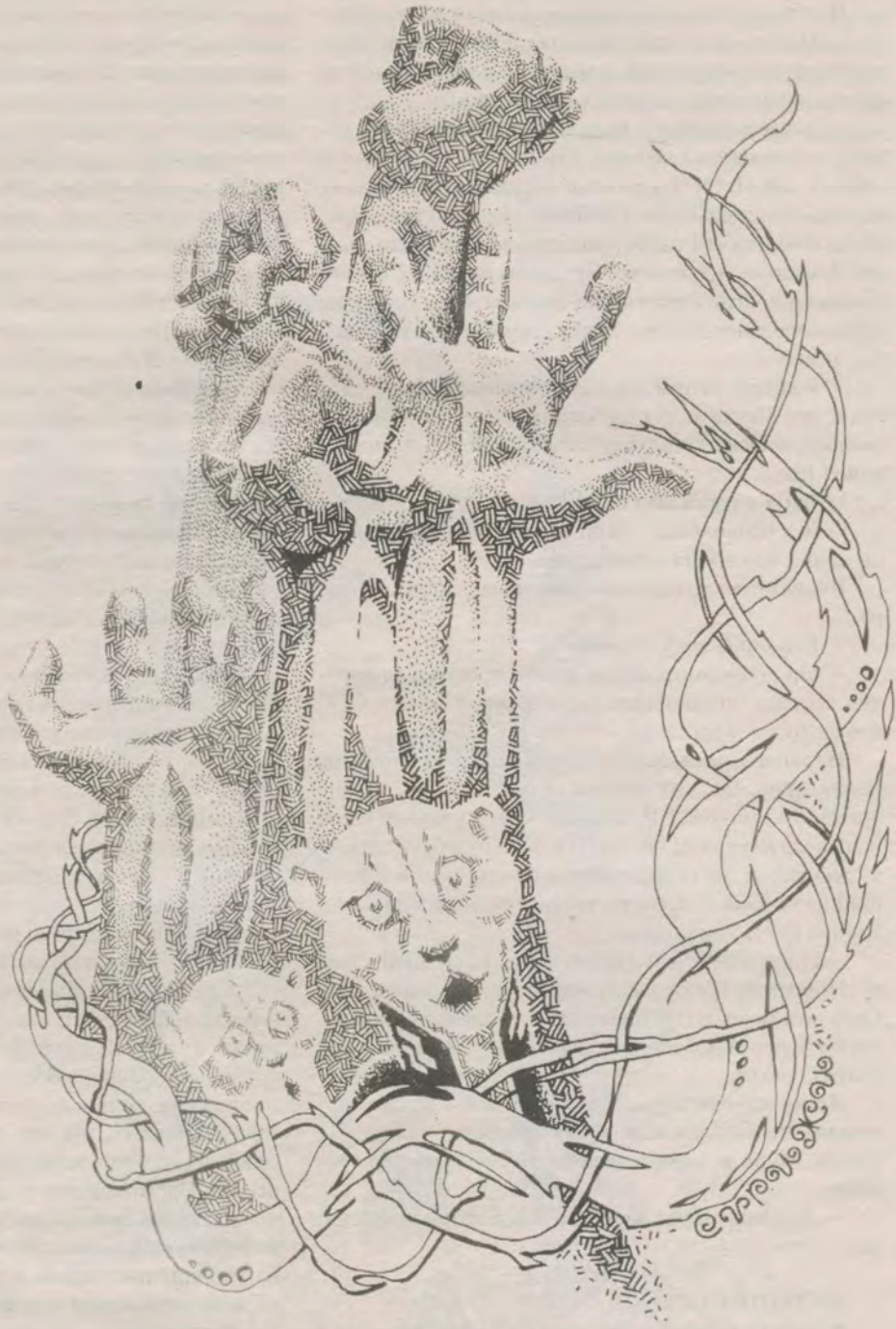
Руша серьезно не считал Тюлений мыс началом боевых действий, поэтому трудно описать его реакцию на сообщение Ягуара. Руша почернел, как обугленный пень, пока Ягуар, склонившись на колено, докладывал повелителю следующее:

— Великий Кевишский правитель пожелал, чтобы я в точности докладывал все, что видят мои глаза, слышат уши, чувствует нос. Я всегда это делал, как мне было приказано, и делаю это сейчас... Когда эскадра основных сил прибыла на Тюлений мыс, все до единого хищники штурмовой армии были обнаружены убитыми, со вспоротыми животами. Месторасположение их тел соответствовало боевому порядку: три плотных кольца, словно бы нападавшие обрушились на хищников со всех сторон одновременно. Ни один хищник не покинул своего места в шеренге. Командующие армий считают, что штурмовая армия подверглась внезапной атаке с воздуха, так как если бы нападающие действовали сухопутно, то в первую очередь вступило бы в бой внешнее кольцо штурмовой армии, и бо-

евой порядок был бы нарушен. Так как на мысе не было обнаружено заготовки тюленьих тушек, командующие армий считают невозможным дальнейшее развертывание основных сил.

Ягуар замолчал.

— Меня интересует количество убитых противни-

ков, — прошипел почерневший Руша.

Ягуар дрожащим голосом осмелился доложить:

— Нападавшие забрало с собой своих погибших, поэтому подсчет потерь, нанесенных противнику во время атаки, представляется невозможным.

— Меня интересует количество потерь нашей армии, — продолжал чернеть Кевишский правитель, в связи с чем Ягуар все меньше справлялся с дрожью, которая охватывала его, как пламя сухую солому. Дрожали кончики его ушей, дрожал голос, дрожали мысли. Заходили ходуном все Ягуаровы надежды, все его привязанности. Трещали по швам вся его гордость, вера, достоинство, все — в эти секунды он отказался бы от всего.

— Ровным счетом вся Штурмовая армия... — едва произнес Ягуар и тут же опомнился: — Ах, нет! Я ошибся, nepозволительная ошибка, один из армии остался цел...

— Что он рассказал о сражении?

— Я, с позволения сказать... он ничего не сказал... он спал... это время сражения...

Рушу стала раздражать трясущаяся морда Ягуара.

— Кто он! Я хочу его видеть!

— Он до формирования армии преподавал наречия, он спал, по национальности полевой Барсук. Сейчас он будет у вас...

Нервная дрожь Ягуара стала больше похожа на конвульсии. Он уже ничего не мог сказать, только трясся и вскрикивал. Руша задумчиво посмотрел словно сквозь Ягуара на видимую в окне голубую ленточку горизонта, на остроконечный холм, выглядывающий над лесом — и, сочувственно положив на плечо Ягуара руку, улыбнулся:

— Ничего не бойся. Ночью пойдешь со мной к озеру. Приготовь орехи, каких-нибудь цветов нарви. Так. Сеть возьмишь и птичью клетку, — спокойно проговорил Руша и добавил: — цветов, впрочем, не надо, хватит орехов.

Ягуар все еще продолжал трястись, с трудом понимая, что остался жив. Руша отвернулся к окну и, уже не глядя на нащупывающего дверь Ягуара, произнес:

— Ложись сейчас же спать и выспись хорошенько...

ЛЕТОПИСЬ X

В связи с ночной операцией на Тюленьем мысе в Кевише ходили очень смелые слухи. Рассказывали, что в первый день полнолуния тюлени оставляют место своего обитания, и это действительно так. Я уточнял это у океановедов. Тюлени плывут на юг, к Улитковым рифам оттого, что только в первый день полнолуния оживают церулеумные улитки. Об этой регулярной миграции знает любой морской моллюск. Неизвестно почему об этом факте не было своевре-

менно доложено Руше. Очевидно, что придворные океановеды были прекрасно осведомлены о миграциях тюленей в первый день полнолуния. Но осмелимся предположить, что они вполне могли точно не знать, что именно назначенный Рушей день высадки на Тюлений мыс совпадает с днем полной луны; а, в свою очередь, придворные лунологи-Филины, до тонкостей знающие время лунных фаз, вполне могли быть невеждами в вопросах миграций морских животных. Так или иначе, повелителю обстоятельств было угодно сложить их так, как ему было угодно.

Никто, кроме тюленей, не жил на мысе, даже никакой растительностью тот не обладал. Но его каменистый берег с давних пор стал удобным местом для откладывания куколки морскими скорпионами. Никто и никогда не поедал эти куколки, хотя они снаружи имели желеобразную мякоть красного цвета, покрывающую сверху прозрачной кожицей. В середине своей прочной скорлупы они содержали орешек, который при попадании в теплую воду во время прилива раскрывался, и из него появлялся уже полностью сформированный скорпиончик. В жале новорожденного, как правило, уже содержался превосходный скорпионий яд.

Готовясь к высадке на Тюлений мыс, хищники, предвкушая небывалый пир, ели умеренно, а за день до выступления совсем не прикасались к мясу, мечтав в скором времени набить себе брюхо тюленьими тушками. В действительности же, рассказываю, случилось следующее. Ночью, под покровом темноты, голодные хищники высадились на пустынный берег, усеянный одними камнями. Ни одного тюленя в это время на мысе не оказалось. Стратегия развертывания военной операции подразумевала закрепление Штурмовой армии на мысе. Хищникам пришлось все это делать на голодный желудок. Ближе к утру, истекая слюной, они, видимо, уже не могли сдерживать голод. Тут-то и обратили они внимание на сочные кровавые куколки, которые оказались на вкус не намного хуже тюленьих тушек. Не ел куколок только сержант Барсук, так как предусмотрительно имел с собой флягу с можжевеловым соком и арахисовые лепешки. Наглотавшись по дюжине каждый скорпионных куколок, довольные хищники выстроились оборонительными шеренгами, оцепив весь мыс в три кольца, и принялись ждать. А в это время согревшись в их животах орешки зашевелились. Деткам скорпионов, благополучно вылупившимся из скорлупы, ничего не оставалось, как жалить изнутри и разгрызать животы хищников. Выбравшись так наружу, скорпиончики благополучно возвращались в море. Барсук же, утомившись длительным путешествием, безмятежно задремал на гладком теплом камне посередине оборонительных шеренг. На рассвете прибывшие на Тюлений мыс военные обнаружили на нем лежащие в боевых шеренгах трупы штурмовиков со вспоротыми

животами и безмятежно спящего в этом окружении сержанта. Ни следов нападавших, ничего другого, что бы помогло воссоздать картину происшедшего, обнаружено не было. Барсук был разбужен и поражен увиденным не меньше прибывших на мыс командующих армий. Военных очень поразил тот факт, что звуки сражения даже не разбудили спящего Барсука.

Но это только слухи. Скорее всего, скорпионьи куколки тут ни при чем. В судьбе Штурмовой армии на

лицо факт сражения с превосходящей в боевом искусстве загадочной армией лесных царств. В ту же ночь ровно в полночь Филины созерцали в свои телескопы странные скопления светящихся объектов в районе созвездия Куницы. Спустя час огоньки скрыли облака, а когда облака рассеялись, светящиеся точки уже исчезли.

Окончание следует.

Рисунки Сергея Ивкина.

Лев ЗОНОВ

Лев Зонов — один из поколения уральских бардов-шестидесятников. Он по профессии горный инженер-геофизик, выпускник Свердловского горного института (сейчас Уральская Государственная Горно-геологическая Академия, УГГА). Многие годы он работал в разных уголках нашей страны, а также за ее пределами в составе советских геологических экспедиций в Монгольской республике и в Индонезии.

Там, в экспедициях, и появлялись его первые песни и стихи, которые потом звучали не только у костров и в походных палатках, но и на многочисленных в шестидесятые годы концертах и конкурсах, а также во время Дней Уральской литературы и искусства. Несколько раз в те годы его приглашали для выступлений в Ленинград и Москву. А в 1968 году Лев Зонов вместе с Александром Дольским представлял Свердловск на Всесоюзном фестивале авторской песни в Академгородке Новосибирска.

Многие его песни опубликованы в газетах и журналах, включались в сборники, издававшиеся в Москве, Екатеринбурге, Сыктывкаре и Воркуте. В 1967 году вышла в свет его первая «сольная» книга «Смотрите в небо чаще...», в которой было опубликовано 80 песен и стихов. А в октябре 2002 года вышел второй авторский сборник, «Вот и новая осень...». В него вошло 120 песен и стихов, в том числе несколько десятков, написанных уже в новом тысячелетии. А все песни в этой журнальной подборке созданы автором в 2002 году.

Песни Льва Зоннова были записаны на компакт-дисках и аудио-кассетах: только на студии Виктора Зайцева «МП» в серии «Барды России» в этом году создано три новых авторских альбома. Аранжировку и музыкальное сопровождение этих песен осуществил известный музыкант-импровизатор и художник Андрей Елецкий.

Публикацией текстов его песен «Уральский следопыт» открывает свою новую рубрику: «Барды».

Растревожил душу листопад

Растревожил душу листопад,
Вновь воспоминанья невпопад
На меня нахлынули толпой
И шепнули: «Песенку пропой»...
Вспомнила моя гитара вновь
Ту весну и первую любовь,
Что прошла, как майская гроза, —
Губы в губы и глаза в глаза...

Хоть прошло с тех пор немало лет,
Та весна оставила свой след,
Наследила в сердце и ушла —
Новую любовь себе нашла...
И теперь лишь в памяти моей
Иногда зальётся соловей,
И под эти трели соловья
Снова ту девчонку вспомню я...

Растревожил душу листопад,
Я ему, пожалуй, даже рад —
Вспомнила моя гитара вновь
Ту весну и первую любовь...
Все мечты переселились в сны,
Замолчав до будущей весны.
Без любимой пуст, прохладен дом,
Осень в сердце, осень за окном..

О привычках

Привыкаем к своим городам,
И к друзьям, и к родным привыкаем,
К суете и сиянию реклам.
От привычек с трудом отвыкаем.
Поднимаем порой белый флаг,
А должны бы идти в наступленье.
Понимаем, что что-то не так,
Но привычка диктует движенье.

Накрывает нас волнами быт,
Нам привычен уют наш домашний.
Путь к другому привычкой закрыт, —
Каждый день так похож на вчерашний.
Жизнь свою, словно платье, кроим,
Ищем к девушкам милым отмычки.
Привыкаем к любимым своим —
Хуже нет взтом мире привычки.

Изменить мы, конечно, должны
Наши взгляды на наши привычки —
Ведь они нам при жизни нужны,
Как в тайге отсыревшие спички.
И, поставив вопрос на ребро,
Я б оставил из многих привычек
Лишь одну — делать людям добро,
Каждый жень. Но добро без кавычек!..

Часы на стенке — ходики...

Часы на стенке — ходики
 Отсчитывают годики
 На языке своём: «Тик-так, тик-так, тик-так»
 Мы ж тратить их стараемся,
 И всё понять пытаемся,
 Что в нашей жизни — так, а что — не так.

Да, истина извечная,
 Что жизнь у нас конечная,
 И каждому судьба свой срок даёт.
 А мы без понимания
 На это — ноль внимания,
 За что нас жизнь нередко крепко бьёт.

Мы каждый день в движении,
 Но только при сложении
 Минутки превращаются в года.
 Года — в шеренги строятся, —
 Об этом беспокоится,
 Хотя бы думать нужно иногда.

Дай слезиночке дорогу...

Снова ветры и метели
 Под окном твоим запели
 Свои арии из оперы «Зима».
 Невесёленькие мысли
 В голове твоей повисли, —
 В одиночестве легко сойти с ума.

Ты одна на белом свете
 И одна за всё в ответе,
 Ты сама себя рисуешь и творишь.
 Независимо, упрямо
 Ты идёшь по жизни прямо,

Несмотря на бури, грозы,
 Ты была скупа на слезы,
 Говорила: «Слезы — это не моё».
 В нашей жизненной корриде
 Ты была всегда, как лидер,
 И одна вступала в схватку — не вдвоём.

За окошком холод, слякоть,
 И так хочется поплакать, —
 Сердце женское — не камень, не гранит.
 Дай слезиночке дорогу —
 Плакать можно понемногу,
 И пусть Бог тебя по-прежнему хранит...

К сердцу любимому сердцем причаль...

*«Люди всегда понимают друг друга,
 Если одна у них боль и беда.»
 Лев Сорокин*

Истину эту, конечно, мы знаем,
 Пишем об этом стихи и поём:
 Жизнь по-другому мы воспринимаем,
 Если мы в ней не одни, а вдвоём.

Чтобы не сбиться с житейского круга,
 Нужно, чтоб рядом с тобою был друг.
 Счастье, когда друг живёт ради друга,
 Если одна у них боль от разлук...

Птицами пусть стаи лет пролетают,
 К сердцу любимому сердцем причаль,
 И все туманы на сердце растают,
 Радостью смениться горе-печаль.

Вроде бы знаем мы истины эти,
 Но не поймёт самый мудрый мудрец:
 Ну почему же так много на свете
 Бьётся не в такт одиноких сердец?

Мчатся галопом под горку года...

Мчатся галопом под горку года,
 Жизнь задаёт этот темп удивительный.
 Но почему, отчего иногда
 Хочется бег их замедлить стремительный?

Чтобы себя постараться понять
 И разглядеть то, что светлое в тьме,
 Крепче подруг иснаглядных обнять —
 Часто для них не хватает нам времени.

Каждый несёт в этой жизни свой крест,
 Вспомнишь порой о жестокой банальности:
 Белого цвета — фата у невест,
 А одиночество — чёрной тональности.

Короток Богом отпущенный срок,
 Нам ещё в Чреве Программа составлена.
 Каждый из нас в этой жизни — игрок,
 Ставка на жизнь при рождении поставлена.

*Фотопортрет Льва Зонова
 выполнен Владиславом Ветлугиным.*

Георгий БУРМИСТРОВ

Бурмистров Георгий Владимирович родился 22 августа 1972 года в г. Екатеринбурге.

В 1996 г. окончил Уральский госуниверситет. Факультеты: журналистика, политология-социология.

С 1995 г. — коммерческий директор газеты «Главный проспект». С 1996 г. — коммерческий директор, Продюсер Свердловской гостелерадиокомпании (СГТРК). В 1998 г. — открыл корпункт по Уральскому региону «Общественного Российского Телевидения» (ОРТ) в Екатеринбурге. С 2000 г. — главный редактор газеты «Социальная помощь и поддержка». Соавтор общественно-политической работы «Русский крест». С 1995 г. и по настоящее время в качестве политического консультанта участвует в избирательных кампаниях различного уровня.

Увлечения: философия, художественная литература, живопись, архитектура, спорт (Айки-до).

Пражская история

Питер Клуб не любил рестораны. Навязчивое внимание официанта, мечтающего заполучить побольше часовых, раздражающий гул вечно что-то обсуждающих посетителей — все это ему не нравилось. Добавим к этому скованность, которую он испытывал, всякий раз листая меню, отказываясь от дорогих блюд. Приходилось выбирать не то, что хочется, а что по карману. Клуб не бедствовал. Но скромное жалование клерка в небольшой конторе не позволяло излишеств.

Невзрачность фигуры Питера Клуба создавала дополнительные неловкие ситуации в развлекательных заведениях. От рождения он был невысок и худ. Не носил бороды и усов. Раз в месяц посещал парикмахера, который без лишних вопросов уже сколько лет делал одну и ту же прическу. В маленьких карих глазах Питера читалось, что их обладатель не глупый, уравновешенный человек. Носик крючком, впалые щеки, тонкая шея, вечно испачканные чернилами руки — свидетельствовали о радении Питера на службе и скромности в быту. Со школьной скамьи он одевался в костюмы серых цветов. Нельзя сказать, что Клуб перьяшлив или занашивает пиджаки до дыр. Но склонность к одеждам одних тонов делала незаметным для окружающих появление его в обновках. Они так и думали, что Питер всю жизнь проходил в одном костюме. Отсутствие в гардеробе роскошных бабочек и галстуков яркой расцветки, блестящих заколок или заметного ювелирного украшения не давали никакой возможности случайному взгляду зацепиться хоть за какую-то деталь туалета Питера Клуба. Такой посе-

дитель не вызывал восхищения у официантской братии. Да и Питер из-за врожденной скромности не любил привлекать к себе внимание. Обычно он робко входил в такие заведения — как входят извиняющиеся соседи, причинившие вам неудобства. Присаживался в угол, подальше от шумных и суетных компаний. Во всей его фигуре читалась какая-то неловкость. Ему приходилось дольше других посетителей ждать меню. А, не дай Бог, если случалась какая беда: с его столика падала вилка или требовалось что-либо дозаказать — официант не приходил вечно. Все это вместе взятое заставляло нашего героя обедать дома в гордом одиночестве, зато без стеснения и неловкости.

Но сегодня коротать выходной дома у Питера желания не было. Телевизор не радовал. По нескольким каналам одновременно шли боевики с настолько схожими сценариями, что даже, если переключать с одного канала на другой, кажется, что смотришь один фильм.

Читать последний детектив известного современного писателя N тоже не хотелось. Питер несколько раз брался за книгу, но детектив не шел. Закладка так и осталась на первых страницах. Клуб попытался переломить унылое настроение — взялся готовить еду. Достал из холодильника замороженные овощи. Положил размораживать. Но через какое-то время бросил кулинарную затею. Немного побродил по квартире. Она заслуживает особого внимания.

Это были две большие комнаты и кухня.

Снять жилье помог сослуживец. Познакомил Питера с энергичной полноватой женщиной. Кото-

рая за какие-то пять минут общения задала Клабу массу вопросов и успела столько наболтать, что у него даже закружилась голова. Хозяйка рассказала, что квартира досталась по наследству от одинокого бездетного дяди — капитана в отставке. Который вечно где-то был в походах или служил в удаленных гарнизонах, так что практически дома и не бывал. Что в квартире давно никто не жил, свидетельствовал кран-смеситель в ванной. Когда Питер открыл вентиля, раздалась фырканье и хлопанье. Кран затрясся, угрожая взорваться. Стал плеваться ржавой водой. Пришлось долго «спускать» грязную воду, пока не пошла «чистая».

Питеру квартира понравилась. Она располагалась под самым чердаком. Было слышно, как барабанит дождь по старой черепичной крыше. Мебель в комнатах, казалось, была свезена со всего света. И подбирались по принципу диссонанса. Низкий, в японском стиле, с мягкими овальными подушками диван в гостиной, оббитый яркой желтой тканью с иероглифами соседствовал со складными дачными стульчиками из белой пластмассы. Там же на полу распластался пожелтевший, заляпанный воском и жиром, прожженный в двух местах ковер, когда-то обладавший густой шерстью. У стены стояли несколько широких невысоких шкафов на толстых гнутых ножках. Полировка на двери одного была отбита. На многих дверках не хватало ручек. Шкафы были забиты всякой утварью. Чайные сервизы на полках соседствовали с кипами цветных журналов. Среди ваз всевозможных форм и расцветок неожиданно могли стоять: телевизор, утюг или выцветшая фотография в рамке. Где худощавый усатый человек в форме — по-видимому, хозяин квартиры — позировал на фоне песчаных барханов или заснеженных гор. Сверху шкафы почти до потолка завалены картонными коробками с иностранными надписями, стопками книг и журналов, перевязанными шпагатом. В центре комнаты расположился стол с раздвижной столешницей, на котором сиротливо стояла чугунная пепельница в виде чертвской рожицы. Окна прикрывали темно-зеленые плотные шторы. Вся гостиная освещалась лампой в бамбуковом абажуре-лодочке на китайский манер. Разобрать, какой точно цвет у обоев, при таком освещении с первого раза у посетителя не получится.

Спальня тоже не представляла собой единый ансамбль. Рядом с широкой кроватью с крупными металлическими дужками-спинками расположилось плетеное кресло-качалка. У окна примостился небольшой, почерневший от времени деревянный письменный стол, под который задвинут покосившийся крутящийся стул с темной обивкой. На столешнице аккуратно расставлены: настольная лампа в виде медузы, камешный набор для письменных принадлежностей из красной яшмы и черные овальные металлические часы, какие устанавливают в панели приборов на самолетах. Прямо от дверей до кровати по полу раскинута шкура леопарда, которая изрядно полиняла, а

кусочки шерсти слиплись в комки. Одна из лап когда-то свирепого хищника залезла под старинный ковер — самый массивный предмет в квартире. В котором, однако, не хватало одного бюро. Окно в спальне и вовсе было без штор. Но Питер занавешивать его не стал. В вечернем сумраке вереница огней почного города придавала спальне завершенный романтический вид.

В кухне, кроме плиты и разделочного столика, отсутствовала всякая мебель. А в пространстве длинного входного коридора одиноко скучала лишь железная вешалка на трех ногах, по форме напоминающая уличный фонарь.

Все это подходило под описание бывшего хозяина квартиры — отставного военного. Который свозил сюда из походов боевые трофеи и памятные подарки. На принадлежность бывшего хозяина к служивым также указывали два огромных макета, раскрашенные в защитные цвета: армейский мотоцикл с коляской и вертолет «Апачи».

Договорившись с хозяйкой о цене и сроках оплаты, Питер, не мешкая, уже на другой день въехал в свой новый дом. И уже через неделю казалось, что он прожил здесь всю жизнь.

Клаб вспоминал это, шаркая в тапочках по комнатам, обходя свои владения. Наконец решился выйти на улицу. Накинул плащ. Прежде чем обуть, тщательно протер заплявывшиеся полусапожки. Перед зеркалом примерил кепку. Постоял-подумал. Поменял ее на шляпу в форме пирожка с полями и, прихватив зонт, вышел на улицу.

Погода способствовала меланхоличному настроению. С утра город окутал туман. То моросил мелкий дождь, то стеной шел ливень. Городской водосток захлебывался: по обсем сторонам дороги бежали бурлящие дождевые реки. Иногда резкие порывы ветра, как волны, прокатывались по улице, отталкивались от стен домов и окон квартир, создавая шум, чем-то напоминающий волчий вой.

Плотно закутавшись, надвинув на глаза шляпу, крепко сжимая зонт, Питер бродил по улицам опустевшего города.

Ветер и дождь загнали горожан по домам, и теперь начали охоту за Клабом. Временами казалось, что вот-вот и зонт, как парашют, поднимет Питера в небо. Спасаясь быстрым шагом от сквозных порывов ветра и капель дождя, Питер оказался в незнакомом квартале.

Впрочем, все старые районы похожи друг на друга, как близнецы-братья. Над обсеми сторонами узкой мощеной улицы серыми скалами нависают бесцветные многоэтажные дома, построенные то ли в начале прошлого, то ли в конце позапрошлого веков. Время от времени сплошная стена домов прерывается какой-нибудь еще более узкой улочкой или переулком.

Из окон домов сквозь шторы в вечернее время тускло падает свет, отражаясь в покрытых рябью от ка-

пель дождя лужах. Закрытие жалюзи на первых этажах небольших магазинчиков и конторок напоминают о выходном дне или позднем часе. Тишину нарушают: изредка проезжающий автомобиль, который гудит и скрипит, притормаживая перед лужами, чтобы не обдать брызгами случайного прохожего, да стук захлопывающейся двери за спиной выходящего из кафе или ресторанчика. Какой-то лихой водитель, проезжая, окатил Питера с ног до головы. Брезгливо стяхивая с брюк и плаща грязь, Клаб усмехнулся про себя: «Стоило ли чистить обувь, чтобы попасть в такой переплет!»

Очередной порыв ветра и залп дождя буквально загнали Питера в первое попавшееся заведение с невзрачной вывеской «Старина Лукас».

Спустившись по высоким каменным ступенькам и открыв массивную дубовую дверь, Питер оказался в небольшом зале с тяжелыми деревянными стульями и столами, которые были явно велики и громоздки для низких сводов полуподвального помещения.

Несмотря на небольшие размеры, света явно не хватало. В узкие окна под потолком, которые были вровень с мостовой, едва пробивался сумрачный свет. Три четырехъярусных люстры в зале, несмотря на массивный вид и по причине запыленности, с трудом освещали ближайшее от себя пространство. На неоштукатуренные кирпичные стены заведения они отбрасывали причудливые тени. Слева от входа находился небольшой бар. Рядом с ним две двери: одна, судя по вывеске, ведет в туалет, другая, скорее всего, — на кухню и в служебную комнату. Напротив стойки бара и кухни — места для посетителей.

В кафе было почти пусто, только за первым столиком, прямо у входа, ужинали какие-то господа. Прервавшие разговор при появлении Питера. Негромко звучала музыка. Клаб немного напрягся и вспомнил, что это Johann Strauss «Kaiserwalzer». Один из любимых вальсов знакомой Клаба. Когда-то Питер ухаживал за дамой с консерваторским образованием. Страстная поклонница классической музыки затаскала его по оперным театрам и филармониям. Сначала Клаб по возможности уклонялся от очередного похода в храм музыки. Затем научился засыпать при прослушивании увертюры. Особенно полюбился орган. Обычно первую часть симфонии до антракта Питер клевал носом, во второй просыпался и внимательно следил за лицами окружающих. Некоторые слушали с закрытыми глазами, мерно кивая в такт музыке, так что даже и не поймешь — спит человек или внимательно слушает. Другие о чем-то шептались, так что даже и не поймешь, что их больше интересует: музыка или собственные мысли. Наконец, часть публики, подобно возлюбленной Клаба, заморожено внимала звукам бессмертных произведений. При этом на их лицах было написано такое умиление, которое присуще или потерявшим рассудок, или очень увлеченным людям.

Клаб обожал студентку консерватории. Она — музыку. Налицо конфликт интересов. Дама сердца

часто выговаривали Питеру за его неумение разбираться в музыке. В конце концов это привело к разрыву отношений. Так дама ушла из жизни Питера, но с тех пор в его сердце поселилась тихая любовь к произведениям Штрауса, Баха, Чайковского.

Едва прозвонил колокольчик на входной двери ресторанчика «Старина Лукас», как перед Питером оказался распорядитель, одетый на старый манер: в черный камзол с красными отворотами и широкими манжетами, обтягивающие красные чулки, белые гольфы и туфли с черными бантами. Голову его украшал белый парик. Распорядитель, приветливо улыбаясь и расшаркиваясь, без единого слова принял у Клаба изрядно вымокшие шляпу и плащ, помог выбрать любимое место в углу. Тут же появились еще двое в таких же старомодных нарядах, но черных париках. Один занял место у бара, другой поздоровался и с небольшим поклоном вручил Питеру портфолио, оказавшееся не привычно тяжелым. «Не меньше трех килограмм», — решил Клаб, взвешивая рукой увесистое меню. Его деревянные основания были обтянуты кожей, позеленевшей от времени. Сверху на обложке красовалась большая потускневшая медная застежка. Питер подумал, что для портфолио застежка не нужна. С этой мыслью открыл его и удивился еще раз. Внутри находился всего один листок, исписанный перьевой ручкой. В двух местах цена блюд была перечеркнута и написана меньшая сумма. В начале одной из строк красовалась большая жирная клякса. Питеру показалось, что это розыгрыш. Он с недоверием посмотрел поверх меню на официанта, пытаясь заметить в его взгляде усмешку или улыбку на губах. Но тот, напротив, выглядел очень серьезно. Клаб принялся изучать меню. В это время официант установил на столе перед ним подсвечник со свечой и картинно зажег ее длинной спичкой. Клаб заказал кружку пива, куриный бульон с сухарями и свиную отбивную с рисом. «Пожалуйста, потянитесь! Пусть бульон будет погорячее!» — попросил он официанта. Но потом подумал, что зря. Все равно больше посетителей нет, и долго ждать ужина вряд ли придется.

В ожидании заказа Питер стал внимательно рассматривать скатерть. Она была не первой свежести. Но чиста и хорошо выглажена. От нее даже шел душистый аромат ландыша.

Вдруг раздался бой часов. От неожиданности Питер вздрогнул. Только сейчас он рассмотрел диковинные деревянные часы, стоявшие справа на стойке бара. При беглом осмотре он принял их за барменский сервант. Сверху под декоративной крышей в часах вырезано окно. В нем одновременно с боем часов появилась картинка какого-то загадочного ярко-оранжевого существа, чем-то напоминающего лису. Но с черным языком и длинным крокодильим хвостом. Ниже, за стеклянной дверкой, располагались часы с желтым циферблатом и нанесенными на него черными римскими цифрами. Толстая маленькая золоченая стрелка показывала на VI, длинная худая стрел-

ка — на XII. Механизм часов закапчивался под цвет стрелок маятником с пабалдашиком в виде повернутого вверх рогами месяца.

Взгляд Питера скользнул дальше — на стену. Казалось, она без отделки. Видна только кладка крупных кампей, которые связывали между собой жилы цементирующего раствора. «Возможно, хозяева кафе поскупились при строительстве на современные отделочные материалы. А так получилось дешево и сердито, — подумал Клаб. — С другой стороны, может, это вовсе и не «голая» стена, а декорация. Впрочем, дома на таких улочках старые. И стены этого заведения сохранились с тех времен, когда посетители наряжались в разноцветные камзолы и чулки. Быть может, в ту пору в этом полуподвале располагался вишний погребок или ночлежка. А старина Лукас, возможно, и есть отец-основатель династии владельцев этого заведения».

Официанта все не было. Клаб взглянул на часы — длинная стрелка приблизилась к отметке III. От нечего делать Питер стал украдкой приглядываться к посетителям.

Лицом к нему расположился грузный господин средних лет с абсолютно лысой головой и полными щеками. Откинувшись на стуле назад, он смотрел на своего компаньона снисходительно: сверху — вниз. Белый пиджак у лысого господина был растегнут. Узел галстука вальяжно съехал вниз, а две верхние пуговицы освободились от петличек. Толстые губы этого субъекта периодически вытягивались вперед трубочкой, как если бы он выговаривал звук «о». При этом этот лысый не издавал ни звука. Иногда этот господин переводил скучающий взгляд с собеседника на окружающие предметы или начинал внимательно изучать свои руки, которые выставлял перед собой, как бы заслоняясь от надоедливового соседа по столу.

Лица второго посетителя не было видно. Он сидел спиной к Клабу. Несмотря на то, что второй был выше ростом собеседника, выглядел он ниже. Потому что согнул в три погибели свое худощавое тело и смотрел в рот собеседнику. На то, что он старше лысого, указывали седые волосы и морщинистая шея. Во всей фигуре худощавого читались занеживание и угодничество. Худощавый все время что-то говорил, размахивал руками. Иногда вытирал салфеткой пот со лба, затылка и шеи. Лысый лишь иногда небрежно кивал в ответ.

«Начальник и подчиненный, — решил Питер. — Скорее всего, худощавый получил премию и из благодарности угощает начальника. А тот уж и не рад, что согласился отужинать. Возможен и другой вариант. Подчиненный разработал рационализаторское предложение. И пригласил шефа в кабачок — обсудить детали дела».

Наконец, официант соизволил принести кружку пива. Клаб сделал глоток и сморщился. Пиво явно выдохлось, даже прокисло. Только сейчас Питер заметил, что на столе у тех двух напротив тоже стоят

почти полные кружки с пивом. Пока Питер наблюдал, господа не сделали из них ни глотка. Пиво от «Старого Лукаса» тоже пришлось им не по вкусу. Зато оба — лысый и худощавый — с усердием налегали на стопки с чем-то прозрачным, скорее всего, водкой, которой осталось всего ничего на доннышке в графине.

Клабу очень захотелось высказать официанту свое «фи» по поводу пива. Но он, по привычке, решил отмолчаться и ограничиться тем, что сделает «кислую» физиономию при появлении «черного парика». Но тот, как пазло, все не появлялся. Часы пробили половину седьмого. Внезапно Питер увидел боковым зрением, как что-то промелькнуло под ногами. Заглянул под скатерть и... невольно отпрянул. У противоположной ножки стола на задних лапах сидела большая крыса с длинным хвостом, как у лисы-мутанта на картинке в часах. Даже под столом Клаб разглядел, какой у нее хищный и холодный взгляд. Верхний свет отражался в ее глазках, и они горели красными угольками. Придавая и без того отвратительной твари дьявольский вид.

Питер вспомнил, что в прошлом году их контору тоже одолели крысы. Однажды в разгар рабочего дня в кабинет, где в одиночестве работал Питер, пролезла крыса. Маленький, но уже упитанный крысенок. Не

стесняясь, не боясь людей и света, крысенок спокойно прошествовал к тумбе с бумагами. Деловито поскреб лапами, пытаясь открыть нижний ее ящик. Попробовал на зуб свисающий кабель электрочайника. Питер сначала ошалел от такой наглости. Затем резко вскочил со стула, в два прыжка оказался возле крысы и отвесил непрошеному гостю увесистый пиннок. Перевернувшись несколько раз через голову, грызун отлетел к противоположной стене и забился под канцелярский шкаф. Клуб заглянул туда и увидел. Крыс съезжился, повизгивает, но убежать не собирается. Тогда Питеру пришла в голову мысль: прогнать звереныша папкой для бумаг. Но только потянулся за ней, как зубастая тварь, отчаянно визжа, бросилась на человека. Питер «поймал» грызуна еще более крепким пинком. Крысеныш, как теннисный мяч, отлетел обратно к канцелярскому шкафу, отскочил и рухнул на пол кверху животом, раскинув лапы. Клуб пошевелил врага носком ботинка — крыс не подавал признаков жизни. Тогда Питер взял вчерашнюю газету, обхватил через нее поверженного врага и спустил его в унитаз.

Крысу, сидевшая под столом Клуба, в унитаз не спустишь: настолько она жирна. В зубах у отвратительной твари торчал то ли спагетти, то ли провод.

Крыса первой вышла из состояния неподвижности. Повела носом, зашевелила усами, и, недовольно фыркнув, направилась в сторону кухни. Даже было слышно, как скрежещут когти твари о каменный пол.

Аппетит пропал. Клуб уже пожалел, что заказал первое и второе. Пожалел, что вообще заглянул сюда. Появился официант. Казалось, он был рад, что, наконец, несет одинокому посетителю заказанное блюдо. Питеру даже жалко стало портить настроение улыбающемуся гарсону. Клуб взглянул на тарелку — принесли куриный бульон. «Загорелые» сухарики «горкой» лежали рядом на маленьком блюдце.

Клуб без энтузиазма бросил горсть сухарей в бульон и стал аккуратно размешивать. Сухари не пабухали. Питер попробовал бульон — он был холодный. На губах даже осталась пленка нерастопленного жира. К тому же после крысы показалось, что бульон безвкусный.

«Я же просил по горячеей, чтоб согреться!» — В сердцах вскричал Клуб. Ни к кому конкретно не обращаясь, но с надеждой, что кто-нибудь услышит и посочувствует. Ответом было молчание. Двое посетителей напротив в это время принимали по стопке. Официант скрылся на кухне. А бармен демонстративно отвернулся и стал протирать какие-то старинные бутылки с длинными горлышками, которые служили, скорее, декорациями.

Питер отставил тарелку с бульоном к прокисшему пиву. Бой часов известил, что уже семь нуль-нуль. Свиную отбивную с рисом все ненесли. Слегка пробовавшие и отставленные в сторону: пиво и бульон тоже никто не убирал. Клуб принял решение не давать чаевых, чего с ним не случалось никогда. Еще в

детстве его сильно волновал вопрос: «Как давать чаевые?» Немного погодя, волновать стало больше: «Сколько давать?» Редкие походы в ресторан всей семьей по случаю праздника ответов на эти вопросы не давали. Родители всегда расплачивались как-то незаметно. А на любопытство Питера отвечали: «Подрастешь, узнаешь!» Первый самостоятельный поход в ресторан Питер помнил хорошо. Туда он пригласил уже известную нам поклонницу классической музыки. Перед этим Питер расспрашивал у более «умудренных» опытом товарищей все тонкости. Но четкого ответа так и не получил. Кто-то утверждал, что давать чаевые — непростительная роскошь, кто-то говорил про 10 % от суммы заказа, кто-то — сколько душа желает. С тех пор Клуб всегда испытывал некоторосмушение, когда оставлял чаевые. Боялся смотреть при уходе официанту в глаза — вдруг что не так сделал.

Но сегодня Питер был настроен решительно. Стесняться печего. В «Старину Лукас» он больше не ходок.

Соизволил появиться официант. Еще больше улыбаясь, чем в начале, поставил перед Питером тарелку и откомментировал: «Лобстеры со спагетти. Приятного аппетита».

— Ошибаетесь, — сдерживал себя из последних сил Питер. — Я заказывал свиную отбивную с рисом.

— Простите, но это вы ошибаетесь. Я точно помню: вы заказывали лобстеров с рисом, — упорствовал официант.

— Да как я могу ошибаться! Терпеть не могу спагетти. — Питер вспомнил крысу, державшую в зубах что-то похожее на спагетти. — Лобстеров, наверное, заказали вот те господа. — И Клуб ткнул указательным пальцем в сторону лысого и долговязого. Те одновременно отрицательно замотали головами, показывая, что внимательно следят за развернувшейся дискуссией.

— Прошу вас, перестаньте упрямяться. Если раздумали ужинать, так и скажите. Нечего здесь комедию ломать. — Официант повысил голос и перестал улыбаться.

— Как вы сме-е-е... — У Клуба перехватило дыхание. Мгновенно все тело прошиб холодный пот. Питер почувствовал, как краснеет. Пальцы инстинктивно сжались в кулаки. Он вскочил, как ужаленный. — Да вы... Столько времени... Эта крыса... Это дурацкое пиво...

Краем глаза Питер заметил, как посетители за соседним столом начали торопливо собираться. Бармен перестал протирать посуду, а распорядитель вышел в зал.

— Перестаньте! — Официант понизил голос и подшагнул к Клубу.

— Что значит «перестаньте»?.. Такого отвратительного обслуживания я не встречал нигде.

— Замолчите! — Зашипел официант.

Лысый с худым, расплатившись, на выходе оде-

вали плащи. Им услужливо помогал распорядитель. Бармен достал из морозильника кусок льда и, вооружившись топориком, стал агрессивно раскалывать глыбину на кусочки.

Клабу до смерти захотелось уйти вместе с одевающимися. «Остаться одному в этом месте, — подумал Питер и невольно передернул плечами. — Уйти с последними посетителями уже не удастся. Пока оплатишь счет. Пока оденешься... Может, попросить лысого и толстого подождать меня?.. Нет, неприлично. Мы ведь незнакомы».

— В последний раз прошу, извинитесь! — Перебил размышления официант и вплотную приблизил свое лицо к Клабовскому. Так что Питер отчетливо смог разглядеть толстый слой пудры и румян на его щеках, которые, однако, не смогли скрыть глубокие морщины на лбу. Глаза официанта стали похожи на холодный хищный взгляд толстой крысы.

В тоне, с которым говорил официант, было что-то пугающее. Питеру захотелось немедленно положить конец всем этим злоключениям. В какой-то миг он готов был сказать все, что угодно, лишь бы поскорее вырваться отсюда на волю.

Хлопнула входная дверь за спиной у последних посетителей. Распорядитель занял место у двери. Всем своим видом показывая: спорьте о чем угодно, но никто отсюда не выйдет, пока не будет улажен конфликт. Удары бармена стали громче и резче. Как будто он орудовал не топориком для колки льда, а кувалдой. После каждого удара в сервантедребезжала посуда, а на пол со стойки бара летели ледяные осколки.

Клаба охватило чувство безысходности и, скорее от отчаяния, чем от дерзости, у него вырвалось: «И не подумаю извиняться! Боле того, я напишу на вас жалобу. Жалобу на все заведение. Чтобы у вас отняли лицензию за хамское обращение». Клаб сам испугался того, что сказал. По-видимому, эти слова произвели впечатление на всех. Распорядитель без слов вставил в замок наружной двери ключ на длинной цепочке из белого металла и несколько раз провернул его. Затем подергал за ручку двери — проверил, надежно ли закрыл. Потом вытащил ключ и повесил себе на шею. Бармен вышел из-за стойки бара, помахивая топориком для колки льда. И занял место у входа на кухню, облокотившись спиной о дверной косяк. Официант Клаба тоже не терял времени зря. Он извлек из широких карманов камзола белые перчатки. С нарочитой небрежностью надел их. И, разминная пальцы, двинулся прямо на Клаба.

Питер с тревогой следил за всеми этими приготовлениями. Внутри него все сжалось, как упругая пружина. Сердце забилось гулко и ритмично, отдавая глухими ударами в висках, как стучат колеса скоростного поезда на стыках железнодорожного полотна. В тот миг, когда официант снова приблизился, Клаб, как разжавшаяся пружина, отпрыгнул к другому краю стола. Официант — следом. Тогда Клаб стал мелкими шажками обходить вокруг, стараясь держаться от

Рисунки Любови Курзановой

преследователя на расстоянии столешницы. Официант не прекращал погоню. Клаб ускорил шаг. Официант тоже. Питер побежал, придерживаясь за углы стола, чтобы вписываться в повороты. Догоняющий тоже последовал его примеру. Прошло минут пять, а странный марафон не прекращался. Питер чувствовал, что вспотел. Как намочила рубашка. Пот заструился по лицу и шее. Стал капать с подбородка. Но остановиться Клаб не мог. Точнее, не смел. Ему казалось, что тогда случится что-то ужасное, неотвратимое, дьявольское.

Со стороны могло показаться, что двое взрослых заигрались в догонялки. Тяжело дыша, не меняя темп, безмолвно бегают вокруг стола. И никто не хочет уступить. Может быть, еще одно мгновение — и оба они остановятся и расхохочутся с мальчишеским задором над этой затянувшейся шуткой...

На следующий день городская вечерняя газета рассказала, что в восточной канаве был найден бывший служащий конторы N. Тело, когда-то принадлежавшее Питеру Клабу, лежало кверху лицом с широко открытыми глазами и искривленным ртом. Признаков насильственной смерти на теле не обнаружено. Следствие выдвинуло версию резкого ухудшения самочувствия покойного, вызванного прошедшим ночью циклоном.

Литературное движение «ГОРНЫЙ РОДНИК»

Коротко о нас

Дружеское и творческое общение екатеринбургских поэтов Игоря Воротникова, Игоря Зубова, Алексея Кузина, Леонида Луговых, Бориса Рыжего началось в конце 80-х — начале 90-х годов в литературном клубе им. М. М. Пилипенко при газете «На смену!», в клубе «Альманах» при ДК «Автомобилистов». С 1992 года общение проходит в стенах Уральской государственной горно-геологической академии, где все из друзей когда-либо учились, работали или работают.

В январе 1995 года друзья решили провозгласить литературное движение «Горный родник». Официальное представление движения было проведено в феврале 1996 года в газете «Екатеринбургская неделя» поэтом Альфредом Гольдом.

Поэтическое движение «Горный родник» было создано в противовес эстетике «срамной прозы» и поэзии начала 90-х годов прошлого столетия, получившей развитие в связи с американизацией уральской литературы на манер творчества И. Бродского, профанирующего в конечном счете русский язык как живое и органическое соединение души и тела, формы и содержания, в угоду, конечно же, «форме речи». Б. Рыжий был с этим скорее согласен. О чем мы с ним и спорили подолгу. Мы и по сей день считаем, что поэтика И. Б. — это сладкий яд для действительных его adeptов. Борис отравился-таки Бродским. Светлая память тебе, поэт Борис Рыжий.

В ту пору университетский (УрГУ) «комплекс полнотности» нами в Горной академии был поставлен под сомнение этически, т. е. не со стороны умного зрения, но со стороны ума православного, что в иудейской традиции называлось когда-то «сердцем». Искренность и подлинность — вот на что мы опирались в борьбе с отрицанием нашими сотоварищами по перу сокровенного начала в творчестве, в борьбе с «вестернизацией» уральского место-пространства, на что опираемся и до сих пор.

Языковое вещество, или «тяжесть недобрую» (О. Э. Мандельштам), или поэтическую почву мы представляем не в уже готовом виде, как это делает поэт Ю. Казарин в последние годы в объеме стихотворного текста, но как подступы к стихотворению, как месту, куда должны быть брошены сердечные зерна. Тогда они и дадут добрые всходы, т. е. станут тяжестью доброй, выветятся и прорастут в полновесное

произведение, соединяя в себе внутреннее и внешнее, временное и вечное, небо и землю, душу и тело, форму и содержание, традиционно следуя нашей великой русской литературе, непреходящим и единственным солнцем которой остается Александр Сергеевич Пушкин, и всем наиболее рьяным пигилистам, отрицающим так или иначе эту позицию, говорящим словами Экклизиаста: «Нет ничего нового под Солнцем», мы отвечаем: «Есть — само солнце, сам свет».

Игорь Воротников

Поэзия участников движения

Борису Рыжему

В своей немислимой стране
Мы все как будто на войне.
И, проживая жизнь извне,
Горим не в танках мы — в вине;
Быть может, ползая на дне,
Горячей смесью всей родне
Или витая в вышине,
Как птица, или парависе,
Чтобы открыть иное «не» —
И там пребывать насдине;
Самим собой.

9 мая 2001 г.

Вьюга

Вволю вьюга вьюжила
Крупную крупой,
И кружила-кружила
Мордю тупой.

Словно сука, маялась
Воздухом слепым,
И окошки драила
Сыпом рассыпным.

Шльпндала и брэндила,
 Выла, в дом рвалась
 За обрывком кренделя,
 Чтоб щенятам дать.

Песня

Голова моя садовая
 Вся, до капельки, болит.
 Жизнь, как будто шапка новая,
 Жмёт, да плакать не велит.

Жизнь моя — одёжа долгая,
 На забудешь в холода.
 Но такая штука колкая,
 Не заблудишься в годах.

Жизнь моя — обувка русская,
 Через пень колода в ней.
 Но такая штука узкая,
 Чем больнее, тем верней.

Жизнь моя саднит соловушкой
 Вся, до капельки, — дугой.
 Голова моя, головушка,
 Нет головушки другой.

Алексей КУЗИН

Ода к недостроенной телебашне

Ты — ось Евразии, ось веры
 В движение вокруг оси.
 О, возведённая в полмеры,
 Ты стала выше наших сил.

Ты встала в центре небосклона,
 Светла четыре стороны.
 Светила, ветры и вороны
 Уже тобой покорены.

Красуйся, царствуй над пейзажем,
 Верши то свалку, то Парнас,
 То манну принимай, то сажу,
 И жди свершения от нас.

При левом или правом строе,
 Уняв знамёна, ропот, крик,
 Тебя до маковки достроим.
 И ты закрутишь материк.

***

Только тренькали синицы.
 Свет и тень. И нелюдимо.
 По ту сторону больницы
 Снег лежит непроходимо.

Только вы со мною, други,
 Вы, застывшие скитальцы,
 Клёны, тонкие, как руки,
 Ветви, тонкие, как пальцы.

Спите, сон ваш разукрашу,
 Тихо, воздух, тихо, птицы.
 Протопчу в снегу НАТАША.
 Поглядит, прочтёт, смутится.

Игорь ЗУБОВ

***

А за окном шёл синий снег
 И шли сиреневые тени.
 И мне подумалось: над всеми
 Так оставляет время след.

И чуть скрипит земная ось,
 И чертит конус в мироздании,
 И всё, что будет, то сбылось,
 А то, что нет, —
 в предначертании.

Полина РУБЛЕВА

О себе: я родилась в мартовские календы 1982 года. Писать начала осенью 1997 года, и вдохновил меня на это город Санкт-Петербург.

В настоящее время являюсь неофициальной «старостой» (вдохновителем) клуба «ЛебядкинЪ» при журнале «Урал», где от меня требуется поистине ангельское терпение и огромная энергия.

Учусь на 4 курсе филологического факультета УрГУ.

Заняла первое место на открытом музыкально-поэтическом фестивале «Свезар - 2001», за что на меня с неба посыпался Даниил Хармс в трёх томах.

Дважды окончила детскую музыкальную школу № 1: по классу фортепиано и по классу домры. В 2002 году поступила в музыкальное училище имени Чайковского на отделение народных инструментов. Люблю народную музыку, джаз и классику, и народные мелодии в джазовой обработке. Мечтаю создать ансамбль народных инструментов.

Люблю английских фарфоровых кукол, красный цвет, веселых и общительных людей. Заочно люблю бегемотов и крокодильчиков — потому что сама рыба.

Кракозябра

1.

Бесконечность слишком тяжелая, когда начинаешь ощущать ее давление всем телом. Тогда кажется, что небо стало шарфом, а ведь человек по отношению к бесконечности есть только пылинка.

Во вселенной начинается все. Человек есть одновременно и начало, и центр, и апофеоз бесконечности. Он черпает оттуда и надежду, и боль, и весь свой характер, и все свои чувства. Вселенная целиком и полностью подарена каждому человеку, каждому живому существу на Земле. Она весит ровно столько, сколько боли чувствует человек, и поэтому порой трудно держать ее на плечах. Никто не поможет в этой трудной работе — ты один на один со своей ношей, со своей бесконечностью. Чем менее ты счастлив, тем более ощущаешь свою незначительность. Когда ты счастлив, бесконечность становится безначальностью.

В каждом из нас есть частичка характера вселенной. Мы столь же постоянны, как и изменчивы в равной степени; мы обладаем силой притяжения — и все-таки стремительно движемся друг от друга.

2.

Волосы Девушки пахли дымом. Она походила на воздух. Когда она была рядом с кем-то, она казалась так же необходима, как он. Существование тех, с кем она в данный момент не общалась, вызывало у нее сомнение. Ею дышали. Ее осязали. Ее ощущали.

Движения ее были грациозны и непринужденны. Девушка ощущала себя естественной, и мир прини-

мал ее такой. Это была грация невинности, обращенной в мечтательность. Ее философия была простой — жить естественно, не мудрить, исходя из природы.

В неповторимом соответствии звучали в ней робость ребенка и смелость поэта. В произведениях Девушки жили ее мечты, прилетавшие из далеских глубин вселенной и подсознания, — ее подсознание было сознанием наоборот. Все находившееся вокруг нее было ее небом, но она не казалась ничтожной в этой вселенной, по временам она казалась ее царицей — понимала, что вечность ей всецело принадлежит. Ее характер представлял собой странную смесь нежности и ясности бытия, она шла прямо вперед, но эта тропинка иногда приводила ее в прошлое. Она знала свое поведение только в тот момент, когда оно проявлялось, но не раньше и не позже — девушка была человеком настроения, человеком настоящего, когда, по ее мнению, и стоило жить.

Она настолько была маленькой и небесной, что могла бы раствориться в воздухе и улететь. Разве кто-нибудь был способен понять ее, если она считала сознание чем-то неделимым, не растворяющимся в вечности, а потому недоступным обыкновенному пониманию?

Она жила так, как живут ресницы в снегопад, она трепетала.

3.

Фигура Мужчины походила на вопрошающий знак. На неуловимый вопросительный знак. Он был мудр и изворотлив, как змея. Его эгоцентризм естественно вытекал из любви к людям, он относился к людям внимательно и осторожно. Люди не всегда ценили его внимание, участие, заботу, и многие счита-

ли его плохим человеком. Он был поэтом. Он курил, как паровоз.

Иногда он видел людей насквозь. Если предполагал, что его не испугает результат. Но он ничего не боялся. И никого.

В его сознании страх соединился с любовью в неделимое целое и назывался трепетом. Он был чуток — одним из основных его средств общения с людьми было осязание, однако стоило прикоснуться к нему в тот момент, когда он этого не хотел — и он мог отшатнуться, как от неприятного создания.

Он был интересным собеседником, подобно природе — мы можем без усталости слушать шум водопада, шелест листьев, хруст гравия под шагами любимого человека, когда бывает такое настроение, что вся природа говорит с вами его голосом. Это неосознанное удовольствие — слушать, как скрипит тропинка из гравия под его ногами, или сухие осенние листья, смешанные с ельником и шишками, и ты идешь рядом, слушая мелодию его речи. Тогда вы оба становитесь природой, потому что если люди в согласии друг с другом, они не перестают быть естественными, и возвращаются в природу.

Мужчина жил, как живут глаза, ибо они живут естественно и никогда не делают того, что будет им хотя бы немножко неприятно. Глаза думают и о других, — наблюдали ли вы когда-нибудь, как один взгляд может поддержать, или полюбить, или ввергнуть в бездну?

4.

Были ли знакомы эти два характера, эти две вечности, эти два подсознания, Девушка и Мужчина?

Скорее всего, они и сами этого не знали.

Их отношения органично вытекали из их вселенной, которая у них была общей, поскольку жизнь часто сталкивала их в неповторимых обстоятельствах. Они тянулись друг к другу — и в то же время отталкивались, у них было много общих знакомых — и не было общих друзей, они встречались и расходились, как встречаются и расходятся капли дождя.

Они никогда не были вместе, но расставание причинило боль.

Они всегда могли прекрасно обходиться друг без друга, но расставание причинило боль.

Расставание причинило боль...

Расставание причинило боль...

Они были друг для друга эхом.

5.

Кракозябра пришла в их жизнь из уст случайного прохожего, словно подчеркивая случайность во всей их жизни. Уже неважно, какая игрушка была так определена, главное то, что это существо сразу слилось с душой Девушки, и обрело иной, самобытный облик.

Это было существо серо-зеленое, как ее глаза. Пу-

шистое, как его волосы, мягкое, как их отношения, теплое, как живое существо. Кракозябра немного походила на кролика, в ней было и что-то невероятно колючее, почти отталкивающее, и характер ее, поведение, взгляд сделали то, что не под силу вечности — соединили в себе черты обоих этих личностей.

Он не называл ее Кракозяброй. Лишь когда-то, давно-давно, когда их взгляды еще не дышали разлукой, он назвал ее Дерзкой Девчонкой.

Были ли они знакомы?

Возможно, они и сами этого не знали, они были довольны и тем, что дала им судьба.

Две бесконечности, соединяясь, становятся безначальностями...

Кракозябра была более человеком, чем каждый из них в отдельности, но в себе соединяла их обоих. Не была ли и Кракозябра эхом?..

Девушка жила, как живут ресницы в снегопад; Мужчина жил, как живут глаза. Расставание причинило боль... Не эта ли боль и есть Вселенная?..

Рисунок Юлии Меньшиковой.

Диана ЧЕТВЕРКИНА

Родилась 24 августа 1985 года в городе Нефтеюганске. После 10 класса приехала в г. Екатеринбург, закончила исторический класс в СУНЦ УрГУ. Учится на факультете журналистики УрГУ. Рассказ «Шаг» — ее дебют в художественной литературе.

Шаг

Она стояла, облокотилась одной рукой на витые перила, а другую подставила под подбородок. Ее красивые белые руки были по-детски покрыты золотистым пушком и, пожалуй, слишком худы. Длинные тонкие пальцы словно были созданы для игры на фортепьяно. Безымянный пальчик обвивало тоненькое золотое колечко.

Где-то далеко под ногами шумело море, но она скорее чувствовала его, чем видела, хотя просторы его раскинулись далеко за горизонт. Она молчала. Но не это было странно: она была одна. Вернее, наедине со своим вопросом, на который не могла найти ответа вот уже 15 минут: «Почему я здесь?»

Да, конечно, здесь красиво. И, кажется, она была здесь когда-то в своей юности. Но стоило ли покидать хоть и дождливую Москву, чтобы оказаться под этим дождем (она, наконец, почувствовала капли). Ведь она могла взять билет до своей любимой Венеции или Парижа. В Швейцарии ее ждала подруга. В конце концов, на Кипре жара. Но она здесь, а это могло значить только одно: она должна найти ответ.

Она не любила копаться в своей душе. Ей нравилась ясность во всем. Она знала, что это восхищает, удивляет, притягивает, но, надо отметить, что она в этой своей черте не находила ничего особенного. И потому возвращалась к тому вечеру, к той самой минуте, в которую, как ей теперь казалось, возникло то ощущение, что привело ее сюда...

Она открыла дверь квартиры и облегченно вздохнула. Теперь она в безопасности: шум огромного города остался за стенами. Она закрыла глаза, как делала это сотни раз, с твердой уверенностью, что, открыв их, се отпустит грусть, которая сжимала сердце всю дорогу.

Она любила свой дом. Она полюбила его в тот самый момент, когда впервые оказалась в этой квартире с большими и со вкусом обставленными комнатами. Когда хозяин этой и еще многих квартир и домов, раскиданных по всему миру, а также ее, теперь уже покойный, муж, привез ее сюда еще совсем девочкой. Тогда она стала хозяйкой. Хозяйкой своей мечты.

Она открыла глаза, но, к своему удивлению, поняла, что чувство облегчения, которое всегда приходило, когда она переступала порог, не наступило. Грусть не оставила ее.

Она огорчилась, пожала плечами и сбросила легкую курточку.

Больше всего она не любила две вещи: темноту и засыпать в одиночестве. Сегодня, впервые за много лет, она осталась одна. Это был ее выбор. Впрочем, все решения, которые она принимала, были исключительно ее собственными. Это было естественно.

К своей радости, она почувствовала, что сон принимает ее в свои объятия. В последний раз посмотрев на линейку света, видневшуюся из-под двери, она закрыла глаза. И когда граница между сном и реальностью стала почти незаметной, она вдруг поняла, что мучает ее сердце. Она никогда не любила...

Она открыла глаза и поняла, что плачет. Впервые за много лет. Да, это было правдой. Она почувствовала это сразу. Но почему? Почему это произошло с ней? Ведь она была предназначена для любви, в этом у нее не было сомнений. Есть те, кому сама природа приказала быть красавицей, женой или матерью. А ей — любить.

Она вспоминала свое детство, несчастное детство. Тогда уже, будучи маленькой девочкой, она знала, что ей слишком тесен дворик перед домом, маленькая квартира, в которой теснились ее родители, и тот мир, который она променяла, не раздумывая, немного позже. Влекомая шумом большого города и своей мечтой, она оставила родительский дом с твердым намерением больше не возвращаться — как, впрочем, и случилось.

«Теперь, — спросила она у самой себя, — Скажи, разве у тебя нет всего, что ты так хотела? Разве ты не разрываешься между властью и деньгами, известнейшие люди Москвы не считают тебя желанной гостьей, ты не живешь в лучшем районе города, а твой дом не вызывает восхищения? Ты не носишь наряды от лучших кутюрье и не можешь полететь хоть завтра, хоть сно же минуту, туда, где ты была уже десятки раз или вовсе не была?» «Да, это так» — подумала она, улыбаясь самой себе, а утром улетела первым рейсом.

Он шел уже полчаса, не останавливаясь и не замечая палящего солнца, редких пород деревьев, раскинувшихся по краям узкой дороги, мчащихся мимо

машин. Он молчал. Но не это было странно: он был один. Один, если не считать той мысли или, точнее, вопроса, который он задавал себе на протяжении всего пути: «Какого черта я здесь?»

Да, конечно, здесь красиво. И, кажется, когда-то в юности он хотел побывать здесь. Но это было так давно, что он забыл о своем желании и не вспомнил о нем даже тогда, когда смог выбирать между Нью-Йорком или Сан-Франциско, или, в конце концов, Ибицей. Но он здесь, а это могло означать только одно. Он поймает это мышку-мышль.

Он любил ясность во всем. Это помогло ему достичь того, чего он достиг. А это, в свою очередь, было делом его жизни. Так было. И ничто не должно нарушать этот порядок, когда-то заведенный им.

Он напряг свою память и возвратился к тому вечеру, в который, как ему теперь казалось, он принял решение, что и привело его сюда...

Он полулежал в кожаном кресле и наблюдал за огромным серым котом. Кот был единственным существом, которому он подчинялся. Они оба знали об этом. Он наблюдал за движениями животного. Внезапно его взгляд упал на женские «Мог». Его раздражал запах сигарет, и он загадал. Кот неслышно приближался к хозяину. Спрыгнул с дивана, обошел комод из светлого дерева, перепрыгнул через стопку журналов, лежащих на полу, и уже, казалось, достиг цели, как вдруг поменял план, мягко запрыгнув на столик, стоящий рядом с креслом, и, обойдя стакан виски и сотовый телефон, наступил большими мягкими лапами на пачку сигарет. Все! Теперь не будет в его жизни ни сигарет, ни хозяйки, забывшей пачку. Но он ни при чем. Все кот, все претензии к нему. Какой же он умничка, его кот.

Опуская тяжелые веки, он еще раз подумал о своем решении — и остался доволен. Он не любил ничего лишнего в своей жизни. Но пока он не переступил еще тонкую грань реальности и сна, когда мозг быстро перебирает все виденное и уже не может зацепиться за что-то одно. Он вдруг отчетливо различил мысль, и ему стало страшно. Да и возможно ли было не испугаться? Он понял, что его никогда не любили...

Он открыл глаза, и понял, что плачет. Впервые за много лет. Он понял, что это правда, сразу, хотя память тут же подкинула прошлые воспоминания. Приятные, страстные, тешащие самолюбие — и, возможно, будь на его месте кто-то другой, тот другой бы поддался им. Но это было не в его правилах. Он задал себе вопрос: «Почему?»

И что же он услышан в ответ? О, она была добра к нему, эта память, что напоминала о тех, что уже были в его жизни, обещала новые воспоминания. «А так ли уж тебе это нужно? Ведь у тебя есть все то, о чем другие не могут даже мечтать.» «Да, ты права,» — примиряюще сказал он памяти. И когда она уже успокоилась и перестала шептать, он нанес ей последний удар: утром он улетел первый рейсом.

Она все вспомнила...

Темный коридор, обшарпанные стены. Ах, как она ненавидела эти стены. В первую минуту можно подумать, что коридор пуст, но это было мгновение.

Она (да она ли это?) стояла, повернувшись к нему спиной. Так ей легче было врать. Она дрожала не то от холода, не то от страха перед тем, что она должна была сказать. «Я завтра замуж выхожу,» — холодно сказала она. Ей хотелось, чтобы он не поверил, засмеялся, обнял за плечи. Показалось, что он сделал шаг в ее сторону. Она поняла, что теряет свое будущее. Только вдруг он развернулся и пошел прочь. Она слушала его шаги. Он поверил! Ее будущее спасено! Но она плакала.

Он все вспомнил.

Темный коридор, обшарпанные стены. Его сердце наполнено радостью: они закончат колледж. Она стоит, повернувшись спиной, в трех шагах от него. Вдруг она произнесла: «Я завтра замуж выхожу». Она не умела врать. Ему захотелось засмеяться и обнять ее за плечи. Он сделал шаг в ее сторону, но вдруг повернулся и пошел прочь.

Он дошел до мостовой и тут только почувствовал капли дождя. Ему захотелось прижать к себе ее дрожащие плечи, но он остановился на шаг от нее. Она уже ждала его и тихо спросила: «Нашел красивее?» «Да...» «Умнее?» «Да...» «Добрее?» «Да...» «Любишь?» «Нет.»

Она сделала шаг и обняла его шею. Он понимал, что ждал этого все прошедшие годы.

Рисунок Любови Курзановой.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Татьяна КРАФТ
«День камней»
Андрей БАЙДАКОВ
«Как мы сплавлялись по Сакмаре»
Леонид БУКРИН
«Земля Николая II»
и другие материалы

Здравствуйтесь, дорогие читатели.

Вот и вышел новый, одиннадцатый номер журнала «Уральский следопыт». И его раздел «Встречный ветер» познакомит вас с рассказами про экстремальные события, экспедиции и приключения. Эти рассказы сильно проигрывают по описательному мастерству произведениям из раздела «Аэлита», но зато в них описаны ситуации, в которых участники походов преодолевают сложные, опасные препятствия, идут к заветной своей цели.

Вот, например, рассказ Татьяны Крафт «День камней». Он — про то, как добывают поделочный камень камнерезы-любители. Или забавная история, проникнутая сегким юмором — «Как мы сплавлялись по Сакмаре». Андрея Байдакова. Этот автор уже известен вам по десятому номеру «Уральского следопыта».

Связать две великие реки, текущие одна в Азии, а другая в Европе — Обь и Волгу — такова была цель экспедиции, которую удачно осуществили подростки, руководимые своими наставниками. Все они — члены Сибирского кадетского корпуса города Новосибирска. Они прошли на «Яле-6» то под парусом, то на веслах сотни и сотни километров, разделяющих их родной город и легендарный Волгоград.

На старницах этого номера вы познакомитесь и с новым автором нашего журнала — полярный путешественник Лео-

нид Букрин рассказывает про поход на Северную Землю. Очень надеюсь, что наше сотрудничество с ним будет в дальнейшем продолжено.

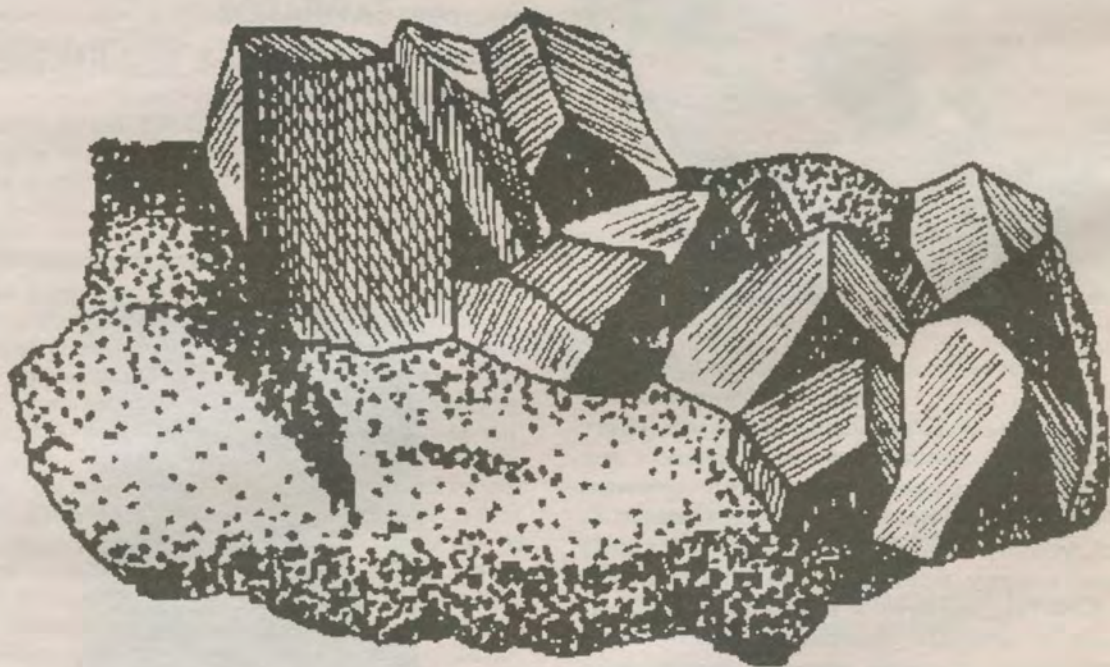
Уральцы стали чаще бывать за рубежом. И там они нередко — иногда из-за незнания чужого, а иногда из-за непонимания местных обычаев — попадают в комические или даже в экстремальные ситуации. С целью дать людям возможность рассказать о своих зарубежных приключениях мы открыли новую рубрику: «Наши за рубежом». Первые два коротких рассказа для нее нам предоставил Леонид Катков.

Желаю вам получить удовольствие от каждого прочтения!

*Искренне ваш
Александр Челноков*

Татьяна КРАФТ

День камней

...Мы едем копать горный хрусталь. Машина движется очень осторожно. Это самый обычный «жигуленок», и лесная дорога из смеси полувывсохшей глины, камней и корней сосен для него очень некомфортна. Андрей сидит за рулем и в такт шуму мотора ворчит на тему того, что, если грязи станет хоть немного больше, то придется разворачиваться и ехать обратно, в город. Особенно его нервируют лужи: они желтые, мутные, их глубину на глаз определить невозможно. А ведь всего несколько километров назад, на выезде из г. Березовска, все было и сухо, и пыльно. Последний дождь прошел три дня назад, а августовское солнце работает лучше любой сушилки. Разумеется, работает там, где его лучи попадают на землю, а не на густые кроны деревьев...

Слева, видимая через стволы деревьев, появилась странная, совершенно невозможная на Урале вещь: огромная дюна из светлого, чуть ли не белого песка. Она выше, чем вековые корабельные сосны, и тянется более чем на километр.

Это — отвалы предприятия, добывающего золото.

Они очень внушительные, но экологически практически безопасны.

Дюна сигнализирует о том, что мы приближаемся к своей цели. Еще немного — и лес вместе со своей грязью остается позади, а машина начинает трястись по выпирающим из дороги, но абсолютно сухим камням. Мы приближаемся к небольшой речке с полустывшим, широким мостом через нее. Андрей останавливает машину и идет по мосту, тщательно изучая все мелкие проломы в нем. Потом, не поворачивая назад, начинает исследовать дорогу за мостом — то есть цепь из непросыхающих луж, в которую она опять превращается в небольших зарослях кустарника. А мы глазеем на чистую воду, водоросли в ней и топаем к подножию дюны, находящейся буквально всего в нескольких метрах от реки и обрамленной сочной зеленью.

Начинается ветер, и мы попадаем в небольшое подобие самума: тончайшая взвесь песка летит в воздухе, следуя руслу речки — как будто над водой проложена невидимая труба для него. Конечно, это очень

экзотично — но дышать этой экзотикой неприятно. Закрываем носы и рты кто чем (в основном носовыми платками) и, ругаясь, торопимся к машине. Все вокруг видно через легкую, режущую дымку.

По мосту едем медленно, осторожно. Добираемся до луж-промоин, и видимость сразу улучшается: мы выбрались из зоны «бури».

Дальше дорога уже неинтересна: обычная лесная грунтовка, идущая по гибриду из опушки и редкого леса. Слева тянется ничем не примечательная поросль молодых деревьев. Но на самом деле за ними — обрыв в старый карьер, где некогда добывали листовит (светло-зеленый поделочный камень, который, как листья деревьев, весь пронизан прихотливыми белыми прожилками). В этом карьере мы уже лазали прошлый раз — просто из спортивного интереса скакали по замшелым глыбам с острыми, еще не до конца обкатанными краями. В этом карьере нам, хитникам, делать нечего.

Кстати, а почему людей, самостоятельно добывающих поделочные и полудрагоценные камни, называют «хитниками»? Это слово, видимо, происходит от слова «расхищать». Я слышала две разные версии: первая — этот термин появился еще до революции; вторая — он возник уже при советской власти, которая была категорически против «несанкционированной разработки земных недр, являющихся всенародной собственностью».

Но даже в те времена на хитников особого внимания, как правило, не обращали. Сейчас же к ним вообще нет претензий — разумеется, если они не залегают на территорию действующих добывающих пред-

приятий, работают при помощи обычной каялки (именно этим инструментом испокон века махали рабы в каменоломнях) и не пытаются найти ни золото, ни рубины с прочими особенно ценными камнями. Ну, выкопал ты пару друз того же горного хрусталя — и выкопал. Порылся в старых, дореволюционных отвалах, нашел там что-либо по мелочевке — и нашел.

Хитничеством кормиться не рекомендуется — слишком трудно. Это просто уральское хобби, свойственное, прежде всего, профессиональным геологам, но и не только им. «Низший» эшелон хитников — те, у кого нет серьезных геологических знаний — бродят по отвалам. Геологи и те, кто попал в их компанию,

заниманы более серьезным и тяжелым делом — «берут занорыши». Занорыш — это такая полость в камнях, на внутренних стенках которой растут кристаллы. Его можно найти, прокопавшись к нему по жиле из норной глины. Но норная глина залегает далеко не во всяких породах; и ее надо уметь отличить от обычной глины; и на конце ее жилы занорыш бывает далеко не всегда.

Под слоем травы, земли и мха обнаружить выход перспективных пород очень тяжело. Другое дело — не очень старые, но уже заброшенные карьеры. Почвы там уже нет — один камень, открытый небу и человеческим глазам. Поэтому тут хитникам работать легко. Поэтому мы и ездим на этот недавно заброшенный, неглубокий и широкий карьер под Березовком. Камень там добывали при помощи взрывов — и поэтому велик риск, что кристаллы горного хрусталя будут с трещинами (взрывные волны распространяются под землей в зависимости от конкретных пород, и могут создать там достаточно мелких разрушений). Но наша компания не претендует ни на что особенное: покопаться в земле в свое удовольствие, до пота, а также запастись прозрачными кристаллами, которые потом можно будет раздарить своим друзьям с гордым заявлением: «А это мной выкопано!» Хотя единственный среди нас геолог, разумеется, надеется найти хоть несколько экземпляров, пригодных для его коллекции.

Наша машина уже стоит в карьере. Мы разбираем каялки и идем к тому месту, где в прошлый раз мы уже частично раскопали жилу норной глины. Разделяемся — мужчины до труссов, женщины — до купаль-

пиков. Одеваем плотные брезентовые рукавицы и начинаем работать.

Погода для хитников сегодня плохая — ясная, жаркая. Нет, чтобы было пасмурно, холодно и сухо — ведь камень с каелкой сами по себе отлично греют человека, а когда еще и солнце к ним в придачу... Но отпуска у нас зимой — так что выбор невелик: либо мирись с плохой (для нас) погодой, либо сиди дома.

Очень важное умение для хитника — понять, куда и под каким углом надо бить каелкой. Ведь каменный пласт на самом деле далеко не так однороден, как кажется. И если будешь дубасить по нему неправильно — без пользы угрохашь массу сил. А тюкнешь его же под нужным углом — тебе поможет внутреннее, скрытое в камне напряжение, и он легко расколется...

Мой шурф (канаву, которую я пробила в горных породах) еще в прошлые выходные стал мне выше пояса. Я залезаю в него и старательно бью каелкой переднюю стену шурфа — именно в нее уходит жила норной глины. Песок сыплется на дно шурфа, боленее большие камни я выкидываю наверх. Пару раз и мне, и Вере (еще одна женщина в нашей компании) приходится звать мужчин — мы откалываем такие большие глыбы, что у нас не хватает сил выкидывать их из шурфов.

Все мы также работаем и ломами — если после удара каелкой в камне появилась трещина, то разумно вспрыгнуть на край шурфа, вставить в трещину лом и отжать его, выворачивая камень, как рычагом.

Но так мы действуем далеко не все время — только тогда, если породы встречаются твердые. Если породы идут мягкие, то мы тюкаем каелками очень осторожно, не со всего размаха. И очень внимательно следим все за той же жилой норной глины. Если она расширяется — начинаем работать с максимальной осторожностью. Ведь в ее расширениях, как и в занорышах, могут расти кристаллы — только растут они поодиночке, а не дружно. Могут встретиться и мини-занорыши — крохотные полости, внутри которых есть один-два небольших кристалла. А кристаллы — вещь хрупкая, и при добыче их легко повредить — от каелки в земле тоже идут ударные волны, и они вполне могут повредить твою будущую добычу.

В тех местах, где жила становится совсем широкой, я снимаю рукавицы, беру тупой, коротенький нож и ковыряю им глину. Куски глины — в которой могут быть кристаллы — я разбираю голыми руками и очень осторожно. Ведь это только на ювелирных выставках кристаллы горного хрусталя и других минералов отполированы до гладкости — в природе на их гранях масса мелких, иногда невидимых глазу кристалликов. И они сдирают кожу с рук не хуже, чем бритва. К счастью, норная глина — один из сильней-

ших природных бактерицидов.

Да, и раз уж мы заговорили об этой странной вещи — норной глине — ей стоит посвятить отдельный абзац. Она — та среда, в которой растут кристаллы. Геологи немного образно гооврят, что аметисты, хрусталь, цитрины и т. д. питаются веществами, в ней содержащимися. Ее химическое строение крайне сложно и неустойчиво — высохнув, она теряет все свои свойства, и никаким повторным намачиванием их уже никогда не восстановить. Но пока она сохраняет свою первоначальную, подземную свежесть, она очень полезна и для человека. говорят, что до революции ее в специальных, тщательно закрытых бочках возили на курьерских в Санкт-Петербург, российским императрицам, которые использовали ее для косметических масок. Эта глина помогала их коже очень долго сохранять молодость. Вдобавок норная глина не только бактерицид — судя по скорости заживления смазанных ей ран (а такую глину можно класть даже на обожженное мясо), она содержит в себе какие-то сильнейшие вещества, способствующие восстановлению органических тканей. А осенью я для эксперимента надолго выставляла из шурфа руки, замазанные этой самой глиной — и на позднесентябрьском, северном ветру им было жарко в таких мокрых, тонких «перчатках». Глина умудрялась греть меня...

Странное и, как говорят геологи, малоизученное вещество. Может быть, она имела отношение к возникновению белковой жизни на Земле? Неизвестно.

Кристаллы мне попадают разные — в основном, кварц. Иногда — сам горный хрусталь. В природе он очень разнообразен — те идеальные формы, которые мы видим все в тех же магазинах, встречаются редко. В большинстве своем кристаллы местами мутноватые, внутри них играет на солнце, попавшее в причудливую вязь трещин — только трещины эти не нитевидные, а «плоскостные». То есть идут в кристаллах не как тоненькие нитки, а имеют и заметную — иногда во весь кристалл — ширину. Они пересекают друг друга, складываясь в странный трехмерный узор. Кристаллы, вдобавок, часто срастаются друг с другом, проникают друг в друга, образуя самые причудливые формы.

Многие кристаллы одеты в непроницаемо-черную рубашку из окислов. Что под ней — совершенно неясно. Может быть, это даже не горный хрусталь, а, например, цитрин (грубо говоря, желто-прозрачная разновидность хрусталя, так же как аметист — фиолетовая разновидность). Их надо отмывать дома — щавелевой кислотой.

Впрочем... Если нет под рукой этой кислоты (а ее действительно достаточно трудно достать), то можно поэкспериментировать с импортной зубной пастой.

Я, например, отчищала свои кристаллы двумя видами болгарской пасты — мои зубы от нее начинали болеть через неделю после начала употребления, и я откладывала тюбики, один за другим, в сторону — рассчитывая, что они на что-нибудь сгодятся. И сгодились — железный окисел снимался пастой отлично, чуть ли не моментально! (Как хорошо, что я тогда пощадила свои несчастные зубы...) С русскими зубными пастами, кстати, так экспериментировать бесполезно — они пока не такие едкие (о чем, кстати, говорят и многие реальные, а не рекламно-телевизионные дантисты).

Но пока зубной пасты под рукой нет, и «каменные коты в железных мешках» складываются в горку около наших тощих рюкзаков.

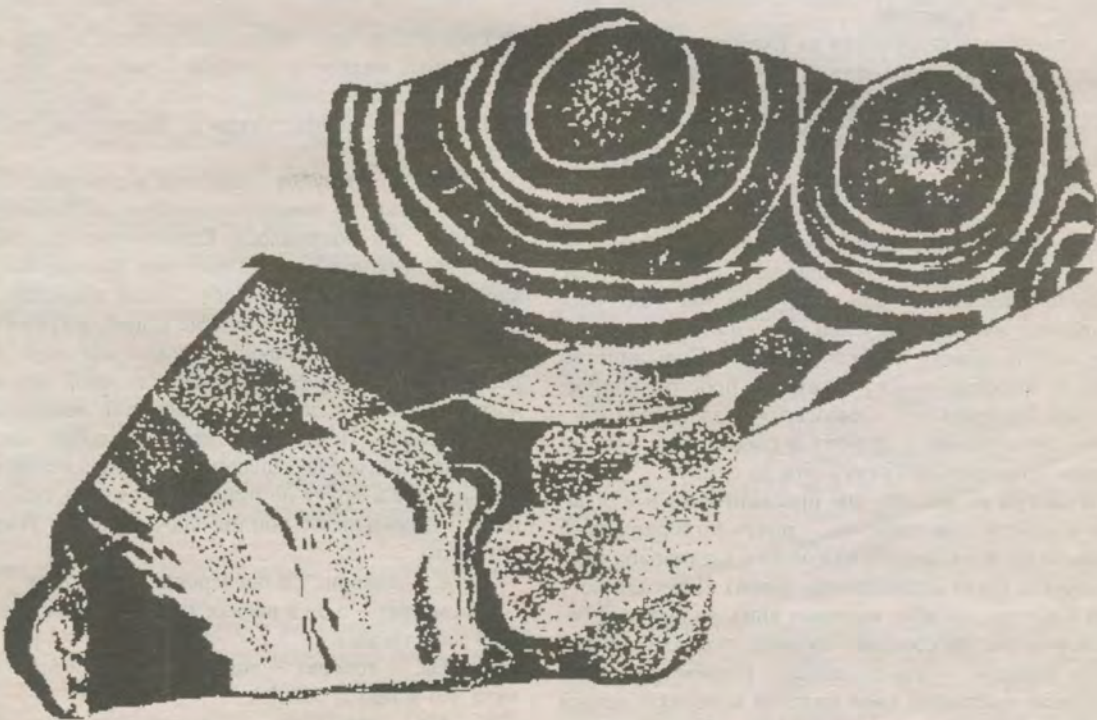
Потом встает вопрос об обеде. Идем в лес, тащим кучу отличных, просохших веток. Варим захваченную из дома картошку, пьем чай с листьями брусники и пеплом, который все время выдувается ветром из костра и летит куда угодно — в том числе и в котелок (его крышку мы забыли дома). Ничего, пепел только что из огня и поэтому точно стерильный...

Впрочем, от ветра есть и немалая польза — он относит комаров в лес. За чаем дискутируем, стоит ли идти на часок за грибами. Потом снова забираемся в шурфы.

***

...Занорыша мы так и не нашли — но горного хрусталя в самой жиле нам хватило. И не знаю, как остальным, а для меня главным были даже не эти странные сросшиеся кристаллы — а ощущение, что я лучше стала понимать то, по чему хожу. Ведь, как ни крути, а на Урале почва — очень тоненький слой, под которым идет каменная плоть самой горы. Недаром же в старину Урал так и называли — Камнем. Но немногим людям дается шанс увидеть, что на самом деле находится к ним под ногами — увидеть то, как камни соседствуют друг с другом, взаимопроникают один в другой. Что горы — это не что-то монолитное, а сложнейшая, интересная структура, которая даже на самом маленьком участке, в шурфе, временами по своей сложности, кажется, не уступает живому. Может, отсюда и идет убежденность некоторых геологов и рудознатцев, что камни — наши родственники, что они тоже живые? Что там, под землей, нет мертвого? Легко назвать эту убежденность поверьем, суеверием. Может быть, и так: суеверие.

Но вот только отчего-то, когда бьешь шурф и когда видишь этот маленький кусочек тела гор, очень трудно верить в то, что ты копаешься в чем-то мертвом и косном, что нет на свете Хозяйки Медной горы и ее коллег...

Андрей БАЙДАКОВ

Как мы сплавлились по Сакмару

Звонит мне как-то мой друг Федор.

— Слушай, — говорит он, — у нас тут команда составляется на Сакмару. Мы тебя причисляем. Поедешь?

— Поеду, — говорю, — что делать. Раз причисляете.

Составилось три экипажа, всего одиннадцать человек. Соответственно взяли три катамарана — одну двоечку и две четверки. На нашей четверке еще девушка ехала в середине — как бы пассажир.

Наняли мы автобус, «пазик» — это немногим дороже обычных билетов выходит, — и в четыре утра первого мая стартовали из Екатеринбурга.

Сначала ехали более-менее прямо, по хорошей дороге — пока не приехали в Южноуральск. Тут посмотрели карту и увидели, что нам немножко в другую сторону надо. Пришлось возвращаться километров двадцать, до развилки. Здесь выяснилось, что дорогу знают все, кроме меня и шофера, но все знают по-разному. Автобус не может ехать по всем дорогам сразу, а только по одной. Продвигаясь потихоньку от одного населенного пункта до другого, мы стали спрашивать местных жителей. Выяснилось, что местные жители дорогу не знают вообще. Большинство местных жителей вместо ответа на простой вопрос: «Как нам проехать в Юлдыбаево?» делали неопределенный жест рукой в сторону и слегка вниз, как бы пытаясь забросить ее (руку) себе за спину.

Несмотря на все это, мы прибыли-таки в Юлдыбаево к вечеру, еще засветло — почти по плану, даже нарубили по пути жердей для одного катамарана (для двух других были алюминиевые рамы). Пересхав мост через Сакмару, автобус вырулил вниз, на пологий бережок, и встал. На соседней полянке уже стояла паратройка палаток — кто-то прибыл раньше нас. Едва мы успели поставить свои палатки и познакомиться с соседями — сразу стемнело. Поужинали у костра,

Сейчас сбросим!

на свежайшем, чуть морозном воздухе, в виду снежно-ледяных холмов, в которых отражался свет луны, посмотрели на звездные россыпи во все небо — глаз не отвести, — попели песни и постепенно улеглись спать.

Утром я проснулся рано, еще в сумерках. Дело в том, что во время поездки в автобусе мы пили пиво с водкой — так получилось. Естественно, что вся эта смесь за несколько сот километров изрядно взболталась — дороги под Юлдыбаево... сами понимаете. Еле напарив свои кроссовки в куче вещей, я сунул в них ноги как попало и срочно побежал под мост. А над рекой туман — красота. Слышу, за мной кто-то бежит, ледком хрустит. Вот, думаю, как некстати. Оттанавливаюсь. Подбегает. Смотрю — вроде наш. Мы хотя, конечно, все перезнакомились, пока ехали, а толком-то друг к другу не присмотрелись; да еще туман плюс сумерки плюс обилие впечатлений... Восприятие не то.

— А, — говорит он неуверенно. — Это ты.

Я смотрю — а он в носках, причем в простых, даже не в шерстяных.

— Ты, — говорю, — чего это по льду в носках, и куда это в такую рань?

— А я, — говорит, — просыпаюсь, слышу: шебур-

Вода пока не особо бурная...

шавчик около палатки (это я кроссовки искал. — А. Б.), а потом как побежит... я думал, это местный житель вещь какую-то схватил и убегает. Ну, я к выходу и за ним. Смотрю: а это ты.

— А как же ты ногами-то по льду, ведь холодно? — спрашиваю.

— Да нет, — говорит, — ничего, я привычный.

Постоял, развернулся и обратно в палатку побежал — так, знаете, с подскоком. Видно, ноги все же мерзли у него. А я под мостик побежал — в общем, с добрым утром.

К середине дня, несмотря на то, что часть группы вместо того, чтобы собирать катамараны, ушла по новой знакомиться с соседями, мы все же сподобились отчалить и потихоньку поплыли, хотя жердей на четыре весла у нас не хватило, а хватило только на два. «Ладно, по пути присмотрим что-нибудь», — подумали мы. Но до первого порога ничего «присмотреть» у нас не получилось, и нам пришлось проходить первый порог — он называется Ложный Яман-Таш — с двумя веслами на четырехместном катамаране, перегруженном пятью членами экипажа. Правда, мы шли последними, и с берега нам успокоительно помахали ручкой ребята с первого, уже прошедшего порога, катамарана.

Надо сказать, что до этого по Сакмаре никто из нас не сплавлялся, но у меня были карта реки и подробное описание, в котором было говорилось, что на Сакмаре три порога: Ложный Яман-Таш, Яман-Таш (самый сложный) и Беракал.

Все пороги были четко обозначены на карте.

За первым порогом, который мы все прошли, стояла группа уфимцев. Руководитель уфимцев, солидный, авторитетный мужик с седой бородой, сообщил нам, что они «плавают по Сакмаре уже тридцать лет», и что «дальше на реке ничего нет: вот единственный порог, Яман-Таш, и все, дальше только спокойная вода». Напрасно я ссылался на карту и описание — все наши поверили уфимцу, а меня никто не стал даже и слушать:

— Они же плавают здесь тридцать лет, а мы — первый раз.

Разумеется, при таком подходе мы все расслабились, и в расслабленном виде влетели в достаточно сложный и очень интересный (особенно когда проходишь его без просмотра) порог Яман-Таш... Ладно, хоть весла успели сделать. «Вот и слушайте после этого местных жителей» — эта присказка так или иначе, рано или поздно, но все-таки доходит до каждого настоящего туриста. Самое обидное, что картам верить тоже не всегда можно — карты составлялись давно, а, допустим, лесные дороги часто меняют свое положение — старые зарастают, а новые появляются и нередко ведут вовсе не туда, куда вы хотели бы попасть.

Клещей на Сакмаре было не то чтоб много, но беспокойство определенное они все-таки доставляли. Приходилось частенько осматриваться («Клещ!» — «Мочи его, жги чипариком!» — «Чипарик жалко, я только начал!»). И только в конце похода мы узнали,

что в аптечке у нас, оказывается, есть гаммаглобулин — на случай укуса клещом.

— Чего же ты сразу не сказал? — накинулись мы на аптекаря.

— Ха! Так я бы иначе и не поехал.

И только потом, месяца через два, я узнал, что гаммаглобулин хранится без холодильника не более двух часов, а потом его (гаммаглобулин) остается только выбросить...

Больше в этом походе ничего особенного не произошло. А то, что у нас перевернулся катамаран в последний день — так в этом никто не виноват, так получилось. Все просто были заняты — кто чем. Большая часть группы, например, внимательно изучала мои очки-хамелеоны. Я им говорю (у меня близорукость минус шесть): отдайте очки, там вон впереди что-то есть, а я не вижу. Куда там «отдайте»! Интересно же: очки — и вдруг хамелеоны. Когда отдали, я смотрю: впереди завал. То есть дерево лежит вдоль течения, комлем на нас; и нас ровненько на него напосит. А наши-то два катамарана связаны... Говорю:

— Развязывайтесь, елки-палки.

Ну, естественно:

— Тут ремень что-то...

Как развязались — так до бревна три метра. Первый катамаран вообще неуправляем: кто на нем командует, так до конца похода и не сообразили, умники. Чуть отодвинулись в сторону, а нам-то места нет! Мы тоже пятеро на четверке — как герои из басни. Я думаю, бревно еще можно было обойти с другой стороны, не с той, где место занял первый катамаран — но там менее удобно... Думаю так: скормандую вправо — скажут: «Не-а, давай налево», то да се — и все! Конец. Ну и молча пошли, как первый, налево. Стукнулись в него. А те хоть бы чуть в сторону ушли, елки же палки! Стукнулись — и обратно, и точно боком на бревно. Как быстро переворачивается катамаран — хлоп! И ты уже под ним. Ну, очки-хамелеоны с меня сразу же смыло, а кат навалился на бревно и завис под ним. Держусь руками. Выбраться — никак, голова — под водой, и воздух кончается. Отпустился — выхода нет. В глазах сначала темно стало, потом посветлее, посветлее — вода мутная — и раз! Я навёрху, несет меня вдоль бревна этого. Какое солнце яркое! Ко-ко! Вылезаю на бревно и пачинаю ды-

шать. Смотрю — двое на берег выползают, как крокодилы, а на катамаране перевернутом еще один человек ходит. Подхожу по бревну к нему:

— А Федор где? — Молчание. — А Федор-то где?

— Да вон он, вон.

Точно — вон он, в воде, ниже нас метров на двадцать. Но что он там делает? Вроде — ничего. Просто стоит почти по плечи в ледяной воде, на течении, к берегу не плывет. Странно. Ну ладно, нам надо катамаранчик стаскивать, пока не началось. Течение напряженно молотит. И зачем я поехал так по-идиотски, без команды, без жилета? Сколько раз надо повторять, что на судне должен быть один командир! Один — а не два и не три. Даже если все очень умные. На воде ведь как: один ум — хорошо, а два — плохо. А три — это вообще караул. «Интересно, если закричать сейчас «Караул!», это даст что-нибудь?»

Вобщем, катамаран мы стащили, причалились и перевернули обратно. Хорошо все, что хорошо заканчивается. А то, что кое-какие вещи уплыли — так это не беда. Федор, оказывается, в воде не просто так стоял — он штаны одевал. С него штаны смыло — а в них удостоверение, да и ноги путаются. Одел, да и к берегу — всех делов-то.

— Да, говорит, — штаны на подтяжках — это не дело...

Обратно мы доехали на «Икарусе» — чипно-благородно, без приключений. То, что произошло по дороге, настолько типично, что назвать это приключением никак невозможно. Просто темной ночью, посреди необъятной степи, «Икарус» вдруг встал. В ночи тревожно забрякали ключики. Спустия короткое время в холодный воздух полетели и матерки, но в конце концов («Качай, качай! Соляра же! Она пойдет.») мы героически спаслись и поехали дальше — к свету и суete большого города.

Мы и река.

Андрей НЕКРАСОВ, г. Новосибирск

ЯЛ-6: от Новосибирска до Волгограда

Сибирский Кадетский Корпус (сокращенно — СКК) — первый из возрожденных в России после Октября 1917 года. Он стал преемником традиций Новосибирского Военно-Патриотического Объединения «Мужество, Героизм и Воля!» (сокращенно — НВПО «МГИВ»), существующего с 1958 года. Это и тесные контакты с ветеранами, и регулярное дежурство юнармейцев у Вечного Огня в победные дни России, и постоянные поисковые экспедиции по местам боев одной из Сибирских дивизий...

Словом, проект шлюпочного агитпохода «Сибирь-Волга», посвященного юбилею Сталинградского сражения, явился для нас, группы руководителей «морского» крыла СКК, логичным продолжением привычной работы на «фабрике настоящих мужчин», как иногда в шутку называют горожане наш Корпус.

Морской предтечей проекта стали дальние шлюпочные походы серии «Аргонавты Сибири» по рекам Западно-Сибирского региона (например, в 1996 году за 16 ходовых дней по Иртышу пройдено 1 200 км., а в окрестностях Тобольска на месте гибели легендарного Ермака Тимофеевича установлен сделанный своими руками 7,5 метровый памятный знак).

Нынешний агитпоход решено было совершить не-

многочисленный. Участвовало 10 подростков и юношей-допризывников (один шлюпочный экипаж) из числа старшекурсников СКК и МГИВ. Шли на деревянной парусно-гребной шлюпке военно-морского образца типа ЯЛ-6, по рекам Оби, Каме и Волге от Новосибирска до Волгограда.

По маршруту агитпохода (см. схему) на местах стоянок в населенных пунктах предполагалось организовывать экскурсии, встречи с местной молодежью, ветеранами и представителями органов власти, показывать передвижную фотовыставку «Сибиряки на защите Сталинграда» и т. п. Темп движения шлюпки предполагался следующий: 3-4 дня хода (на веслах и под парусами по 60-80 км в день) — 1 день стоянки.

Но вот ясным полднем 26 июня 2002 года, после прощального митинга, ялик-«шестерка» с надписью по белому ширстрекку «Новосибирск-Волгоград» под стрекот видеокамер новосибирских телевизионщиков тихо отошел от набережной Оби у речного вокзала и, ловя ветер выгоревшим оранжевым парусом (на морском сленге — «штаны»), устремился в марево речного горизонта, оставляя за кормой завистливые вздохи сверстников и тревожные взгляды мам.

Нептунуны капризы

Собственно солнечным можно было назвать только первый день «сибирского» этапа похода. Мать-природа, словно дав «фору» пока еще несплаванному шлюпочному экипажу, а потом опомнившись от благодушного настроения стартового дня, начала «закручивать гайки»: начался ветер, дождь.

По опыту прежних походов мы заготовили и упаковали продукты примерно на 3 недели. Металлические банки рыбных, мясных и овощных консервов (а их набралось около двух сотен), как не боящиеся воды, уложили частично под «рыбины» в кормовой и носовой частях яла, а частично — на дно «продуктового короба» — деревянно-го ящика из-под противогазов, установленного на шлюпке между кормовой и средней банками, выложенного изнутри полиэтиленом и при дожде накрываемого сверху тяжелой клеенкой. Основной его объем занимали сыпучие продукты, заранее расфасованные по популярным 1,5- и 2-литровым пластиковым бутылкам, а так же толленое и подсолнечное масло. Сверху — быстро расходующийся, а потому регулярно пополняемый запас хлеба, яиц, зелени и фруктов. Появление в Сельпо приобской глубинки храбрых молодцов в морской форме — повод для отдельного рассказа.

Ветер дул почти всегда в крутой бейдевинд, а то и вовсе в «мордотык». Вследствие чего почти все 1 510 км (по логии) от Новосибирска до Сургута шли на веслах, а обмотанные вокруг рейка «штаны» постоянно мешались под руками и в без того тесной от походного снаряжения шлюпке.

Распорядок походного дня давно был отработан и нарушался крайне редко: в 7 утра — общий подъем, до 8 туалет, снятие лагеря и приборка места почевки, с 8 до 8.30 — плотный завтрак, следующие полчаса — на укладку имущества в шлюпку и ее подготовку к движению. В 9 утра — прощай, берег! Движение, как правило, до 19-20.00, так что каждому предоставлялась возможность «покачаться» на 4-метровом весле по крайней мере часов 5-6 в день, ведь даже на обеденный «перекус» перерыва в гребле не делается. В последний час движения высматривали подходящее место для лагеря: продуваемую речным ветерком песчаную косу — чтоб комар не «прилипал», и чтобы дрова неподалеку, и чтоб деревня в 1-2 километрах впереди, (там можно освежить запас воды, пяти 10-литровых канистр хватает на 2-3 дня). Если остановиться ниже деревни, то к сумеркам наверняка жди подвыпивших, а потому агрессивных-любопытных «гостей»... С 20.00

Плывем. Защищаем лица от комаров и прочего.

до 21.00 — разгрузка и приборка шлюпки, установка палаток, хлопоты у костра. Затем — плотный горячий ужин, короткие посиделки у тлеющего огня и в 22.00-22.30 — баньки. Кроме «господ офицеров», конечно, — им еще итоги дня подводить, дневники заполнять, запасы уточнять и т. д.

Через 3-4 дня молодые организмы втянулись в режим, спинной мозг безошибочно определял сон как главную ценность, и проблем с отбоем до конца экспедиции не наблюдалось. Уже через неделю похода, будучи разделены на 2 гребных вахты и меняясь на веслах каждые полчаса, молодые эвпатриды без труда могли представить себя в этой роли на античных галерах.

Иногда дождь и ветер объединялись. Начинался шторм, и тогда дефицита адреналина в крови потомки Ермака не испытывали. Ширина Оби в среднем течении доходит до 2 километров, а на плесах — и до 8 км. Так что 1-1,5-метровым (а то и поболее) волнам есть где разгуляться. В такие часы, надев спасательные жилеты и накрыв шлюпку ярко-красной «юбкой» из техкапрона, отчего она становилась похожей на эскимосский супер-каяк, экипаж в основном отдыхал (причем в любых позах и в самых неожиданных местах). Лишь сменная вахта гребцов удерживала шлюпку на курсе. Едва же ветер заходил в более-менее устойчивый бейдевинд, будущие гардемаринны в радостном возбуждении споровисто вздымали зарифленный парус и начинали азартно закладывать галсы.

Куда девалась привиредливость?

Каждый участник экспедиции заранее получил список из 40 необходимых в походе предметов личного пользования: комплект одежды и белья, снаряжение, спички, нож,

Наш Ял-6.

рыбаков. Главная тема разговора была до скуки стабильной: «А нахрена вам это нужно?» Лет 12-15 назад такой вопрос и не возник бы...

Благодаря хорошему ходу под парусом нагнали график и в Нарыме (745 км от точки старта по речной лодии) появилась наконец возможность организовать «культурную программу», благо здешняя администрация бала заранее предупреждена. Запревшие было от многодневного ношения не просыхающей от дождей одежды, будущие Крузенштерны порадовали себя баней, посетили музей под открытым небом «Сибирская деревня», осмотрели домик, где в царской ссылке томился будущий «вождь всех народов».

В Европу на порталном кране

От постепенного выедания «донных» запасов продовольствия ял стал заметно выше бортом и легче на ходу. Да и экипаж заметно поднаторел во владении веслами и особенно — парусом, так что «господа офицеры», передав бразды правления (то бишь румпель и шкоты) в руки подрастающего поколения, частенько даже днем могли позволить себе «расслабиться»: разглядывать в бинокль редкие встречные суда, фотографировать походные сюжеты, рыбачить на ходу, заполнять дневник или даже откровенно дремать — разумеется, по очереди и в пол-глаза.

11 июля, в 1225 км от родного причала, на речном горизонте белым миражом возник Нижневартовск — центр Саямторского нефтеносного края. С воды город очень красив: современные жилые кварталы, новопостроенные храмы, стильные административные и общественные здания и сооружения. Здесь путешественников ждали, и мы попали с корабля... в каза-

чью «станцию», которой, кстати, уже 400 лет. Под предводительством радужного атамана потомки Ерофея Хабарова принимали земляков как родных. Баньку? Легко! Экскурсию по городу? Пожалуйста! Общение с местной военно-патриотической молодежью? Нет проблем! Работа со СМИ? Да будьте любезны! Пополнить запасы? Обижаете! Помочь в ремонте шлюпки? Не вопрос! Конную прогулку? С нашим удовольствием! Два дня пролетели, как в сказке.

Вскоре по выходу из Нижневартовска погода опять испортилась, поднялся штормовой встречный ветер, пошел дождь. Чтобы не выбиться из графика, позволили себе немного «подтянуться» на буксире у катера-путьца. На том и «погорели»: потеряли ориентировку на поднявшейся от дождей на 1,5-2 метра Оби и «забурили» по новообразовавшимся протокам. Вышедшие из Сургута навстречу шлюпке катера ГИМСа и речной милиции насилу нашли приунывших было походников в тупиковой ветви одной их таких проток, откуда они своими силами уже и не чаяли выбраться. Докеры Сургутского речного грузового порта удивленно-жалостливо качали головами, поднимая могучим порталным краном повидавшую виды «шестерку» и бережно укладывая ее на платформу машины-эвакуатора муниципальной службы СПАС-001. На следующий день ял и коллективное снаряжение были отправлены контейнером по железной дороге в Пермь, а участники агитпохода стали желанными гостями Сургутского молодежного военно-патриотического центра «Сибирский Легион», расположившегося на территории бывшей воинской части в живописном пригороде с романтическим названием Барсова Гора. Через полсуток езды на поезде по заболоченной мгли-

стой равнине, перевалив через Урал, мы словно попали в другой мир: солнце, ярко-зеленые холмы и рощи, а главное — тепло и почти нет комарья!

В Перми нас, что называется, по первому разряду принял здешний Лицей милиции и обеспечил все необходимое: великолепное питание, культурный досуг, знакомство с местными достопримечательностями, доставку с контейнерного терминала железной дороги нашей шлюпки. «Камвдпуть» по предварительной договоренности снабдил нас наисвежайшей лодкой Камы и Волги, по которой от Перми до Волгограда выходило 2 035 км. В безветренный полдень 23 июля аргонатов, освеженных ночной и, как в последствии оказалось, последней за экспедицию грозой, приняла в свои объятия полноводная Кама.

Гимн деревянному ялу

Молва утверждает, что автором проекта русского военно-морского яла был будто бы сам Петр I. Так это или не так, но Ял — это ВЕЩЬ! Его прочность, мореходность и универсальность легендарны. На ялах под пулеметным огнем высаживали десанты. На ялах пересекали океаны. На ялах обезвреживали мины. Ялы спасли несчетное количество людей с потерпевших крушение кораблей. На ялах впервые выходили в море воспитанники Соловецкой школы юнг. Кто-то скажет: нет комфорта. А мы ведь не на пикник вышли. Кто-то заметит: скорость маловата. А нам за кем гнаться? Кто-то вздохнет: неэлегантное деревянное корыто. А мы ответим: зато волну «держит», вместителен, и практически любой ремонт можно в походных условиях сделать. И вообще, с точки зрения будущего мужчины тяжелые и неуклюжие вальковые весла да грубая парусина куда как милее комфорта теплоходных прогулок за родительский счет.

Для нашего рекордного похода мы взяли стандартный деревянный Ял-6 без каких было конструктивных переделок и добавлений — конечно, сделав ему перед дальней дорогой капитальный ремонт. Штатный алюминиевый 26-литровый анкерок для воды заменили более транспортабельными 10-литровыми канистрами, причем возимый запас воды установили в 50 литров. Снабжение яла оставили так же стандартное, взяли только с собой дополнительные концы, уключины и 1 запасное весло. Для откачки за борт фильтрующейся через микротрещины воды использовали, как правило, куски поролона раз-

мером с кирпич. Перед приходом в крупный город ял мыли снаружи и изнутри, переукладывали снаряжение, а чтобы экипаж выглядел молодецкато — надевали морскую форму «I срока».

На второй день европейского этапа похода надежды позагорать улетучились вместе с утренним туманом, над которым оказались низкие дождевые тучи. Но к небесной хляби наши морские «волчата» уже привыкли, а разгулявшийся под облаками ветер оказался очень кстати. При генеральном русле Камы от Перми на юго-запад, преобладавшие северо-западные ветра давали устойчивый бейдевинд, а то и галфинд, что позволяло возмужавшему и набравшемуся опыта в хождении под парусом экипажу при умеренной суете на шкотах и откренивании вдоволь наслаждаться живописными видами. 670 км (по лодии) от Перми до Набережных Челнов «пролетели» за 6 дней. Почти исчезли (по сравнению с Сибирью) мошкара и оводы, а посему и штормовое платье с глухими накомарниками прочно обосновалось под шлюпочными банками.

Как выяснилось, для жителей Прикамья вид шлюпки — не новость. Здесь успешно работают многочисленные клубы юных моряков, и поэтому речной пейзаж с выгоревшими «штанами» привычен глазу местного рыбака или владельца приречной усадьбы. Но вот надпись на ширстрекке «Новосибирск-Волгоград» изрядно примагничивала удивленно-восхищенные взгляды. Вопросам несть числа. В иные дни к шлюпке на ходу подчаливало до десятка моторок и

Вид на Ял-6 с земли.

плавдач. Хлебосольные пермяки и вятичи угощали свежей и вяленой рыбой, фруктами, зеленью, домашними пирогами и даже.... тортом-мороженое.

Однако через неделю после старта ветер что-то заскучал, а вместе с ним — и экипаж. Брошенный в «массы» лозунг: «Прощай, парус — здравствуйте, весла!» был безропотно принят к исполнению как неизбежное зло: все понимали, что график движения нарушать нельзя. Лишь в районе слияния Камы и Волги повезло: русло «главной улицы России» на этом участке идет почти строго на Юг, и наши путешественники, «поймав» попутный шторм, почти превратили ял в «Катти Сарк», выжимая из него до 7-8 узлов.

К вечеру 5 августа причалили в Ульяновске, власти и газетчики которого уже были предупреждены штабом похода из Новосибирска. И пошло-поехало: Тольятти, Самара, Сызрань... Везде: хлеб-соль, цветы, репортеры, ветераны, общественность... Несмотря на длительные стоянки, благодаря свежему попутному ветру шлюпка споро совершала межстоянчные переходы и почти не выбилась из графика. А 150-километровый участок от Сызрани до аванпорта Бапаковского шлюза вообще «сделали» за один ходовой день. Ради этого своеобразного рекорда всем, конечно, пришлось изрядно попотеть, и уже поздним вечером 12 августа командир шлюпки запросил разрешения на шлюзовку у дежурного, немало удивленного появлением в диспетчерской эдакого Фиделя Кастро в форме Сибирского Кадетского Корпуса.

Под бортом «Варяга»

На подходе к Саратову экспедиционная шлюпка была «перехвачена» патрульным катером местного ГИМСа, «наведенным» переместившимся в Волгоград Штабом, и успешно препровождена на водную базу городского КЮМ, привольно расположившуюся на живописном острове на широ-о-оком Волжском плесе. Встретили как родных: банька, медосмотр, вкуснейший ужин и белые простыни. Ах! А общение с такими же «подвинутыми», как ты сам, и разговоры всласть на любимые темы! Шлюпки, походы, учебные корабли, базы-стоянки... Кайф! Еще бы — найти единомышленников в такой «глуши» (если смотреть из Сибири)!

Хорошее настроение очень пригодились, когда два дня упорной гребли наперекор (спасибо, хоть без дождя) усиливающемуся ветру логически перетекли в сюжет известной картины «Бурлаки на Волге». График есть график!

Наконец-то на горизонте обозначились трубы Камышинского хлопчатобумажного комбината, когда-то крупнейшего в Советском Союзе. Наконец-то — желанная стоянка и хотя бы короткий отдых, не «омраченные» общением со СМИ и назойливым вниманием разного рода начальства.

Потом был попутный шторм, «погнавший» перед

собой шлюпку на уже привычных 7-8 узлах. Догонные двухметровые волны, тугой парус, трепещущие флаги и выпел, брызги, дружная работа экипажа на пределе управляемости яла, азарт соперничества со стихией, АДРЕНАЛИН!!!

В полдень 19 августа, опередив график на 2 дня, экспедиционная шлюпка буквально «влетела» в акваторию аванпорта Волгоградского гидроузла, о чем заранее проинструктированный дежурный диспетчер тут же по телефону сообщил в Штаб похода, расположившийся в городском Детском Морском Центре. До вечера, пока за шлюпкой не пришел принадлежащий ДМЦ учебный катер «Варяг», походный экипаж вдоволь позагорал под наконец-то расщедрившимся солнцем — аж носы пооблупливались. Пройдя шлюз на буксире под бортом «Варяга» и полюбовавшись вечерней панорамой города, заночевали на борту переоборудованного бывшего морского тральщика, а ныне учебного корабля «Волгоград», так же принадлежащего ДМЦ (живут же люди!)

Участие юных сибиряков стало стержнем традиционного городского митинга 23 августа, посвященного 60-й годовщине первой массированной бомбардировки Сталинграда гитлеровской авиацией. Этот день считается официальной датой начала величайшей битвы величайшей из войн.

Мы — в Волгограде!

Леонид БУКРИН

Земля Николая II - Северная Земля

*Палка обросла снегом, как дерево.
Безоблачное небо гораздо темнее ее...*

Северная Земля была открыта русскими моряками в 1913 году. Начальником экспедиции был Борис Вилькицкий. Два корабля шли с востока на запад и встретили на 78 северной широте неизвестную землю. Над островом моряки подняли флаг Российской Империи. Это было последнее крупное географическое открытие двадцатого века.

Землю назвали в честь российского царя Землей Николая Второго.

Это название продержалось на картах до 1926 года.

Северная Земля имеет 4 больших острова, которые наполовину покрыты ледниками. Самый крупный из них занимает площадь около шести тысяч кв. км, и его ширина достигает 500 метров. Общая площадь Северной Земли — 35800 кв. км. Острова омывают с запада Карское море, с севера — Ледовитый океан, с востока — море Лаптевых и с юга — пролив Велькицкого, а еще южнее лежит мыс Челюскин.

В 2001 году наша команда решила пройти по этой загадочной, промерзшей земле. Совпало три события — 300 лет металлургии Урала, 70 лет исследованию Северной Земли Г. А. Ушаковым и 55 лет союзным полярным конвоям 1941-1945 гг. Тогда немецкие корабли, субмарины и самолеты проходили южнее Северной Земли по всей акватории Карского моря. Они обстреливали полярные станции, топили мирные корабли.

Связавшись с Ю. Е. Александровым (организация «Полярный конвой») мы приехали в Санкт-Петербург. Жили на «Красине» — легендарном

ледоколе, превращенном в музей. Этот ледокол — полноправный участник военных полярных конвоев. Он и сейчас может ходить в небольшие круизы по Европе. В Доме журналистов была организована конференция со встречей ветеранов полярных конвоев.

На следующий день нас посадили на самолет АН-72 «Полярные трассы». Приземлились мы на архипелаг Седова в 30 км от больших островов Северной Земли. Архипелаг Седова открыл полярный исследователь Г. А. Ушаков в 1930 году. Здесь был построен базовый дом, откуда уходили на собачьих упряжках экспедиции на Северную Землю. В полярную ночь делали заброски и лабазы, а в марте при морозе -40 с ветром шли вглубь островов и составляли карты. Жили за счет охоты на белого медведя и моржа. На медведя охотились так: привязывали убитую нерпу к нартам, она волочилась и оставляла запах. Медведь чует нерпу за 30 км. Охотники останавливались, и примерно через двадцать минут медведь сам приходил к ним в руки.

За две недели, естественно, мы не могли пройти все острова и ледники. Прошли часть острова Октябрьской революции, остров Крупской, остров Средний, ледники Вавилова, Карпинского, Русанова, Альбанова, фьорд Матусевича, пролив Красной Армии. Пройдено 350 км. Температура опускалась до -35. При нас всего два дня стояла безветренная солнечная погода. Но это было в самом живописном месте — в каньоне Матусевича реки Темной. С ледников всегда дует стоковый ветер. Реки замерзли в каньонах висячими снежными козырьками, они освободятся ото льда только на один месяц. Летом теплее, чем +5, не бывает; зато незакатное полярное солнце сияет четыре месяца, с 20-го апреля по 20-е августа. В фьорде Матусевича много замороженных айсбергов и ледовых берегов, сползающих с ледников Карпинского и Русанова.

Три раза нас останавливала сильная пурга с ветром более 20 метров в сек. Мы ставили стенку из снежных блоков, под ее защитой устанавливали палатку.

Наша палатка была из трех непродуваемых

слоев ткани с титановыми дугами. Мы не прогадали, что взяли с собой печку. Дрова везли с острова Средний, потом вышли на брошенную экспедиционную базу, напилели досок. А в проливе Красной Армии нашли выброшенные морем бревна. Печку топили два часа вечером, один час утром. Ночью не топили.

По проливу шли три дня. Четыре перехода перед нами маячили белая медведица с медвежонком. Они то приближались, то удалялись. Видимо, где-то невдалеке в торосях у них была берлога.

Имелся у нас и спутниковый телефон. Звонить можно в любое место земного шара. Звонили в Екатеринбург, в Санкт-Петербург, Хатангу и другие города России.

На остров Средний мы пришли в два часа ночи. А через двадцать минут прилетел самолет из Хатанги на дозаправку.

Дальнейший его путь лежал в Центральную Арктику, на ледовую базу Борнео. Этим рейсом на Северный полюс летели американцы. Нам пришлось лететь с ними в Борнео. Оттуда их на вертолете отправили на Северный полюс, а мы провели три часа в ожидании, в 150 км от полюса. Такие коммерческие полеты с иностранцами стали привычными для наших полярных летчиков и являются определенной статьей дохода.

Когда прилетели в Хатангу, встретили много российских и зарубежных туристов. Им еще предстояло идти на Север, прокладывая свой маршрут, а у нас это уже позади. За 15 дней пройдено 350 км.

Это все снег и лед...

Анатолий КАТКОВ

Лошадь на балконе

Поездка по Европе начиналась с Бреста, где испортил настроение усиленный таможенный контроль: выложи, объясни, отчитайся. Три часа потратили на это.

По абсолютно ровной местности — автобросок сквозь Польшу. В однообразные ландшафты иногда вкраплялись вдали игрушечные домики белого и сероватого цветов. Меж ними — поля, уходящие за горизонт, и фруктовые сады с еще не убранным урожаем красных яблок на осанистых деревьях.

За два часа непрерывного движения однообразие за окнами автобуса надоедает. Но вот легкое оживление в салоне: едем мимо развернувшегося к шоссе «лицом» цыганского поселка. Добротные каменные строения, мало чем напоминающие внешне жилые дома. Вот типичный «замок», вот подобие «монастыря»... Вот нечто с купольно-покатоной крышей и узенькими бойницами окон. Окружен этот почти дворец изящными ажурными башенками в виде минаретов. И как-то сразу возникла перед глазами мечеть Святой Софии в Стамбуле. Громадный византийский православный храм, к которому экономные турки пристроили по углам минареты. Да, там, наверное, это интересней!.. Я поймал себя на том, что захотелось в Стамбул. Надо же! Только въехал в Европу, как тут же поманила Азия... А мысль уже переметнулась к проливу Золотой Рог, разделяющему древние городские

строения Стамбула и аристократические — с шумной улицей Бей—Оглы, гостиницей «Хилтон», Зараат-банком... Читал про все это, фото разглядывал... Вспомнились описания окраин громадного города: чайханы, кладбища, кофейки, пыльные улицы...

Но исчезла с глаз цыганская «Святая София» и — опять я в Польше. Проехали несколько селений. После цыганского «буйства» в них мало броского: примкнувшие один к другому в два, а то и в три этажа бледные дома, редкие вывески магазинчиков. И удивительное малолюдие вокруг!

Туристов наших клонит ко сну. Многие откинулись на сиденьях и дремлют. Смотреть по пути не на что.

И вдруг среди этой тихой, немой невыразительности раздается сначала громкий хохот, а за ним — веселый, взвизгивающий крик:

— Глядите-ка, глядите-ка! Лошадь на балконе!

Хохотал и кричал мужчина лет пятидесяти пяти, сидящий впереди меня через кресло.

Автобус остановился перед светофором, и взоры всех устремились налево, к добротному особняку старинной постройки, с небольшими колоннами, сплошь «увитому» лепниной. А на его балконе — действительно лошадь. Но не живая, а памятник. Гипсовый? Мраморный? Может, скульптор-анималист здесь живет или дачу снимает?.. Наш гид молчит...

Не знаю, что остальные, но подумалось так: «Мужик, который кричал — нормальный ли? Ведь не мальчишка... Когда путевку продают, не требуют справку из психдиспансера — лишь бы деньги имелись...»

...При размещении в гостинице города Кальска произошло то, чего я сильно после события с лошадью боялся. Меня определили в номер вместе с тем крикуном.

Как быть? Соглашаться или просить другое жилье? Под каким предлогом?

Видя мое явное замешательство, кандидат в соседи представился Володей и высказался:

— Да вы не беспокойтесь! Дико, конечно, как вспомню тот мой хохот и крик. Но и представьте мою ситуацию... После Бреста обнаружил, что потерял все

свои пятьсот долларов. Решил — выронил их в магазинчике перед таможней, где покупал сигареты. И всю дорогу искал их и в карманах и в сумке. А тут лошадь на балконе!.. И вспомнилось, куда я их засунул: в потайной отсек джинсов. Они у меня с лошадью на кармане. Кожаная нашивка такая, «Red horse» — «Красная лошадь».

— Кем вы работаете, Володя? — придя в себя, спросил я его.

— Краснодеревщиком. А что?

— Так... Для общего развития... Хорошо, что не хирургом!

— Почему?

— У друга моего длинную нитку забыли при операции, аппендицит вырезали. Потом снова резать пришлось.

— А-а... Вы про мою память?... Действительно — есть... Редкий день инструменты не ищу. Все забываю, куда положил то одно, то другое... Ну, так это не моя вина... В глухой послевоенной деревушке вырос. Кусочек рафинада великим лакомством казался в моем детстве. А уж сладкий чай на нашем столе появился лишь после смерти Сталина. И то не сразу... Отсюда и память такая.

Не только у нас

Интересно складываются ночи мои в иностранных городах. В первой своей половине они беспробудны, без сновидений, а под утро — неизменный толчок в бок. «Вставай! — словно требует кто-то. — Пора!» Я слушаюсь, поднимаюсь, чуть прихожу в себя и выбегаю из отеля в тишину сонного города. Еще смутно пропечатываются абрисы домов, парковых аллей, и пусты пока артерии улиц. Неторопливо, с остановками и размышлениями, двигаюсь по ним, подобно исследователю кораблю, у которого впереди — неизвестность.

Осло, а прежде Христиания, в далеком прошлом оплот последнего «викинга» Харольда Сурового, на первом же перекрестке открыл моему взору лютеранскую церковь Святого Олафа. Открыл и озадачил. Под выбитыми у портала на табличке фамилиями капеллана, дьякона, органиста за словом kiketsener скрывалась непонятная мне церковная должность. Пока пытался сообразить, что она означает, рядом в метре от меня разбилась об асфальт некая склянка.

Не только у нас в окна бутылки выбрасывают!..

Спасаясь от снайпера-хулигана, спешно покинул злополучное место. Сквозь внутренний дворик храма с маленьким кладбищем внутри перешел на параллельную улицу. Четырех- и пятиэтажные дома ее спускаются куда-то вниз, под горку...

На небольшой площадке разместилось десятка два автомобилей. Стоянка. Но для российского взгляда — непривычная, простенькая. Где он, неприступный забор, где они — вооруженные стражи с собаками? Все-

го-то лишь низенькие столбики с проброшенными цепями меж ними.

Это — не как у нас...

Улица подступила к небольшой речке. За перекинутым через нее мостом начинается неизвестный мне парк. Мост украшен бронзовыми скульптурными группами. В каждой — по два действующих лица в неизменном единоборстве. Суть всех композиций: царь природы человек пытается оседлать дикого, непокорного зверя. В роли «мустангов» — олень, медведь, лось и, кажется, волк. Вот такое необычное родео. Вглядываясь в чьи-то, несомненно, талантливые творения (уж не Вигелани ли?), подумал: «В городе, заселенном живыми людьми, не встретил пока ни одного. Только этих вот, в бронзе... Может, и на обратном пути живых не увижу?»

Однако ошибся. Обогнав меня, прошла через мост в парк женщина с мальчиком лет двенадцати. Лиц не успел рассмотреть, промелькнули они быстро. Ранние спортсмены? Вряд ли — по одежде не сказать. Женщина в длинном плаще, с сумкой, мальчик — в яркой курточке и с модным рюкзаком за плечами.

Поднимаясь из речной низины, захотел бросить последний взгляд на впечатляющий мост. Обернулся. В осенней прозрачности парка приметил и женщину с мальчиком — очевидно, ее сыном. Они увлеченно копались в мусорной урне.

А я-то думал, что такое нынче во в Европе — только у нас...

*На снимках: Ворота Барабокан в Варшаве;
Рука основателя в Осло.
Фото автора.*

В следующем номере: Парашют... в обычном походе?! Что делали уральцы для лихих ямщиков. Промчатся вверх по Ревуну! Подвиг чемпиона СНГ по воздухоплаванию.

ПОДПИСНОЙ КУПОН 2003

ДА! Я хочу подписаться на «Уральский следопыт»

- Я подписываюсь на 3 номеров журнала и плачу **129 руб.**
- Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу **258 руб.**
- Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу **516 руб.**

Срок купона истекает 30 июня 2003 года. Цены действительны только по России.

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала
 «Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет
 ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775
 наименование банка
 Корреспондентский счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала
 «Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет
 ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775
 наименование банка
 Корреспондентский счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальным заказам их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, отдел подписки «Уральского следопыта».

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет 36 руб.

Кассир

КВИТАНЦИЯ
кассир

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	25 000
4 полоса обложки модуль	50x90	17 000
в разделе "Хочешь двигаться – ищи попутчика"		
3 полоса обложки	260x200	12 000
Первый разворот	260x400	17 100
Разворот в центре	260x400	14 000
1 полоса	260x200	10 200
1/2 полосы	130x200;	6 100
	260x100	
1/4 полосы	130x100;	4 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	7 000
1/2 полосы	130x200;	4 200
	260x100	
1/4 полосы	130x100;	2 500
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	15 000
1 полоса	260x200	7 700
1/2 полосы	130x200;	2 800
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике. Цена - 10 000.

Материалы предоставляется до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail в форматах *.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

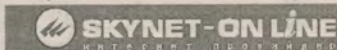
Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Доступ в Интернет
предоставлен

**Директор редакции
Фирсов Максим**

Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов
Отдел художественной литературы
Петр Родимов

Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков
Художественный редактор, верстка
Татьяна Суворова

Дизайн 2-3 полос обложки:

Андрей Бордаков

Рисунок на 1 полосе обложки:

Сергей Ивкин

Отдел по работе с письмами

Анна Родимова

Реклама:

**ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01**

Учредитель: Общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель: ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Наблюдательный совет:

Фирсов Максим Юрьевич

Спектор Семён Исаакович

Радько Виктор Васильевич

Савенко Евгений Викторович

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Кир Булычев

Николай Никонов

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Станислав Мешавкин

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 г. Министерством печати и массовой
информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы
и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. **22-36-62**

Подписано к печати 2002 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать
офсетная. Тираж 4500. Заказ № 968
Отпечатано в типографии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 11-2002

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Полярный Урал – завершающая часть Уральского хребта, самая северная вершина которого – Константинов камень, всего на 40 километров не доходит до берега Карского моря, хотя геологические структуры Горного Урала подходят к самому берегу Байдарацкой губы и уходят под его воды. Южная граница Полярного Урала проходит в верховьях реки Хулги южнее горы Грубеиз.

Начинаясь гораздо южнее Северного полярного круга, эта часть Уральских гор является самой суровой. Хотя для туристов и исследователей она имеет и преимущества: горы здесь ниже, чем на Приполярном Урале, да и железная дорога, пересекающая его в срединной части делает этот район доступным даже для туристов с детьми.

Суровость края проявляется и в климате, и в следах горного оледенения, и в отсутствии лесов, и в преобладании тундровой растительности. Горные ландшафты по большей части схожи с Приполярным Уралом : уплощенные и остроконечные вершины,

кары, троговые долины и моренные гряды. Здесь находятся самые мощные на Урале ледники: Института географии и Московского университета, всего же их на Полярном Урале около 90.

Высота гор достаточно значительна и медленно уменьшается с приближением к северу: г. Грубеиз – 1435 м, г. Географов – 1130 м, г. Пайер – самая высокая из них – 1472 м, г. Ханмей – 1333м и один из самых интересных массивов в заполярной части – хр. Оченырда – 1338м.

Из огромного количества рек и озер выделяются два озера в параллельных расщелинах гор – Малое и Большое Щучье, причем последнее является самым глубоким на Урале (более 100 м). Река Кара, берущая свое начало близ хребта Оче-Нырда и впадающая в Карское море, отделяет горы Полярного Урала от более северной части Уральской горной страны – кряжей Пай-Хоя.

Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии «Уральская горная страна» в №3, 2001

Хочешь двинуться — ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психоневрологический
госпиталь для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР
(3432) 22-04-81
